

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета

Основан в 2010 году

№ 3 / 2023

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University

Founded in 2010

№ 3 / 2023

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Шириянц А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010. (The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0077-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state university for the Humanities;

Suvorova Ol'ga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Triava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street,10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Боровский Ю. В.

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ: СМЕНА ТРЕНДА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 8

*Васильева Н. Ю., Сидоров А. Ю.*ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. 28*Водопьянов К. Г., Панков Е. С.*«КРАСНЫЕ» ХОДЯТ «БЕЛЫМИ»: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ШАХМАТНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В 1960–1970-Е ГГ. 47*Дегоев В. В.*ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ МАЛОРОССИЯ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.:
ОТ УПРАВЛЯЕМОЙ ВОЛЬНИЦЫ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНУЮ АНАРХИЮ К
ГУБЕРНИЗАЦИИ 60*Манойло А. В.*«КИЕВ ЗА ТРИ ДНЯ» И «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ ХЁРША» КАК ПРИМЕР
«УПРАВЛЕНИЯ ОЖИДАНИЯМИ» В ОПЕРАЦИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ... 88*Скляр С. А.*ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 100*Шишкина О. В.*ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ:
ОТВЕТЫ НА ВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 116

Щербаков И. Э.

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	134
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ

Казанцева О. А., Гурьянова Т. А.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	148
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Валуйцева И. И., Траоре Яя

СЕМЬЯ КАК СРЕДА СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНОГО ЯЗЫКА	163
--	-----

Мазирка И. О., Стативка Л. А.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ ЖАНРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЖ. ДОС ПАССОСА КАК ПИСАТЕЛЯ ГРУППЫ «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»	182
--	-----

Овакимян А. Д.

АССИМИЛЯЦИЯ ТЕРМИНОВ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (СТРУКТУРНЫЙ МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ)	197
---	-----

Филиппова И. Н.

АПРОПРИАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО «ПЕРЕВОДА»	214
--	-----

POLITICS

Yu. Borovskii

RUSSIA AND THE EU: A TREND CHANGE IN ENERGY RELATIONS. 9

*N. Vasilyeva, A. Sidorov*THE PROBLEM OF RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION
IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL POSITION OF THE SOVIET STATE
IN THE FIRST HALF OF THE 1920S. 29*K. Vodopyanov, E. Pankov*“REDS” PLAY “WHITE”: DIPLOMATIC ASPECTS OF THE 1960–70S US–USSR
CHESS STANDOFF. 48*V. Degoev*LEFT-BANK LITTLE RUSSIA IN THE XVII – FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY:
FROM CONTROLLED VOLNITSA (FREEDOM) THROUGH SOCIAL ANARCHY TO
GUBERNIZATION 61*A. Manoilo*“KYIV IN THREE DAYS” AND “HERSH’S NEW SINCERITY” AS AN EXAMPLE
OF “MANAGING EXPECTATIONS” IN INFORMATION WAR OPERATIONS 89*S. Sklyarov*IDEOLOGICAL FACTOR IN RUSSIAN FOREIGN POLICY: PROBLEMS
AND PROSPECTS 101*O. Shishkina*RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET DIRECTION: RESPONSES
TO THE EASTERN POLICY OF THE EUROPEAN UNION 117

I. Shcherbakov

THE ELECTORAL PROCESS SPECIFICS ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION GOVERNOR'S ELECTION	134
---	-----

PSYCHOLOGY

O. Kazantseva, T. Guryanova

THE ROLE OF SOCIAL SUPPORT AND EFFORTFUL CONTROL IN THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS	149
--	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

I. Valuytseva, Yaya Traore

THE FAMILY AS AN ENVIRONMENT FOR PRESERVING A MINORITY LANGUAGE	164
---	-----

I. Mazirka, L. Stativka

THE SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF THE CONSIDERATION OF THE LEXICAL LEVEL OF THE PLAN OF EXPRESSION OF THE GENRE OF LITERARY TEXTS BY J. D. PASSOS AS A WRITER OF THE GROUP "LOST GENERATION"	183
--	-----

A. Hovakimyan

ASSIMILATION OF THE TERMS OF CHRISTIAN ARCHITECTURE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES (STRUCTURAL MORPHEME ANALYSIS)	198
---	-----

I. Filippova

APPROPRIATION AS A STRATEGY OF INTERSEMIOTIC "TRANSLATION"	215
--	-----

УДК 327

Боровский Ю. В.*Московский государственный институт международных отношений (Университет)**Министерства иностранных дел России**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ: СМЕНА ТРЕНДА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать энергетические отношения России и ЕС в первой четверти XXI в. и определить причины смены сотрудничества на конфронтацию.

Процедура и методы. В статье использованы исторический, сравнительный, системный и структурно-функциональный методы, а также наработки реалистической, либеральной и конструктивистской школ теории международных отношений.

Результаты. Сделан вывод, что Украинский кризис 2014 г. поставил под вопрос кооперацию в энергетических отношениях России и ЕС, а Специальная военная операция России на Украине привела к конфронтации этих отношений. Установлены две причины смены тренда: во-первых, готовность Брюсселя и Москвы использовать энергетику в политических целях в логике политического реализма; во-вторых, глубокий ценностно-политический разрыв ЕС с Россией, сделавший невозможным сохранение двусторонней энергетической взаимозависимости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют правильному научному пониманию энергетических отношений России и ЕС в XXI в. и могут служить основой для будущих исследований по данной проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия, Европейский союз, энергетические отношения, энергетика, сотрудничество, санкции

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Россия и Европейский союз как энергетические партнёры \(2000–2014 гг.\)](#)

[Россия и ЕС как энергетические противники \(2014–2023 гг.\)](#)

[Заключение](#)

Yu. Borovskii

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

RUSSIA AND THE EU: A TREND CHANGE IN ENERGY RELATIONS

ABSTRACT

Aim. To analyze the Russia-EU energy relations in the first quarter of the XXI century to find out the reasons for a trend change in them – from cooperation to confrontation.

Methodology. The research was conducted with the use of the historical, comparative, systemic and structural-functional methods, and is based on the assumptions of the realist, liberal and constructivist schools of the theory of international relations.

Results. The author concludes that the Ukrainian crisis erupted in 2014 substantially undermined the cooperative trend in the Russia-EU energy relations, but the special military operation launched by Russia against Ukraine in 2022 ultimately reversed it into confrontation. The trend reversal can be explained either by the willingness of Brussels and Moscow to use energy for political purposes in the logic of political realism or by the deep value and political gap between the EU and Russia that made it impossible to maintain their energy interdependence.

Research implications. The results of the research contribute to a proper scientific understanding of the Russia-EU energy relations in the XXI century, and may substantially facilitate future studies in the same field.

KEYWORDS

Russia, European Union, energy relations, energy, cooperation, sanctions

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XXI в. отношения России и ЕС в сфере энергетики пережили по-настоящему радикальную трансформацию. На протяжении почти полутора десятилетий (2000–2014 гг.) они в целом поступательно развивались. В этот период Москве и Брюсселю удалось систематизировать и институализировать их энергетические связи, а также наладить продуктивное энергетическое сотрудничество на отдельных направлениях. Хотя у сторон имелись определённые разногласия по вопросам энергоснабжения, до 2014 г. никто не ставил под сомнение сложившуюся, в сущности, стратегическую энергетическую взаимозависимость [1; 2; 11; 16; 18]. В её рамках Россия была для ЕС крупнейшим, практически незаменимым поставщиком энергоносителей, прежде всего газа и нефти, а соответственно, страны ЕС выступали в роли крупнейших потребителей российских ископаемых энергоносителей. Накануне Украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 г., в импорте нефти и нефтепродуктов Европейского союза на Россию приходилось 34%, в импорте природного газа – 49%, в импорте угля – 28%. Россия, в свою

очередь, экспортировала в страны ЕС 71% своих нефти и нефтепродуктов, 71% природного газа и 38% угля¹.

Тренд в энергетических отношениях России и ЕС стал меняться в 2014 г., когда страны Европейского союза ввели против Российского государства энергетические санкции в качестве наказания за его политику на Украине. Конечно, в 2014 г. и последующих годах Россия не утратила статуса крупнейшего поставщика нефти, газа и угля в ЕС, а последний не перестал выступать в роли крупнейшего импортёра российских ископаемых энергоносителей. Тем не менее с 2014 г. Брюссель если не снял, то поставил под большой вопрос свой курс на долгосрочное стратегическое энергетическое партнёрство с Россией [1; 2; 11; 21; 27; 31].

В 2022 г. прежняя модель отношений России и Европейского союза в энергетической сфере окончательно исчерпала себя. Реагируя на российскую Специальную военную операцию (СВО) на Украине, страны ЕС во главе с Европейской комиссией вообще решили если не полностью, то максимально разорвать их энергетические связи с Российским государством – даже в ущерб своим фундаментальным экономическим интересам. В таких условиях Россия была вынуждена пойти, по сути, на форсмажорную переориентацию поставок своих ископаемых энергоносителей с европейского на азиатские и иные рынки [9].

Подобный регресс в энергетических отношениях России и ЕС, которые, как нередко утверждалось до 2022 и тем более до 2014 гг., были обречены быть главными партнёрами в сфере энергетики [20; 22; 24; 27], является значимым явлением международных отношений, требующим специального исследования.

Цель настоящей работы – проанализировать энергетические отношения России и ЕС в первой четверти XXI в., которые после этапа поступательного развития весьма стремительно скатились к конфронтационному уровню, когда энергетика стала служить двум сторонам инструментом для нанесения противнику политического, экономического и иного ущерба. Финальной точкой анализа должен стать ответ на исследовательский вопрос: какие причины лежат в основе деградации энергетических отношений России и ЕС после 2014 и 2022 гг.?

В своей работе автор использовал исторический, сравнительный, системный и структурно-функциональный методы исследования, а также разработки реалистической, либеральной и конструктивистской школ теории международных отношений.

Проблематика энергетических отношений России и ЕС периодически затрагивается в научных публикациях. При этом имеющиеся исследования

¹ Statistical analysis of EU trade in energy products, with focus on trade with the Russian Federation [Электронный ресурс] // Statistics in focus (Eurostat). URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/5705da90-8ee1-4af5-bcd3-ce47fedf8778> (дата обращения: 04.05.2023).

целесообразно делить на те, что увидели свет до 2014 г. [12; 16; 20; 22], и те, что вышли уже после начала Украинского кризиса и СВО России на Украине [1; 9; 10; 11; 17; 19; 21; 33]. В ряде работ анализируются движущие силы энергетической политики ЕС и России [2; 3; 4; 5; 8; 27; 29; 31], а также выявляются фундаментальные факторы, сближающие или, напротив, отдаляющие Россию и ЕС [6; 7]. В имеющемся массиве публикаций ощущается явный дефицит работ, в которых основательно исследовались и сопоставлялись бы сразу два состояния энергетических отношений России и ЕС в новом столетии: сотрудничество и конфронтация, – особенно с учётом реалий, возникших после начала СВО. В настоящей статье предпринята попытка устранить эту лакуну, что и определяет её научную новизну.

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПАРТНЁРЫ (2000–2014 ГГ.)

В самом начале XXI столетия Россия и ЕС по обоюдному согласию встали на путь стратегического сближения в сфере энергетики. В октябре 2000 г. ими был запущен Энергетический диалог (далее – ЭД) как отдельное направление их сотрудничества. Идея на такой шаг, обе стороны прекрасно понимали, что со времён холодной войны объективно сложилась их энергетическая взаимозависимость, которой необходимо было придать управляемые, институализированные формы. С помощью ЭД Москва и Брюссель рассчитывали не только укреплять взаимное доверие и обеспечивать надёжность поставок энергоносителей, но и планомерно выстраивать их стратегическое энергетическое партнёрство [1; 10; 11; 12; 16; 18].

Вопреки изначальным надеждам, диалог России и ЕС просуществовал лишь полтора десятилетия. Брюссель заморозил или фактически прервал ЭД в 2014 г. из-за действий Москвы на Украине. При осмыслении истории Энергодialogа возникают два принципиальных вопроса. Что удалось и не удалось достичь сторонам в рамках ЭД? Почему Брюссель так относительно легко отказался от ЭД?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо подвергнуть Энергодialog России и ЕС историческому и структурно-функциональному анализу:

А. Организационно-институциональное измерение Энергетического диалога

За годы своего существования ЭД России и Евросоюза оказался довольно представительным по составу участников и приобрёл чёткие организационно-институциональные рамки. Он вёлся на регулярной основе с участием как глав государств и правительств, представителей профильных министерств и ведомств вовлечённых стран, так и руководителей наднациональных структур Европейского союза. К ЭД были привлечены многочисленные участники из делового и экспертного сообществ с обеих сторон. Управление Энергодialogом было поручено координаторам высокого уровня. В рамках

ЭД были созданы: тематические группы экспертов, Центр энергетических технологий, Консультативный совет по газу. Политическую поддержку ЭД обеспечивал Постоянный совет партнёрства (ПСП) [1; 10; 11; 12; 16; 18; 26].

Б. Содержательное наполнение Энергетического диалога

Москва и Брюссель согласовали приоритетные направления их сотрудничества в рамках ЭД: сближение энергетических стратегий, обеспечение надёжных поставок энергоносителей, взаимное открытие энергетических рынков, обеспечение долгосрочного инвестирования ТЭК, повышение энергоэффективности, обеспечение безопасности в атомной энергетике, развитие экологически безопасных технологий и энергоносителей и др. Поддержку со стороны участников ЭД получил целый ряд масштабных инфраструктурных проектов, представлявших взаимный интерес: соединение электросетей России и ЕС; строительство газопровода «Северный поток» (ныне «Северный поток-1»); сооружение газопровода «Ямал – Европа»; соединение нефтепровода «Дружба» с нефтепроводной системой «Адриа» в Восточной Европе; освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения на российском шельфе Баренцева моря. В рамках ЭД был реализован целый ряд исследовательских проектов, была установлена постоянная связь для взаимного информирования, был создан Механизм раннего предупреждения (МРП) о рисках, связанных с поставкой и потреблением энергоносителей, запущена Инициатива по энергоэффективности, была разработана Дорожная карта сотрудничества в сфере энергетики на период до 2050 г. [1; 10; 11; 12; 16; 18].

С учётом вышеизложенного вряд ли стоит оспаривать тот факт, что на протяжении полутора десятилетий ЭнергодIALOG России и ЕС был инструментом, заметно укрепляющим энергетическую взаимозависимость вовлечённых сторон [12]. Однако при всех своих плюсах ЭД так и не смог устранить целый ряд принципиальных разногласий Москвы и Брюсселя в области энергетики [1; 2; 11; 18]. Это свидетельствует либо о недостаточной эффективности ЭД, либо о наличии в отношениях России и ЕС неких глубинных, труднопреодолимых противоречий.

Если говорить о *принципиальных разногласиях Москвы и Брюсселя* в сфере энергетики, которые не смог нивелировать ЭД, их было несколько.

Во-первых, за счёт Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), подписанного Москвой в 1994 г., но не ратифицированного ею, страны ЕС настойчиво, но безуспешно пытались навязать России невыгодные ей правила международного энергетического взаимодействия. Это касалось свободного транзита газа (в первую очередь среднеазиатского) через территорию РФ, а также широкого доступа иностранных (в том числе европейских) компаний к российским нефтегазовым активам. Параллельно Брюссель настойчиво добивался либерализации газовой отрасли России, что непременно предполагало устранение монополии «Газпрома» [1; 2; 11; 18; 19]. Ни по одному из пунктов Москва не уступила.

Во-вторых, желая защитить газовый рынок ЕС от доминирования «Газпрома», а также иметь возможность регулировать работу мощного газопровода «Северный поток-1» (СП-1) в своих интересах, Европейский союз принял в 2009 г. Газовую директиву (ГД) в рамках Третьего энергетического пакета (ТЭП)². С вступлением в силу ГД «Газпром» лишился права контролировать магистральные трубы в ЕС, а газопровод «Северный поток-1» смог работать в ограниченном режиме – и то с особого разрешения Европейской комиссии³. ГД также создала непреодолимые препятствия для реализации проекта «Южный поток» (ЮП), от которого Россия была вынуждена отказаться в 2014 г. и переключиться на осуществление альтернативного проекта «Турецкий поток» (ТП). Противодействуя СП-1, ЮП и ТП, Европейская комиссия вместе с тем активно продвигала конкурентные газотранспортные проекты без российского участия: сначала «Набукко», позже – «Южный газовый коридор» [1; 2; 11; 17; 18; 19; 28].

Примечательно и другое обстоятельство. Проект строительства газопровода «Северный поток-1» (запущен в 2011–2012 гг.) был поддержан Германией, Австрией, Нидерландами, Францией и даже самой Европейской комиссией⁴. Однако против него решительно выступили Польша и прибалтийские государства, поддержанные США. Ключевым доводом противников СП-1 была якобы политическая ненадёжность России. Российско-украинские газовые конфликты 2006 и 2009 гг., из-за которых на время прерывалось снабжение Европы российским газом, только усиливали позиции критиков Москвы в ЕС [1; 2; 17; 18; 29; 30].

В-третьих, учредив Энергетическое сообщество (Energy Community) в 2006 г., Европейский союз стал экспортировать своё энергетическое законодательство (в том числе ГД ТЭП 2009 г.) в страны Юго-Восточной Европы и Черноморского региона, включая Украину, и тем самым подрывать доминирующие позиции «Газпрома». Все вышеперечисленные усилия ЕС не оставались незамеченными в России, которая требовала компромиссного учёта своих интересов [1; 2; 11; 18].

Таким образом, в 2000–2014 гг. – вопреки, казалось бы, успешному ЭнергодIALOGу, – между Россией и ЕС не только сохранялись, но и накапливались недоверие и конфликтность в сфере энергетики. К тому же на энергетических связях РФ и ЕС не могли не сказываться общий весьма проблемный контекст отношений сторон [7], а также нарастание противоречий по линии

² Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0094:0136:en:PDF> (дата обращения: 04.05.2023).

³ Газовая директива 2009 г. наделила Еврокомиссию правом делать исключения из правил в отношении отдельных участников газового рынка ЕС.

⁴ «Северный поток» // ПАО «Газпром»: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream> (дата обращения: 05.05.2024).

России – США / «коллективный Запад» (расширение НАТО на восток, разные взгляды на европейскую безопасность и стратегическую стабильность, дестабилизация стран постсоветского пространства, Ближнего Востока, Латинской Америки и др.).

Далеко не случайно, что в апреле 2007 г. британо-нидерландская «Шелл» лишилась контрольного пакета акций и статуса оператора в проекте «Сахалин-2», а в апреле 2008 г. в России был принят Федеральный закон об иностранных инвестициях в российские стратегические объекты (ФЗ № 57). Помимо прочего, он запретил зарубежным компаниям, в том числе европейским, обладать контролем над российскими энергетическими активами стратегического уровня. Практически следом, в сентябре 2009 г., в ЕС была утверждена упомянутая Газовая директива, которая сильно ограничила присутствие «Газпрома» на европейском газовом рынке.

В теории международных отношений заметное место занимает либеральная концепция взаимозависимости, разработанная Дж. Найем и Р. Кохейном [23]. Целый ряд исследователей доказывали, что сложившаяся взаимозависимость России и ЕС в сфере энергетики будет не только сближать их политически, но и сглаживать, минимизировать их конфликтность как в сфере энергетики, так и в целом [20; 22; 24]. В этой связи возникает вопрос: *насколько взаимозависимы были Россия и ЕС в энергетической области в начале XXI в.?*

Как уже ранее отмечалось, накануне Украинского кризиса, разразившегося в 2014 г., Россия была крупнейшим поставщиком нефти и нефтепродуктов, газа и угля на рынок ЕС, а Европейский союз, в свою очередь, являлся крупнейшим покупателем российских ископаемых энергоносителей. Однако этим энергетическая взаимозависимость сторон не ограничивалась. После окончания холодной войны европейские компании весьма крепко обосновались на энергетическом рынке РФ, а российские компании, в свою очередь, вышли и заняли заметное место на энергетическом рынке ЕС (см. табл. 1).

Как показало развитие событий, последовавших за началом Украинского кризиса в 2014 г. и тем более за СВО России на Украине в 2022 г., либеральная концепция взаимозависимости, предложенная Дж. Найем и Р. Кохейном [23], не работает. И Брюссель, и Москва оказались способными ставить свои политические приоритеты выше экономических и энергетических, довольно легко разрушать сложившиеся энергетические связи.

Таблица 1 / Table 1.

Участие ведущих компаний стран Европейского союза и России в развитии топливно-энергетических комплексов РФ и ЕС (1991–2014 гг.). / Participation of the leading companies of EU and Russia in the development of fuel and energy complexes of the Russian Federation and the EU (1991–2014)

Компания	Активы
«Шелл» (Великобритания – Нидерланды)	Участие в проекте «Сахалин-2» (27,5% минус 1 акция; в 1994–2007 гг. «Шелл» имела 55% в проекте и являлась его оператором). Участие в проекте разработки Салымской группы месторождений в Ханты-Мансийском АО (50%). Участие в Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК, 5,5%). Совместное предприятие (СП) с «Газпромом нефтью» по освоению нефтегазовых месторождений в Ямало-Ненецком АО. Владение сетью АЗС в регионах РФ.
«Би-Пи» (Великобритания)	Участие в совместном предприятии ТНК-ВР (2003–2013 гг.). Владение 19,75% акций НК «Роснефть» (с 2013 г.). Совместное предприятие с «Роснефтью» по геологоразведке и добыче углеводородов в Западной и Восточной Сибири. СП с «Роснефтью» в газовой сфере. Владение сетью АЗС в регионах РФ.
«Total» (Франция)	Участие в проекте разработки Харьягинского нефтяного месторождения в Ненецком АО (50%). Стратегический альянс с «НОВАТЭК» (12,1% акций, плюс опцион на увеличение доли до 19,4%). Владение 20% акций СП «Ямал СПГ».
«Эни» (Италия)	Соглашение с «Роснефтью» о совместном освоении нефтегазовых участков российского шельфа (Баренцево и Чёрное моря), а также об обмене технологиями и опытом. Долевое участие в проекте «Южный поток».
«Е.ОН» («Uniper» с 2016 г., Германия)	Владение Оптово-генерирующей компанией – 4 (ОГК-4).
«Энел» (Италия)	Владение Оптово-генерирующей компанией – 5 (ОГК-5).
«Fortum» (Финляндия)	Владение сетью теплоэлектростанций на Урале и в Западной Сибири. Реализация инвестиционного проекта по строительству и эксплуатации ветряных электростанций в Ульяновской области.
«Газпром» (Россия)	Совместное с «Винтершелл» и «Е.ОН» (обе – Германия), «Хасуни» (Нидерланды), ГДФ «Суэц» (Франция) владение и управление газопроводом «Северный поток-1». Участие (через дочерние структуры «Вингаз ГмБХ» и др.) во владении и управлении рядом газовых магистралей, хранилищ и сбытовых компаний в Германии и ряде других стран ЕС.

Компания	Активы
«ЛУКОЙЛ» (Россия)	Владение нефтеперерабатывающими и нефтехимическими активами в Болгарии (НПЗ в Бургасе), Италии (НПК «ИСАБ»), Нидерландах (НПЗ «Зиланд») и Румынии (НПЗ в Плоешти). Владение сетью АЭС в странах ЕС.
«Роснефть» (Россия)	Владение долями в четырёх НПЗ Германии («Гельзенкирхен», «МиРО», «Байернойл», «Шведт»). Участие в акционерном капитале «Сарас» – шестой по величине нефтеперерабатывающей компании Европы, владеющей НПЗ на о. Сардиния, нефтехранилищами в Италии и Испании, а также сетью АЭС в странах ЕС.
«Росатом» (Россия)	Обслуживание и заправка ядерным топливом действующих АЭС (Венгрия, Болгария, Чехия). Реализация контракта на строительство 5-ого и 6-ого блоков АЭС «Пакш» в Венгрии (проект «Пакш-2»). Поставка ядерного топлива в страны ЕС.

Источник: корпоративные материалы компаний, представленных в таблице.

В целом, если оценивать период отношений с 2000 по 2014 гг., Россия и Европейский союз не смогли – вопреки взаимным ожиданиям – стать полноценными энергетическими партнёрами и выработать единую энергетическую политику [1; 11]. Весной 2014 г. Энергетический диалог РФ – ЕС был заморожен по инициативе Брюсселя.

РОССИЯ И ЕС КАК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ (2014–2023 ГГ.)

С февраля 2014 г. – из-за начавшегося Украинского кризиса – в энергетических отношениях России и ЕС наметился обратный сотрудничеству конфликтный тренд. Желая наказать Россию за «нарушение территориальной целостности Украины» и поддержку в ней «сепаратистских сил», страны Европейского союза, солидаризовавшись с США, не только прекратили бороться за расширение присутствия европейских энергетических компаний в России, что наблюдалось ранее, но и стали, напротив, добиваться того, чтобы те ограничили свою деятельность на российской территории. Для этого в ЕС был принят пакет санкций, запрещающих европейским корпорациям делать новые инвестиции в российскую энергетику, участвовать в проектах на территории РФ, связанных с добычей углеводородов на арктическом шельфе и больших глубинах, а также с разработкой сланцевых нефтяных залежей, включая предоставление соответствующих услуг и технологий. Европейским банкам было предписано не кредитовать ведущие нефтегазовые компании РФ, да и в целом основные каналы ЕС по финансированию российского ТЭК

были практически перекрыты. На ведущие энергетические компании РФ и их руководителей Брюсселем были наложены ограничительные меры⁵. В результате подобных действий ЕС участие европейских энергетических компаний («Шелл», «Total», «Эни», «Би-Пи» и др.) и банков («Дойче банк», «БНП ПАРИБА Банк», «Эйч-эс-би-си Банк (РР)», «Барклайс Банк» и др.) в развитии российского ТЭК было сильно ограничено, правда, не прекратилось полностью [1; 2; 14; 21; 32].

После того, как Россия признала независимость Донецкой и Луганской Народных Республик 21 февраля 2022 г., а также после начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г. санкционное давление ЕС (и всего «коллективного Запада») на российский ТЭК не просто усилилось, а достигло беспрецедентных масштабов. Весной 2022 г. Брюссель представил план «REPowerEU» («Перезапитать ЕС») по ликвидации зависимости ЕС от импорта газа, нефти и угля из России [9].

Уже 22 февраля ФРГ приостановила сертификацию газопровода «Северный поток-2» (СП-2)⁶, который ранее вызвал ещё больший раскол в ЕС [1; 2]. Закупать российский уголь страны ЕС прекратили в августе 2022 г. Эмбарго на импорт российской нефти заработало (за некоторыми исключениями) в ЕС с декабря 2022 г., эмбарго на импорт нефтепродуктов (также за некоторыми исключениями) – с февраля 2023 г. Кроме этого, весь «коллективный Запад», включая ЕС, ввёл потолок цен на российскую нефть и нефтепродукты соответственно с декабря 2022 г. и с февраля 2023 г. Это означало, что остальные страны мира при импорте российских нефти и нефтепродуктов могли пользоваться услугами западных (в том числе европейских) транспортных и страховых компаний только при условии соблюдения установленного ценового потолка⁷. В рамках ЕС был также поставлен вопрос об отказе от импорта ядерного топлива из России. Поскольку европейскому бизнесу было настоятельно рекомендовано покинуть Россию, крупнейшие европейские энергетические компании (за исключением «Total») также решили последовать рекомендациям Брюсселя и начали уходить из России⁸. В ответ российские

⁵ Секторальные санкции ЕС в отношении России. Досье // ТАСС: [сайт]. [29.06.2018]. URL: <https://tass.ru/info/5334936> (дата обращения: 25.04.2023); EU sanctions against Russia explained // Council of the EU and the European Council: [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained> (дата обращения: 05.09.2022).

⁶ Германия решила остановить сертификацию «Северного потока – 2» // ТАСС: [сайт]. [22.02.2022]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13804187> (дата обращения: 25.04.2023).

⁷ Ничего неожиданного. Потолок цен на российские нефтепродукты вступил в силу // Neftegaz.ru: [сайт]. [05.02.2023]. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/769084-nichego-neozhidannogo-potolok-tsen-na-rossiyskie-nefteprodukty-vstupil-v-silu> (дата обращения: 06.05.2023).

⁸ Кто уходит из России: список компаний // Право.ru: [сайт]. [27.07.2022]. URL: <https://pravo.ru/news/239550> (дата обращения: 06.05.2023).

власти заблокировали этот процесс, а российские активы немецкой «Uniper» и финской «Fortum» передали под временное управление Росимущества⁹.

После февраля 2022 г. зависимость от импорта российских энергоресурсов стала воспринимается в ЕС не только как угроза энергетической безопасности, но и гораздо шире – как угроза безопасности в политическом и даже военно-политическом смысле. В стремлении избавиться от России как поставщика энергоносителей страны ЕС (за немногими исключениями: Венгрия) оказались готовыми платить высокую цену – столкнуться с существенным удорожанием энергии и связанными с ним издержками для промышленности, экономического роста, уровня жизни граждан, а также с необходимостью масштабных инвестиций в строительство новой энергетической инфраструктуры: СПГ-терминалов, газовых интерконнекторов и т. д. [9].

В свою очередь, Москва, понимая, что энергетическая уязвимость европейцев с течением времени будет снижаться, решила действовать на опережение – использовать «газовую карту» для подрыва антироссийского санкционного режима и снижения готовности ЕС оказывать финансовую и военную поддержку Украине. В мае 2022 г. Москвой было принято решение о переводе расчётов за российский газ в рубли. Ряд стран ЕС с этим не согласился и прекратил закупать голубое топливо в России. В мае Москва также остановила прокачку газа по газопроводу «Ямал – Европа», поскольку ввела санкции против компании «EuRoPol GAZ» – владельца польского участка данного газопровода. После того как, опять-таки, в мае 2022 г. Украина объявила о прекращении транзита газа через «Сохрановку» в Луганской Народной Республике (эта территория была занята российскими войсками), «Газпром» отказался нарастить транзит голубого топлива по другим украинским направлениям. С июня 2022 г., ссылаясь на технические обстоятельства, «Газпром» постепенно снижал поставки по СП-1, а в августе практически их прекратил. 26 сентября неизвестными лицами были взорваны газопроводы СП-1 и СП-2 [9]. И хотя Россия не имела к диверсиям отношения, что признали даже США, указавшие на некий украинский след в этом преступлении¹⁰, подрыв трубопроводов мог отвечать тактическим интересам Москвы. В октябре 2023 г. глава «Газпрома» А. Б. Миллер не исключил замерзания целых европейских городов зимой 2022–2023 гг.¹¹. Согласно статистике в декабре 2022 г. в страны ЕС поступило всего 2,5 млрд кубометров газа из России, в то время как

⁹ Активы Uniper и Fortum перешли под управление государства: чего ждать инвесторам // Forbes: [сайт]. [26.04.2023]. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/488426-aktivy-uniper-i-fortum-peresli-pod-upravlenie-gosudarstva-cego-zdat-investoram> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁰ Американская разведка нашла украинский след в диверсии на «Северных потоках» // Ведомости: [сайт]. [08.03.2023]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/08/965705-amerikanskaya-razvedka-nashla-sled> (дата обращения: 25.04.2023).

¹¹ Миллер: во время пика холодов могут замерзнуть целые города Европы // Вести.Ru: [сайт]. [25.04.2023]. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2987420> (дата обращения: 25.04.2023).

в декабре 2021 г. этот показатель составлял 8,1 млрд кубометров¹². Тем не менее в практическом плане всё вышло иначе. Тёплая зима 2022–2023 гг., наращивание поставок СПГ, переход на уголь, а также заблаговременно накопленные запасы газа позволили странам ЕС избежать сценария, который допускал руководитель «Газпрома».

Таким образом, в 2022–2023 гг. в энергетических отношениях России и ЕС произошли форсмажорные обстоятельства. Стороны, фактически оставив вне поля зрения экономическую целесообразность и энергетическую взаимозависимость, поставили во главу угла политику – в невиданном ранее масштабе они стали использовать энергетику как средство достижения политических целей. Европейский союз за счёт жёстких санкций рассчитывал, с одной стороны, заставить Россию «заплатить высокую цену за агрессию против Украины», с другой – ограничить её экономические, военно-промышленные и, как следствие, геополитические возможности. В Москве, в свою очередь, рассчитывали, что зимой 2022–2023 гг. энергетический кризис приведёт к подрыву проукраинских настроений в странах ЕС, вызовет общественные волнения в Европе и вынудит европейских политиков пойти на нормализацию отношения с Россией на новых, более справедливых условиях [9].

В научной среде встречаются публикации, в которых энергетика рассматривается в качестве политического рычага России и ЕС [4; 5; 9; 28; 29; 30; 33]. Однако фактическое, беспрецедентное по масштабу использование ЕС и Россией «энергетического оружия» в период после февраля 2022 г. открывает новую страницу в области подобных исследований, что, безусловно, требует дополнительного внимания учёных.

Отвечая на вопрос, *какие причины лежат в основе деградации энергетических отношений России и ЕС после 2014 и 2022 гг.*, следует исходить из того, что главным инициатором сначала сокращения, а затем и разрушения двусторонних энергетических связей был Европейский союз. Как представляется, Россия не играла в этом деструктивном процессе «первой скрипки» и в большей мере лишь реагировала на происходящее. Вполне можно допускать, что в случае, если бы «коллективный Запад» и ЕС не стали использовать энергетику в политических целях, Москва вряд ли позволила бы себе политизировать энергетические связи с ЕС, поскольку они обеспечивали львиную долю её экспортных доходов. В 2021 г., по данным Евростата, на Россию приходился 31% всего стоимостного объёма импорта энергоресурсов Евросоюзом из третьих стран, в том числе 25% сырой нефти, 45% природного газа, 45% угля [15].

С научной точки зрения политизированные действия ЕС и России могут иметь следующие объяснения.

¹² Monthly imports of natural gas from Russia to the European Union (EU) from November 2020 to December 2022 (in million cubic meters) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com> (дата обращения: 25.04.2023).

С точки зрения *политического реализма* в его классических и современных трактовках (неореализм) любые виды международных отношений в сфере экономики, экологии или энергетики носят подчинённый характер по отношению к политике или борьбе государств и их объединений за власть, безопасность и просто выживание в анархичной международной среде. Т. е. они рассматриваются исключительно в качестве источников (политической) силы или, напротив, (политической) слабости государств [25]. Таким образом, можно допустить, что после февраля 2014 г. и тем более февраля 2022 г. страны ЕС, являясь неотъемлемой частью ведомого США «коллективного Запада», вступили в политическое противостояние с Россией, в котором энергетика приобрела статус ключевого политического рычага.

Реалисты полагают, что государства могут придерживаться «стратегии примыкания» (англ. *bandwagoning*). Т. е. в целях собственной безопасности они могут примыкать к более сильному государству и следовать в фарватере его политики [25; 34]. Допущение, что на фоне эскалации ситуации на Украине страны ЕС решили примкнуть к США, может объяснять их готовность жертвовать своими фундаментальными экономическими и энергетическими интересами. Соединённые Штаты после свершения у них сланцевой революции приобрели к концу 2010-х гг. статус нетто-экспортёров нефти и газа. Как следствие, для Вашингтона ограничение поставок углеводородов из России оказалось не столь критичным, как для стран ЕС.

Авторитетный американский исследователь Дж. Миршаймер полагает, что после окончания холодной войны внешняя политика России неизменно строилась в логике политического реализма [13], поэтому использование Россией поставок газа в качестве политического рычага в контексте Украинского кризиса выглядит вполне закономерным.

Альтернативное объяснение деградации энергетических связей России и ЕС может быть найдено в *социальном конструктивизме*, т. е. увязано с глубокими ценностно-политическими противоречиями сторон. После окончания холодной войны миссия правящих элит Европейского союза, который не следует отделять от «коллективного Запада», заключалась в политико-экономической либерализации и ценностной переориентации России для её последующей интеграции в «западное сообщество европейских стран» на правах младшего, управляемого партнёра. Такой сценарий – в силу неготовности Москвы жертвовать своими интересами и ценностями ради общего будущего с Европейским союзом (и Западом) – стал со временем утрачивать свою актуальность, а экономические отношения России и ЕС, в том числе в области энергоснабжения, – политизироваться и секьюритизироваться [7].

Вмешательство России в Украинский кризис в 2014 г. и особенно начало Москвой СВО в 2022 г. вошли в серьёзный конфликт с мировосприятием европейских элит и находящегося под их воздействием населения стран ЕС [6; 7; 9]. Согласно данным «Евробарометра» в марте 2022 г., большинство жите-

лей стран ЕС резко осудили Россию за её «агрессивные действия» в отношении Украины и выразили решительную поддержку Киеву¹³. Есть основания допускать, что в 2014 г. и тем более в 2022 г. в ЕС произошло ценностно-политическое отторжение России, что создало достаточные условия для разрушения сложившейся экономической взаимозависимости сторон, в том числе в области энергоснабжения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой четверти XXI в. в отношениях России и ЕС в сфере энергетики имели место два тренда. С 2000 по 2014 г. поступательно развивались отношения сотрудничества, поскольку Москва и Брюссель, несмотря на имеющиеся у них разногласия, признавали сложившуюся между ними энергетическую взаимозависимость и по большому счёту пытались её укреплять. Однако Украинский кризис 2014 г. поставил под вопрос сложившийся кооперативный тренд, а СВО России на Украине способствовала замене кооперации конфронтацией. Фактически российский ТЭК был поставлен Брюсселем в «режим отмены».

Смена тренда может объясняться как готовностью Брюсселя и Москвы использовать энергетику в политических целях в логике политического реализма, так и глубоким ценностно-политическим разрывом ЕС с Россией, сделавшим невозможным сохранение двусторонней энергетической взаимозависимости. И в первом, и во втором случаях политика возоблудала над экономикой, неотъемлемой частью которой является энергетика. Все расчёты на либеральную концепцию взаимозависимости в итоге не оправдались.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.07.2023

Статья размещена на сайте: 06.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский Ю. В. Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). М.: Аспект Пресс, 2022. 323 с.
2. Боровский Ю. В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25:

¹³ Public opinion on Russia's war against Ukraine // Eurobarometer: [сайт]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2022/public-opinion-on-the-war-in-ukraine/en-public-opinion-on-the-war-in-ukraine-20220304.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

- Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39
3. Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127
 4. Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06
 5. Голунов С. В. Энергетические рычаги внешней политики: Опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1. С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3
 6. Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 69–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04
 7. Изотов А. В. Формирование кризиса в отношениях России с Европейским союзом и западным сообществом: перспективы изменения ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 14. С. 139–155. DOI: 10.21638/spbu06.2021.202
 8. Кавешников Н. Ю. «Невозможная триада» энергобезопасности Европейского союза // Международные процессы. 2015. № 4. С. 74–85. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.5
 9. Кавешников Н. Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-EnergyCrisis-PoolicyBrief42.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).
 10. Кавешников Н. Ю. Энергетический диалог России и ЕС // Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной, Н. Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 602–611.
 11. Кинякин А. А., Напара А. С., Копыл М. В. Энергетический диалог России и ЕС: сотрудничество или конкуренция? // Наука Красноярья. 2018. Т. 7. № 2. С. 167–197. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198
 12. Махнач И. М. Развитие энергетического диалога Российской Федерации и Европейского союза // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. С. 63–70.
 13. Миршаймер Дж. Число специалистов, работающих над формулированием теории, не может быть большим // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 165–178. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.9
 14. Сидорова Е. А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. № 1. С. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11
 15. Спартак А. Н., Чекина Т. Н. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2. С. 8–46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46

16. Шумило П. С. Энергетический диалог России и Евросоюза – основа европейской энергетической безопасности // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 4. С. 67–73.
17. Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношении России и Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. URL: www.e-journal.spa.msu.ru (дата обращения: 07.05.2023). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89
18. Юдина О. Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия, результаты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75
19. Яковлев А. А. Экономическая оценка текущего положения и перспектив развития отношений России и Евросоюза в энергетической сфере // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 275–279. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-275-279
20. Esakova N. European Energy security. Analysing the EU-Russia Energy Security Regime in Terms of Interdependence Theory. Berlin: Springer, 2013. 280 p.
21. Goldthau A., Boersma T. The 2014 Ukraine-Russia crisis: Implications for energy markets and scholarship // Energy Research & Social Science. 2014. № 3. P. 13–15. DOI: 10.1016/j.erss.2014.05.001
22. Harsem Ø., Claes D. H. The interdependence of European–Russian energy relations // Energy Policy. 2013. № 59. P. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035
23. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. London: Longman, 2000. 334 p.
24. Lee Yu. Interdependence, issue importance, and the 2009 Russia-Ukraine gas conflict // Energy Policy. 2017. № 102. P. 199–209. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.038
25. Lobell S.E. Structural realism. Offensive and defensive realism // International studies encyclopedia / ed. R. A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001
26. Morgenthau H., Thompson K. W., Clinton D. Politics Among Nations. 7th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2005. 752 p.
27. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security // Energy Policy. 2020. № 145. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699
28. Romanova T. Is Russian energy policy towards the EU only about geopolitics? The case of the Third Liberalization Package // Geopolitics. 2016. № 4. P. 857–879. DOI: 10.1080/14650045.2016.1155049
29. Siddi M. The role of power in EU-Russia energy relations: The interplay between markets and geopolitics // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. Iss. 10. P. 1552–1571. DOI: 10.1007/978-3-319-73526-9_54-1
30. Stegen K. S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study // Energy policy. 2011. № 11. P. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051

31. Tichý L. EU political discourse on the energy security relations with Russia // *European Political Science*. 2019. № 19. P. 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x
32. Vaganova O. V. Russia and sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8. № 1. P. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1
33. Van de Graaf T., Colgan J. D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis // *Energy Research & Social Science*. 2017. № 24. P. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018
34. Walt S. W. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. № 4. P. 3–43.

REFERENCES

1. Borovsky Yu. V. *Mezhdunarodnoe izmerenie energeticheskoi bezopasnosti: Rossiya i mir (1991–2021)* [International dimension of energy security: Russia and the world (1991–2021)]. Moscow, Aspect Press Publ., 2022. 323 p.
2. Borovsky Yu. V. [Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2022, no. 2, pp. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39
3. Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. [The Priorities of EU Energy Policy]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 3, pp. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127
4. Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. [The EU's energy policy and its driving forces]. In: *Polis. Politicheskie issledovania* [Polis. Political Studies], 2022, no. 3, pp. 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06
5. Golunov S. V. [The energy toolkit of statecraft. The cases of Russia and the USA]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2021, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3
6. Darsey J., Stulberg A. [Deaf Ears and the U.S.-EU-Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment]. In: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [International organizations research journal], 2019, no. 3, pp. 69–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04
7. Izotov A. V. [Crisis formation in Russia's relations with the European Union and the Western community: Prospects for changes]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2021, no. 14, pp. 139–155. DOI: 10.21638/spbu06.2021.202
8. Kaveshnikov N. Yu. [The “impossible triad” of the EU energy security]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2015, no. 4, pp. 74–85. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.5
9. Kaveshnikov N. Yu. *Reaktsiya Evrosoyuza na energeticheskii krizis 2022 g.* [The EU's reaction to the energy crisis of 2022]. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-EnergyCrisis-PoolicyBrief42.pdf> (accessed: 07.05.2023).

10. Kaveshnikov N. Yu. [The Russia-EU Energy dialogue]. In: Butorina O. V., Kaveshnikov N. Yu., eds. *Evropeiskaya integratsia* [The European integration]. Moscow, Aspect Press Publ., 2016, pp. 602–611.
11. Kinyakin A. A., Napara A. S., Kopyl M. V. [Russia-EU energy dialogue: cooperation or competition?]. In: *Nauka Krasnoyaria* [Siberian Journal of Economics and Management], 2018, vol. 7, no. 2, pp. 167–197. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198
12. Mahnach I. M. [Development of the Energy Dialogue Between the Russian Federation and the European Union]. In: *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], 2013, no. 4, pp. 63–70.
13. Mearsheimer J. J. [You can only have so many dedicated theorists in IR...]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2019, no. 2, pp. 165–178. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.9
14. Sidorova E. A. [Russian energy industry under the Western sanctions]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2016, no. 1, pp. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11
15. Spartak A. N., Cheklina T. N. [Russia's Trade and Economic Cooperation with Europe before and after the Start of the Special Military Operation]. In: *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russia Foreign Economic Bulletin], 2023, no. 2, pp. 8–46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46
16. Shumilo P. S. [Energy dialogue between Russia and the EU is the basis of European energy security]. In: *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russia Foreign Economic Bulletin], 2012, no. 4, pp. 67–73.
17. Shuranova A. A., Petrunin Yu. Yu. [The 2021–2022 Energy Crisis in Relations between Russia and European Union]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-journal], 2022, no. 90. Available at: www.e-journal.spa.msu.ru (accessed: 07.05.2023). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89
18. Yudina O. N. [Russia-EU energy dialogue in 2000-2014: key priorities, stages, contradictions, and outcomes]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2022, no. 2, pp. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75
19. Yakovlev A. A. [Economic assessment of the current situation and prospects for the development of relations between Russia and the European Union in the energy sector]. In: *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 2023, no. 1, pp. 275–279. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-275-279
20. Esakova N. European Energy security. Analysing the EU-Russia Energy Security Regime in Terms of Interdependence Theory. Berlin, Springer, 2013. 280 p.
21. Goldthau A., Boersma T. The 2014 Ukraine-Russia crisis: Implications for energy markets and scholarship. In: *Energy Research & Social Science*, 2014, no 3, pp. 13–15. DOI: 10.1016/j.erss.2014.05.001

22. Harsem Ø., Claes D. H. The interdependence of European–Russian energy relations. In: *Energy Policy*, 2013, no. 59, pp. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035
23. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. London, Longman, 2000. 334 p.
24. Lee Yu. Interdependence, issue importance, and the 2009 Russia-Ukraine gas conflict. In: *Energy Policy*, 2017, no. 102, pp. 199–209. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.038
25. Lobell S. E. Structural realism. Offensive and defensive realism. In: *International studies encyclopedia*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010, pp 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001
26. Morgenthau H., Thompson K. W., Clinton D. Politics Among Nations. New York, McGraw-Hill Education. 2005. 752 p.
27. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. In: *Energy Policy*, 2020, no. 145, pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699
28. Romanova T. Is Russian energy policy towards the EU only about geopolitics? The case of the Third Liberalization Package. In: *Geopolitics*, 2016, no. 4, pp. 857–879. DOI: 10.1080/14650045.2016.1155049
29. Siddi M. The role of power in EU-Russia energy relations: The interplay between markets and geopolitics. In: *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, iss. 10, pp. 1552–1571. DOI: 10.1007/978-3-319-73526-9_54-1
30. Stegen K. S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study. In: *Energy policy*, 2011, no. 11, pp. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051
31. Tichý L. EU political discourse on the energy security relations with Russia. In: *European Political Science*, 2019, vol. 19, pp. 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x
32. Vaganova O. V. Russia and sanctions. In: *Research Result. Economic Research*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1
33. Van de Graaf T., Colgan J. D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis. In: *Energy Research & Social Science*, 2017, vol. 24, pp. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018
34. Walt S. W. Alliance Formation and the Balance of World Power. In: *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Боровский Юрий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: yuribor@mail.ru

Yurii V. Borovskii – Dr. Sci. (History), Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, School of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: yuribor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Боровский Ю В. Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borovskii Yu. V. Russia and the EU: a trend change in energy relations. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 93.94

Васильева Н. Ю., Сидоров А. Ю.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел России

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение советского восприятия русской пореволюционной эмиграции в контексте ключевых внешнеполитических вызовов Стране Советов первой половины 1920-х гг.

Процедура и методы. На базе принципов историзма и научной объективности авторами проведён анализ ряда архивных и официальных советских документов, а также части мемуарно-публицистического наследия Зарубежной России, относящихся к проблематике исследования.

Результаты. Сделан вывод, что в указанный период большевики рассматривали пореволюционную эмиграцию в качестве одной из наиболее опасных угроз безопасности своего государства.

Практическая значимость. Впервые в научный оборот введены некоторые архивные документы, дающие более точное представление о формировании советской позиции в отношении планов Ф. Нансена по масштабной репатриации русских эмигрантов на родину в 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

русская пореволюционная эмиграция, русские беженцы, Советское государство, российское зарубежье, Лига Наций

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Антибольшевизм русской эмиграции](#)

[Возможности и пределы внешней политики большевиков в сфере противодействия антисоветским планам представителей эмиграции](#)

[Официальная Москва и международная помощь русским беженцам в первой половине 1920-х гг.](#)

[Заключение](#)

N. Vasilyeva, A. Sidorov

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

THE PROBLEM OF RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL POSITION OF THE SOVIET STATE IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

ABSTRACT

Aim. To consider the Soviet perception of Russian post-revolutionary emigration in the context of the key foreign policy challenges to the Soviet Country of the first half of the 1920s.

Methodology. On the basis of the principles of historicism and scientific objectivity, the authors analyzed a number of archival and official Soviet documents, as well as parts of the memoirs and journalistic heritage of the Russia Abroad related to the research.

Results. It is concluded that during this period the Bolsheviks considered the post-revolutionary emigration as one of the biggest threats to the security of the young Soviet state.

Research implications. The article introduced for the first time into the scientific circulation some archival documents that give a more detailed idea of the formation of the Soviet position regarding the plans of F. Nansen for a large-scale repatriation of Russian emigrants to their homeland in the 1920s.

KEYWORDS

Russian post-revolutionary emigration, Russian refugees, Soviet Russia, Russia Abroad, the League of Nations

ВВЕДЕНИЕ

Одним из последствий инициированного большевиками после октября 1917 г. масштабного процесса советизации России стало массовое переселение людей по политическим причинам, получившее в истории название первой волны русской пореволюционной эмиграции и изначально представлявшее в глазах советских руководителей серьёзную проблему на пути укрепления их государством своих позиций на международной арене. Уникальность этого явления определялась целым рядом важных факторов. Прежде всего, от других миграционных потоков и поколений политических беженцев как российского, так и иностранного происхождения данное эмигрантское сообщество разительно отличалось не только своей беспрецедентной численностью¹, но и крайне обширной географией рассеивания его

¹ Советские источники, как правило, определяли численный состав Российского Зарубежья в 1920-е гг. 1,5–2 млн чел. Собственно же эмигрантские издания обычно оценивали масштабы последнего в пределах от 2 до 3,5 млн чел. А некоторые из них даже называли цифру в 9–10 млн чел., причисляя к нему «значительные группы русского населения, оказавшиеся – в силу международных договоров и отхода от России целых областей – вне пределов родины, но говоривших по-русски, считавших себя русскими и тяготевших к тем культурным центрам, в которых сосредоточилось русское рассеяние 1920–1925 годов» [8, с. 14].

представителей. Помимо Польши, Германии и остальных государств Центральной и Восточной Европы, которые на заре 1920-х гг. приютили по меньшей мере три четверти всех вынужденных изгнанников из России [19, р. 187], крупными центрами сосредоточения т. н. белоэмигрантов на Европейском континенте стали тогда Франция и Бельгия, а на Дальнем Востоке – Китай². При этом отдельные группы российских политических беженцев оказались также в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайских островах [13, с. 59].

Целью настоящей работы является анализ феномена русской пореволюционной эмиграции в контексте ключевых внешнеполитических вызовов Стране Советов первой половины 1920-х гг.

На базе принципов историзма и научной объективности авторами проведён анализ ряда архивных и официальных советских документов, а также части мемуарно-публицистического наследия зарубежной России, относящихся к проблематике исследования.

АНТИБОЛЬШЕВИЗМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

По своему социальному, конфессиональному, национальному и профессиональному составу указанная волна отечественной эмиграции напоминала уменьшенную копию всей «великой России», хотя и в несколько измененных пропорциях. И в то же время она объединяла в себе многочисленных представителей как правого, так и левого фланга отечественной политики, которые не пожелали или не сумели интегрироваться в большевистский проект советской государственности. Правда, как утверждал позднее бывший лидер кадетов и один из вождей Февральской революции в России, а впоследствии видный политэмигрант П. Н. Милуков, «уже в силу связи эмиграции и беженства с только что минувшим периодом «белой» борьбы», обладающим в их политических кругах с самого начала всё же признавалось реставрационно-монархическое течение, «господствовавшее» в конце Гражданской войны среди «белых армий». «Никто не считал сторонников этого течения, – вспоминал он, – но как-то было принято на веру допущение демократической печати, что 85% эмиграции являются сторонниками монархии и только 15% могут считаться республикански настроенными» [10, с. 6].

Более того, в первые пореволюционные годы в условиях сохранявшейся дипломатической блокады РСФСР, а позднее СССР со стороны ведущих ми-

² По официальным данным Лиги Наций, к осени 1924 г. в Китае находились порядка 60 тыс. российских беженцев (по сводкам китайского правительства – 70 тыс.), большая часть которых была сосредоточена в Маньчжурии (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7067. Оп. 1. Д. 514. Л. 8 об.). Однако представители самих эмигрантских кругов сообщали в тот период о пребывании как минимум 200 тыс. русских белых на китайской территории [1, с. 127].

ровых держав во многих уголках земного шара де-факто продолжали функционировать посольства и консульства добольшевистской России, которые были открыты ещё по распоряжению царского или Временного правительств и категорически отказывались признавать легитимность новой власти на территории их родного государства. Согласно информации, предоставленной в июне 1921 г. генеральному секретарю Лиги Наций Э. Драммонду российским «чрезвычайным посланником и полномочным представителем» в Берне И. Н. Ефремовым, подобные заграничные учреждения существовали в тот период, например, во Франции, Великобритании, Италии, Японии, Корее, США, Испании, Бельгии, Болгарии, Дании, Египте, Нидерландах, Польше, Румынии, Швеции и Швейцарии³. Их деятельность в этих государствах не ограничивалась только оказанием неофициальной консульской помощи своим соотечественникам за рубежом. Наряду с другими авторитетными представителями политической беженской диаспоры, дипломаты-эмигранты также нередко выступали в роли приглашённых экспертов по «русскому вопросу», благодаря чему эмиграции удавалось оказывать «хотя и косвенное, но всё же весьма значимое воздействие ... на правящую элиту западных стран» [11, с. 216]. По свидетельству последнего российского посла досоветской эпохи в Париже В. А. Маклакова, в первые пореволюционные годы он, как и многие его коллеги по дипломатической работе, видел собственную задачу в том, чтобы, с одной стороны, «мешать Европе ставить ставку на большевизм и начать ему помогать», а с другой – «помешать той же Европе ставить ставку на расчленение России или на её материальное расхищение» [14, с. 78].

Ярким примером данного направления в рамках общей антисоветской деятельности русской эмиграции в первой половине 1920-х гг. можно считать многочисленные петиции, воззвания и меморандумы представителей её дипломатических кругов, а также различных эмигрантских объединений, адресованные отдельным западным лидерам и правительствам в период подготовки и проведения Генуэзской конференции 1922 г. Этот форум стал первой крупной международной встречей, на которую Советская Россия была официально приглашена наравне с другими европейскими странами. В глазах пореволюционных эмигрантов, участие её делегатов в Генуэзской конференции могло стать прологом к столь нежеланной для российского зарубежья общей нормализации отношений между «Совдепией» и представителями Версальской Европы. Тем более что сами большевики воспринимали своё приглашение на это общеевропейское мероприятие как крупный внешнеполитический успех молодой Страны Советов на международной арене. «Генуэзская конференция для Советской России сыграла роль глубокой разведки в тылу неприятеля, – с гордостью отмечал в 1922 г. член делегации РСФСР Б. Е. Штейн, – После Генуи мы знаем слабые и сильные места против-

³ ГАРФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 566. Л. 13 об., 14 об.

ника лучше, чем до Генуи. После Генуи мы больше верим в себя и собственные силы, чем до Генуи. И в этом наша колоссальная победа на конференции» [17, с. 126].

Один из меморандумов, составленный 5 мая 1922 г. от имени действовавшего в Париже Русского национального комитета (РНК), был даже направлен тогдашнему главе Римско-католической церкви Пию XI, занявшему папский престол всего за два месяца до созыва самой Генуэзской конференции. Новоизбранный понтифик имел репутацию «закоренелого антисоветчика» и «ярого врага коммунизма» [4, с. 178]. Поэтому авторы данного документа надеялись найти в его лице влиятельного союзника в деле борьбы за недопущение дипломатического признания Западом большевистского режима и препятствования установлению постоянных торговых контактов между капиталистическими державами и Советской Россией. «Мы знаем, – говорилось в послании, – что коммунизм представляет из себя ещё большее зло и большую опасность, чем каннибализм... Коммунисты своими принципами буквально убивают людей духовно и физически. Их идеал, в сущности, не может быть реализован без предварительного уничтожения современного цивилизованного человека и его представлений о человеческом обществе; он неосуществим без превращения свободного человека в раба или полное чудовище. Мы, другие русские, единственные, кто по своему опыту от и до знает все ошибки этой сатанинской системы, и мы никогда не откажемся от своего изначального убеждения, что коммунизм и цивилизация так же несовместимы, как вода и огонь»⁴. В связи с этим представители РНК призывали Пия XI и других европейских государственных мужей Версальской Европы не верить в возможность какой-либо эволюции «московского коммунизма», а, напротив, принять самое активное участие в организации глобального «крестового похода против сил Третьего Интернационала»⁵.

Другой важной особенностью русской пореволюционной эмиграции в первой половине 1920-х гг. являлся её значительный мобилизационный потенциал, поскольку многие из белоэмигрантов, попав в изгнание, ещё в течение достаточно долгого времени продолжали активно участвовать в общественно-политической жизни зарубежной России, надеясь таким образом ускорить падение ненавистного им советского режима и приблизить день своего собственного возвращения на родину. Так, по словам Мишеля Фёдорова, внука и биографа бывшего царского министра, а позднее крупного деятеля Белого движения и пореволюционной эмиграции М. М. Фёдорова⁶, даже во время «великого исхода» врангелевской армии из Крыма в ноябре 1920 г., формально завершившего Гражданскую войну в европейской части страны,

⁴ Lettre ouverte au Pape du Comité National Russe // ГАРФ. Ф. 10113. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ В 1922 г. М. М. Фёдоров станет одним из подписантов упомянутого выше воззвания РНК к папе Пию XI.

его 62-летний дед как человек и политик не был психологически сломлен или морально раздавлен. Напротив, его уверенность в неокончателном характере поражения антибольшевистских сил на российской территории день ото дня только укреплялась. «Уже в пути и затем в Константинополе с другими беженцами, – отмечал М. Фёдоров в своём исследовании, – он начал строить планы по созданию в тех странах, где придётся теперь жить, организаций для политической борьбы с советской властью. Он был убеждён, что этот бесчеловечный и кровавый режим не продержится долго, что русский народ восстанет и свергнет его. Но, чтобы помочь такому восстанию, русские в изгнании должны поддерживать единство и суметь организоваться для такой борьбы» [16, с. 107].

Заметный вклад в поддержание «боевого духа» русского беженства, несмотря на всю его идейную и политическую неоднородность, в первой половине 1920-х гг. вносила также и эмигрантская пресса, воспринимавшаяся советской стороной как мощное пропагандистское оружие в руках контрреволюционных сил. Многочисленные периодические издания российского зарубежья призывали своих читателей не прекращать борьбы с большевизмом даже в условиях вынужденного изгнания, поскольку от этого, по их мнению, во многом зависело будущее самой эмиграции. «Отныне не должно быть русских людей апатичных, равнодушных, нетчиков, – писала, например, летом 1921 г. влиятельная эмигрантская газета «Общее дело», – Последние – великое зло для всякого общественного дела, а для нашего русского дела в его теперешнем фазисе – прямо губительно. “Аполитичным” можно быть тогда, когда жизнь государства идёт нормально, в здоровых условиях; но если во всей наготе стал вопрос для родины – “быть или не быть”, аполитичность граничит с дезертирством, граничит с предательством и уже во всяком случае с преступным эгоизмом и трусостью»⁷.

Не меньшую опасность для Советского государства представляла и тогдашняя деятельность военных кругов российского зарубежья, объединявших в первой половине 1920-х гг., по подсчётам некоторых отечественных историков, свыше 300 тыс. бывших солдат и офицеров Императорской и антибольшевистских армий периода Гражданской войны [3, с. 17]. По воспоминаниям известного деятеля российской эмиграции в Харбине – генерала В. А. Кислицына, – многие из этих людей, включая его самого, находясь в изгнании, постоянно осознавали необходимость «вести борьбу за освобождение родины от большевиков», поскольку «без этого самая жизнь казалась не имеющей цены» [7, с. 122–123].

Наиболее консолидированную часть пореволюционной военной эмиграции в первые годы её существования составляли т. н. врангелевцы – быв-

⁷ Общее дело. 1921. 23 июня // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 508. Л. 43.

шие офицеры и солдаты Русской армии, дислоцировавшейся после своей эвакуации из Крыма сначала в специально оборудованных лагерях в Турции и на греческом острове Лемнос, а позднее расквартированной на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), а также Болгарии. П. Н. Врангель и его сторонники в эмигрантской среде рассматривали данное воинское формирование⁸ в качестве единственной реальной силы, способной сплотить вокруг себя всех сторонников возрождения великой России. Именно поэтому наиболее важной для себя задачей они полагали сохранение организованного порядка и боеспособности эвакуированных за границу белогвардейских частей, попутно призывая мировое сообщество не сотрудничать в какой-либо форме с «преступным» советским режимом и не отказываться от дальнейшей политической и материальной поддержки крымских беженцев до полного восстановления мира и порядка в их многострадальном отечестве. «Умиротворение и воссоздание России – существенное условие умиротворения всего цивилизованного мира. В интересах всех держав – ускорить момент этого умиротворения...»⁹ – говорилось в одном из обращений П. Н. Врангеля, адресованном в марте 1921 г. Лиге Наций, иностранным правительствам и их народам. Кроме того, бывший правитель юга России обращал внимание своей международной аудитории на необходимость существования подконтрольных ему воинских подразделений «не только для продолжения борьбы с умирающим большевизмом», но и для «сохранения той общественной силы», в которой российское государство «испытывает острую нужду в день, когда большевизм рухнет и его неминуемо сменит эра хаоса и полной анархии»¹⁰. И в этом вопросе с ним тогда были согласны многие невоенные деятели эмиграции. В частности, в том же 1921 г. известный российский публицист, философ, историк и политэмигрант П. Б. Струве, заочно приговорённый в РСФСР к смертной казни, решительно утверждал в одной из статей: «Может быть, по объективным причинам, мы не можем сохранить армию как наличную воинскую организацию. Но как бы не решился этот внешний и формальный вопрос, являющийся для внешних сил, от которых мы зависим, для одних – вопросом, прежде всего, финансовым, а потом политическим, для других – прежде всего политическим, а потом финансовым вопросом, – русские люди, желающие действительно бороться с большевизмом, должны всемерно блюсти дух и идею армии. Ибо без креп-

⁸ Как следует из данных, опубликованных 14 января 1923 г. в авторитетной эмигрантской газете «Новое время», в ходе т. н. великого исхода врангелевцев из Крыма поздней осенью 1920 г. на 126 судах, отплывших к берегам Турции, было эвакуировано в общей сложности около 140 тыс. человек. Из них чуть более половины (56%) составляли представители белого воинства, остальные беженцы являлись гражданскими лицами.

⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 502. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 17.

кой дисциплинированной армии Россия не может быть восстановлена» [15, с. 210].

Даже после официального расформирования Русской армии в мае 1922 г. бывшее белое воинство, рассеянное волею судеб по разным странам мира, ещё в течение достаточно долгого времени не оставляло попыток сохранить в своих рядах строгую внутреннюю организацию и дисциплину, несмотря на все материальные тяготы и бытовые трудности беженской жизни. Это выражалось, например, в деятельности различных армейских объединений, которые были тогда сформированы в составе российского зарубежья, – Общества галлиполийцев, Военно-морского союза, Союза бывших кадров Донского корпуса, Союза георгиевских кавалеров и др. В то же время в крупных центрах сосредоточения пореволюционных эмигрантов – в Праге, Париже и Харбине – возникали высшие и средние учебные заведения специального военного и невоенного характера. В их стенах наряду с обычными студентами проходили обучение и многие военнослужащие, приобретавшие таким образом мирные профессии и нередко создававшие в рамках этих образовательных учреждений свои общественные организации и группы. В некоторых случаях последние использовались и как завуалированные центры антисоветской диверсионно-террористической деятельности [3, с. 39].

По сведениям одного из руководителей русской военной эмиграции генерала Е. К. Миллера, к осени 1924 г. созданные в её рядах офицерские союзы существовали в Сербии, Болгарии, Греции, Венгрии, Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Италии, Дании и даже вольном городе Данциге. В других же европейских государствах, где образование подобных организаций было по политическим причинам запрещено (например, в Чехословакии, Польше, Финляндии, Румынии, Литве, Латвии и Эстонии), бывшее белое воинство «в своем тяготении к взаимному сближению» находило выход в создании «рабочих артелей» или просто группировалось «около какого-нибудь более авторитетного офицера»¹¹. Несмотря на все тяготы и лишения первых лет эмигрантского существования, участники данных объединений, по их же собственному признанию, оставались преданными идее продолжения борьбы с большевиками и были готовы в любую минуту выступить под началом П. Н. Врангеля в новый поход против Советского государства. Примером такого преданного отношения к «главному делу» эмиграции может служить позиция членов сербского отделения Общества галлиполийцев¹²,

¹¹ Из доклада «Армия», сделанного генералом Е. К. Миллером 13 сентября 1924 г. на конференции Национального союза в Париже // ГАРФ. Ф 5974. Оп. 4. Д. 7. Л. 6 об.

¹² Общество Галлиполийцев было основано в ноябре 1921 г. чинами 1-го армейского корпуса Русской армии под командованием генерала А. П. Кутепова, расквартированного после эвакуации из Крыма в лагерях на Галлиполийском полуострове в Турции. Последующее вынужденное перемещение врангелевцев на Балканы привело к тому, что многие из «галлиполийцев», оказавшихся на территории КСХС, по договорённости с властями этого государства поступили на службу в местную пограничную стражу.

которые в октябре 1922 г. так определили основную цель своей деятельности на чужбине: «Там в беженстве – погоня за личным устройством жизни, мелкие интриги, забвение дорогих идеалов. Здесь – отдача всего себя для дела сохранения Армии, жизнь полная мелких, нудных уколов по самолюбию, во имя России, жизнь бескорыстная. И все офицеры мыслят так. Только для России проходится длительный подвиг отречения от личного “я”, только ею живут и готовятся для борьбы за её освобождение. Ей отданы и молодые годы, и упования, и надежды. Остаются сознательно в Армии для России, а не потому, что не могут лучше устроить свою частную жизнь или по пассивности, как многие это говорят»¹³.

Для согласования деятельности всех воинских учреждений внутри эмиграции в сентябре 1924 г. под началом генерала П. Н. Врангеля был создан Русский общевоинский союз (РОВС), в который, помимо самих врангелевцев, влилось большинство офицерских обществ и других групп бывших военнослужащих, не имевших ранее связей с Русской армией, но пожелавших к ней примкнуть. Таким образом, новообразованная организация практически сразу же стала самым массовым объединением в составе зарубежной России, насчитывая в своих рядах в первые годы существования до 100 тыс. человек и имея отделения в различных странах Европы, Южной Америки, США и Китае.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АНТИСОВЕТСКИМ ПЛАНам ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭМИГРАЦИИ

Вполне естественно, что столь обширная и многогранная деятельность белоэмигрантских формирований за рубежом, осуществлявшаяся в тот период на фоне всё ещё сохранявшейся общей напряжённости между Страной Советов и крупнейшими государствами «буржуазного мира», находилась в сфере пристального внимания советских властей. В июле 1921 г. В. И. Ленин, выступая на III Конгрессе Коминтерна, заметил по этому поводу: «Теперь, после того, как мы отразили наступление международной контрреволюции, образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты, и все партии, помещичьи и мелкобуржуазные, не исключая и социалистов-революционеров, и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т. е. получают достаточно денег, чтобы иметь

¹³ Из Вестника Главного Правления Общества Галлиполийцев, изданного в 1924 г. в Белграде к трёхлетию этой организации // ГАРФ. Ф 5974. Оп. 4. Д. 34. Л. 69.

свою печать... Это... конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контрреволюционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас» [9, с. 39]. И эти ленинские слова стали своего рода сигналом к серьёзному ужесточению используемых ранее советскими властями методов противодействия любым исходившим от пореволюционной эмиграции угрозам, следствием чего стало, например, лишение в начале 1920-х гг. её представителей всяких гражданских и имущественных прав на российской территории¹⁴.

Наряду с этим руководству Страны Советов удалось существенно ограничить политические и военные возможности противников большевизма, оказавшихся на исходе Гражданской войны в пределах бывших национальных окраин царской России: Эстонии, Литвы, Латвии, Финляндии и Польши. Власти этих государств-лимитрофов желали избежать лишних трудностей в отношениях с Москвой. Поэтому, по условиям мирных договоров, заключённых ими в 1920–1921 гг. с РСФСР, они согласились безотлагательно разоружить на своей территории все белогвардейские части, а также запретить любую антисоветскую деятельность русских эмигрантов и их зарубежных покровителей.

Подобная договорённость обязывала также прибалтов и поляков не допускать пребывания в собственных государствах организаций, групп, представительств и должностных лиц, «претендующих на роль правительства» или «имеющих своей целью низвержение правительства другой договаривающейся стороны»¹⁵. Через их морские и сухопутные границы воспрещалось осуществлять перевозку всего, что могло быть использовано для нападения на Советскую Россию, особенно принадлежавших третьим странам и различным эмигрантским учреждениям «военного имущества, военно-технических средств и материалов артиллерийских, интендантских, инженерных и воздухоплавательных»¹⁶.

Правда, польское правительство, заключившее в марте 1921 г. Рижский мирный договор с РСФСР и УССР, который гарантировал им «воздержание»

¹⁴ Практически одновременно с эвакуацией врангелевских войск из Крыма, 10 ноября 1920 г. СНК принял постановление «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР», объявившее его собственностью государства. Год спустя, 15 декабря 1921 г. появился на свет другой декрет советского правительства «О лишении прав российского гражданства», который фактически закрыл большинству пореволюционных беженцев легальные пути возвращения на родину. А в марте 1922 г. СНК были изданы ещё два постановления – «Об истребовании предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев», заявившее о невозможности требовать возвращения экспроприированного на основании революционного права имущества, и «О конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобождённых от неприятеля», лишившее также прав собственности россиян, «добровольно ушедших с противником при эвакуации».

¹⁵ Мирный договор между Россией и Латвией от 11 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитздат, 1959. С. 104.

¹⁶ Там же.

от любого вмешательства во внутренние дела, и в частности «от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций, либо их поддержки»¹⁷, ещё в течение достаточно долгого времени фактически саботировало выполнение этого обязательства. Завершение Советско-польской войны 1920–1921 гг. не привело к немедленной ликвидации различных политических организаций, повстанческо-диверсионных и вооружённых групп, созданных белоэмигрантами на подконтрольных полякам территориях для продолжения борьбы с большевизмом в России. Кроме того, эти антисоветские формирования продолжали осуществлять свою подрывную деятельность при явном попустительстве властей Польши, что крайне негативно отражалось на отношениях между Москвой и Варшавой. Представители РСФСР не раз упрекали польское правительство в том, что «под маской мира» оно «вело против Советских Республик действия, равносильные некоторым формам ведения войны»¹⁸.

По итогам напряжённых переговоров с большевиками, продолжавшихся более полугодом, руководство Польши всё же согласилось выслать наиболее влиятельных участников эмигрантских объединений. В октябре 1921 г. с польской территории были депортированы около двух десятков видных членов Народного союза защиты Родины и Свободы (НСЗРиС) во главе с его отцом-основателем Б. В. Савинковым, что значительно сузило политические возможности и материальную базу этой антисоветской организации. И хотя сам Б. В. Савинков неоднократно заявлял в Праге, а затем и в Париже, куда он впоследствии перебрался, что НСЗРиС, несмотря на высылку его сторонников из Польши, всё же сохранил свою жизнеспособность, по меткому выражению известного отечественного исследователя Г. З. Иоффе, в столь оптимистичных декларациях «было больше, как теперь говорят, «пиара», чем отражения истинного положения вещей». Отныне савинковцы лишились поддержки польских властей, к тому же «усложнились или были утрачены связи с организациями и ячейками НСЗРиС, находившимися на советской территории» [5].

Одновременно официальная Москва хотела не допустить массового возвращения белоэмигрантов на родину, за которое в начале 1920-х гг. активно ратовали правящие круги Германии и ряда других европейских стран, а также Верховный комиссар Лиги Наций по делам русских беженцев Ф. Нансен. Несмотря на то, что в указанный период этот всемирно известный полярный исследователь, учёный и общественный деятель из Норвегии лично сыграл важную роль в организации зарубежных поставок гуманитарной помощи миллионам жертв страшного голода в Советской России, руководство

¹⁷ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой от 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 623.

¹⁸ Из ноты правительства РСФСР правительству Польши от 4 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 207.

последней крайне неодобрительно отнеслось к озвученным им планам по масштабной репатриации представителей российского зарубежья. Основная масса беженцев, которых Ф. Нансен предполагал переселить в Страну Советов, была сосредоточена в государствах, чьи правительства отказывались признавать большевистский режим. Вследствие этого возможности ОГПУ, связанные с проведением за границей тщательной проверки на благонадёжность потенциальных репатриантов, носили весьма ограниченный характер, а в некоторых случаях и вовсе отсутствовали¹⁹.

К тому же, как сообщал в феврале 1925 г. один из руководителей отечественной дипломатии М. М. Литвинов, в условиях существовавшей в то время в Советском государстве безработицы репатриантам не всегда удавалось трудоустроиться на родине, что вызвало у них «обратную тягу за границу». А сообщения, которые эти люди отправляли затем из СССР в другие страны, приносили «больше вреда, чем отказы в выдаче им паспортов»²⁰.

В свете вышеизложенного советское правительство заявляло об «абсолютной недопустимости» предоставления каким-либо выходцам из эмигрантской среды статуса граждан СССР без одновременного разрешения вернуться на родину. Отмечая важность такого подхода к вопросу о репатриации, тот же М. М. Литвинов писал: «Пока мы отрицаем за эмигрантами право на советское гражданство, иностранные государства нам навязывать их не могут. С момента же выдачи им советского паспорта иностранные правительства получают право насильственной отсылки их на родину. Так как с получением советского паспорта каждый эмигрант попадает в полицейские списки нежелательных и опасных элементов, то правительства стараются немедленно от них отделяться»²¹.

В результате предпринятых советским руководством запретительных мер к середине 1920-х гг. переселение эмигрантов в СССР так и не приобрело массового характера. Сформулированная в начале этого десятилетия Ф. Нансеном идея добровольной репатриации свелась в конечном итоге к возвращению из эмиграции в «новую» Россию всего нескольких десятков тысяч публично раскаявшихся и заявивших о своём отказе участвовать в антисоветской деятельности рядовых и офицеров бывших белых армий преимущественно рабоче-крестьянского происхождения, а также отдельных гражданских беженцев, многие из которых впоследствии были репрессированы

¹⁹ В частности, в ноябре 1925 г. созданная по инициативе Политбюро ЦК РКП(б) специальная Комиссия по белой эмиграции постановила считать «преждевременным» решение вопроса о реэмиграции из заокеанских стран, «поскольку мы не имеем там своего аппарата для фильтрации». См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 52. П. 346. Д. 55435. Л. 48.

²⁰ Из докладной записки М. М. Литвинова Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. В. Сталину от 21 февраля 1925 г. // Там же. Л. 12.

²¹ Там же.

большевиками²². Подавляющее же большинство белоэмигрантов вообще её отвергли, полагая, что в сложившихся обстоятельствах «любовь к отчизне не устраняет рокового отличия родины от власти»²³.

Принимая во внимание изначально критическое отношение к идее масштабной репатриации со стороны как большевиков, так и собственно революционной эмиграции, сам Ф. Нансен вскоре был вынужден признать малореалистичный характер своих прежних планов. Хотя его контакты с представителями СССР по этому вопросу продолжались ещё в течение нескольких лет и способствовали добровольному возвращению на родину отдельных белоэмигрантов даже во второй половине 1920-х гг.

Наконец, ещё одной достаточно эффективной формой борьбы с враждебной деятельностью многочисленных эмигрантских объединений являлось прямое внедрение в их состав советских агентов, которые стремились ослабить и разложить данные структуры изнутри посредством создания в рамках зарубежной России нацеленных на примирение с большевистским режимом групп беженцев. Подобной деятельностью занимались, например, члены созданного в 1922 г. в Болгарии Союза возвращения на Родину, или Совнарода. Эта эмигрантская организация официально подчинялась миссии советского Красного Креста, функционировавшей в тот период на болгарской территории, и формально ставила задачу содействия репатриации максимально большого числа беженцев, лояльно настроенных по отношению к новым властям их родного государства. В первой половине 1920-х гг. при непосредственном участии Совнарода из Болгарии в Страну Советов было перемещено около 11 тыс. представителей российской беженской диаспоры. Однако этим его роль в жизни эмигрантов отнюдь не ограничивалась. Как отмечает в своём труде современный болгарский историк Ц. Кёсева, Союз возвращения на Родину с самого начала «вносил раскол в эмигрантскую общность, вёл яростную агитацию против Белого движения и организовывал ряд провокаций среди русских организаций» [6, с. 93].

ОФИЦИАЛЬНАЯ МОСКВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ РУССКИМ БЕЖЕНЦАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Впрочем, усилия большевиков по противодействию деятельности их идеологических оппонентов из числа находившихся за границей россиян осложнялись той правовой и материальной поддержкой, которую оказывали белоэмигрантам новообразованная Лига Наций и правительства отдельных иностранных государств. В. И. Ленин и его соратники с нескрываемым раз-

²² Согласно официальным советским данным, за десять лет в период с 1921 по 1931 гг. в Россию из эмиграции возвратились в общей сложности около 181 000 чел. [18, с. 100, 210], хотя некоторые зарубежные исследователи считают эту цифру сильно завышенной.

²³ Последние новости. 1923. 21 марта // АВР РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 310. Д. 54665. Л. 7 об.

дражением воспринимали любые сообщения об активном участии мирового сообщества в судьбах людей, относившихся, согласно большевистской пропаганде, к двум категориям бывших российских подданных: идейных врагов советской власти и примкнувших к ним «ущемлённых революцией обывателей» [2, с. 112]. Большевики изначально рассматривали международную помощь зарубежной России в качестве очередного свидетельства общей антисоветской направленности политики Лиги Наций и связанных с ней империалистических держав. Так, 17 июня 1921 г., в день открытия 13-й сессии Совета Лиги, в повестку которой было включено обсуждение вопроса о создании под её эгидой специальной структуры для решения проблемы русских беженцев, руководство РСФСР направило властям Великобритании ноту с изложением своих взглядов в отношении указанной инициативы, содержащую следующее заявление: «Зная... по опыту прошлого, что во многих случаях под покровом филантропии оказывалась реальная поддержка контрреволюционным движениям, Российское правительство считает себя вынужденным заявить, что оно будет рассматривать как прямую поддержку русских контрреволюционных сил всякую помощь, оказываемую остаткам мятежных русских армий, до тех пор, пока они держатся в виде компактных масс, сохраняют свою военную организацию и подчиняются своим прежним командирам, а также всякую помощь, оказываемую через посредство различных так называемых “русских комитетов” или “советов”, которые под видом заботы о русских беженцах в действительности являются центрами контрреволюционной деятельности»²⁴.

Советская сторона также добивалась срыва заявленных Лигой Наций планов по использованию для нужд эмиграции финансовых средств прежних российских властей, оставшихся после Октября 1917 г. за границей. Руководство РСФСР полагало себя единственным законным обладателем этих внушительных сумм и потому решительно протестовало против «акта произвола и насилия различных правительств, которые без его ведома и согласия овладели принадлежащими ему денежными фондами»²⁵. Однако, не имея возможности вернуть указанные средства в Россию, большевики стремились не допустить их использования во враждебных им целях. Вот почему 10 июля 1921 г., спустя всего две недели после учреждения в Женеве должности Верховного Комиссара по делам русских беженцев, тогдашний нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин направил правительствам нескольких стран-участниц Лиги Наций официальную ноту, в которой в категорической

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 180–181.

²⁵ Из ноты правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, Соединённых Штатов Америки, Германии, Австрии, Испании, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Португалии, Швейцарии, Румынии, Югославии, Болгарии, Бразилии, Аргентины и Мексики от 10 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 219.

форме заявлялось о незаконности любых попыток использования принадлежавших РСФСР фондов для материальной поддержки убеждённых противников советской власти. «Всякая помощь, – говорилось в ней, – оказываемая русским эмигрантам при посредстве их организаций, неизбежно приобретает характер помощи действиям, направленным против этих [Советских] Республик. Только распределяемая через посредство полномочных органов Республики за границей эта помощь может быть оказываемая без риска превращения её в оружие, направленное против Советских Республик. Поэтому Российское правительство официально протестует не только против использования его фондов без его ведома, но также и против применения последних державами, образующими группировку, именующую себя Лигой Наций, что является враждебным актом по отношению к Российской Республике»²⁶.

Столь негативное отношение советского руководства к активному участию Лиги Наций и её государств-членов в решении правовых и материальных проблем пореволюционной эмиграции во многом объяснялось и той позицией, которую они заняли в вопросе об организации международной помощи в борьбе с возникшим в России в начале 1920-х гг. массовым голодом. Не имея достаточных средств для того, чтобы самостоятельно справиться с этой гуманитарной катастрофой, спровоцированной недалёковидной аграрной политикой самих большевиков, а также охватившей весной 1921 г. главные хлебопроизводящие районы страны тяжёлой засухой, власти РСФСР летом того же года были вынуждены обратиться за продовольственной и финансовой поддержкой к правительствам западных государств. Они заявили о готовности принять любую помощь, «совершенно не связывая её с существующими политическими отношениями»²⁷. Однако Лига Наций и ведущие мировые державы, в отличие от отдельных негосударственных организаций из Нового и Старого Света (Американской администрации помощи (АРА) во главе с будущим президентом США Г. Гувером и созданного европейскими благотворителями Международного комитета помощи России (МКПР) под руководством Ф. Нансена), фактически устранились от участия в ликвидации последствий столь страшного бедствия, оговорив возможность выделения большевикам необходимых на закупку продовольствия и медикаментов кредитов целым рядом заведомо невыполнимых для них условий. Ряд видных представителей российского зарубежья также поддержал эту циничную позицию, рассматривая вопрос о срочной организации продовольственных и других поставок в Страну Советов преимущественно как проблему политическую, а не гуманитарную. «Мы говорили раньше и повторим сейчас, что никакой сколько-нибудь серьёзной помощи голодающему населению в России не может быть оказано, пока у власти находятся большевики, – писал в

²⁶ Там же.

²⁷ Из ноты правительства РСФСР правительствам всех стран от 2 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 252.

1921 г. известный отечественный журналист и деятель эмиграции В. Л. Бурцев – Поэтому мы устанавливаем, как незыблемое условие для борьбы за спасение родины, это – уничтожение власти большевиков ... Они (большевики – Н. В., А. С.) должны уйти сами или их надо “уйти” во что бы то ни стало. Никакого третьего, среднего, выхода нет»²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дипломатическое признание СССР со стороны ведущих европейских государств в середине 1920-х гг. значительно укрепило его международные позиции и развеяло последние надежды многих представителей эмиграции на скорый крах советского режима. Несмотря на то, что некоторые видные деятели российского зарубежья продолжали в тот период публично заявлять о намерении бороться с большевиками «столь же последовательно и упорно, как и до сих пор» [12, с. 57], основная масса рядовых эмигрантов уже мало верила в конечный успех антисоветских планов собственных вождей и постепенно свыкалась с мыслью о неизбежном разрыве с родиной. К тому же, как отмечал в ноябре 1924 г. П. Н. Милюков, Запад во имя «сношений» с советской властью был готов теперь признать её «властью «народной», «пре-емницей» прежних правительств» [12, с. 58], лишив при этом эмиграцию права на своё национально-политическое представительство²⁹.

Отныне единственным последовательным защитником интересов вынужденных изгнанников из России на международной арене фактически остался Верховный комиссариат Лиги Наций по делам беженцев во главе с Ф. Нансеном, усилия которого по решению беженской проблемы ещё долгое время являлись постоянным объектом для критики со стороны руководства СССР. Однако это обстоятельство уже не могло серьёзно помешать переходу отношений между Москвой и Женевой на новый, более качественный уровень, связанный с началом постепенного сближения Советского государства с Версальской Европой. С середины 1920-х гг. представители СССР, придерживаясь негативных взглядов на Лигу Наций в целом, тем не менее уже допускали возможность собственного участия в её отдельных форумах и инициативах, имевших для их страны важное практическое значение в гуманитарной и других, преимущественно неполитических областях.

²⁸ Общее дело. 1921. 14 августа // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 510. Л. 49.

²⁹ Вследствие международно-правового признания СССР к середине 1920-х гг. подавляющее большинство дипломатических представительств «старой» России за границей было расформировано. Их сотрудникам пришлось уступить свои посты и здания посольств советским дипломатам. Однако многие из таких учреждений в результате ряда внутренних преобразований в дальнейшем всё же продолжили выполнять квазиконсульские функции в рамках российского зарубежья под вывесками различных эмигрантских комитетов или бюро по делам русских беженцев, существовавших в межвоенный период в отдельных странах.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023

Статья размещена на сайте: 30.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
2. Белов В. А. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье: опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий эмиграции в наше время. М.; Петроград: Государственное издательство, 1923. 148 с.
3. Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 794 с.
4. Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1981. 532 с.
5. Иоффе Г. То, что было. К 130-летию со дня рождения Б. Савинкова [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2009. № 255. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/255/to-chto-bylo-2.html> (дата обращения: 28.01.2022).
6. Кёсева Цв. Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы / пер. с болг. Е. В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. 312 с.
7. Кислицын В. А. В огне Гражданской войны: мемуары. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2016. 174 с.
8. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия 1920–1970. Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2019. 610 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
10. Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Изд. Респ.-Дем. объедин., 1926. 136 с.
11. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546 с.
12. П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред., сост. М. Г. Вандалковская. М.: РОССПЭН, 2012. 326 с.
13. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–69.
14. Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. 438 с.
15. Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. № 5-7. С. 208–224.
16. Фёдоров М. Между короной и наковальней: жизнь и судьба царского министра М. М. Фёдорова: 1958–1949 / пер. с фр Н. В. Ликвинцевой. М.: Русский путь, 2019. 240 с.

17. Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922. 126 с.
18. Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окоороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 485 с.
19. Walters F. P. A History of the League of Nations. Oxford: Oxford university press, 1967. 833 p.

REFERENCES

1. Ablova N. E. *KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the XX century)]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005. 430 p.
2. Belov V. A. *Beloe pokhmel'e. Russkaya emigratsiya na rasput'i: opyt issledovaniya psikhologii, nastroyenii i bytovykh uslovii emigratsii v nashe vremya* [White hangover. Russian emigration at a crossroads: experience in studying the psychology, moods and living conditions of emigration in our time]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1923. 148 p.
3. Goldin V. I. *Soldaty na chuzhbine: Russkii Obshche-Voinskii Soyuz, Rossiya i Russkoe zarubezh'e v XX–XXI vekakh* [Soldiers in a foreign land: Russian General Military Union, Russia and Russian Diaspora in the 20th–21st centuries]. Arkhangel'sk, SOLTI Publ., 2006. 794 p.
4. Grigulevich I. R. *Papstvo. Vek XX* [Papacy. XX century]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 532 p.
5. Ioffe G. [What happened. To the 130th anniversary of the birth of B. Savinkov]. In: *Novyi zhurnal* [New magazine], 2009, no. 255. Available at: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/255/to-cto-bylo-2.html> (accessed: 28.01.2022).
6. Кюсева Цв. България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. (Rus. ed.: Mikhailov E. V., transl. *Bolgariya i russkaya emigratsiya 1920–1950-e gody*. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e»; Russkii put' Publ., 2008. 312 p.).
7. Kislitsyn V. A. *V ognе Grazhdanskoi voiny: memuary* [In the fire of the Civil War: memoirs]. Moscow, Gosudarstvennaya publitsisticheskaya biblioteka Rossii Publ., 2016. 174 p.
8. Kovalevskii P. E. *Zarubezhnaya Rossiya 1920–1970* [Foreign Russia 1920–1970]. Nizhnii Novgorod, Chernaya Sotnya Publ., 2019. 610 p.
9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 44* [Complete works. Vol. 44]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literature Publ., 1970. 725 p.
10. Milyukov P. N. *Emigratsiya na pereput'e* [Emigration at a crossroads]. Paris, Izd. Resp.-Dem. obyed. Publ., 1926. 136 p.
11. Pivovarov E. I. *Rossiiskoe zarubezh'e: sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [Russian abroad: a socio-historical phenomenon, role and place in the cultural and historical heritage]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 546 p.
12. Vandalovskaya M. G., ed. P. N. Milyukov: «russkii evropeets». *Publitsistika 20–30-kh gg. XX v.* [P. N. Milyukov: "Russian European" Journalism of the 20–30s. XX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 326 p.

13. Pushkareva N. L. [The emergence and formation of the Russian diaspora abroad]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1996, no. 1, pp. 53–69.
14. Budnitskaya O. V., comp. *Spor o Rossii: V. A. Maklakov – V. V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg.* [Dispute about Russia: V. A. Maklakov – V. V. Shulgin. Correspondence 1919–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 438 p.
15. Struve P. B. [Historical and political notes on modern times]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1921, no. 5-7, pp. 208–224.
16. Fédoroff M. Entre la couronne et l'enclume: la vie et le destin de Michel Fedorov, ministre du tsar (Rus. ed.: Likvintseva N. V., transl. *Mezhdru koronoi i nakoval'nei: zhizn' i sud'ba tsarskogo ministra M. M. Fedorova: 1958–1949.* Moscow, Russkii put Publ., 2019. 240 p.).
17. Shtein B. E. *Genuezskaya konferentsiya* [Genoa Conference]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1922. 126 p.
18. Iontsev V. A., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. V. *Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. Moscow, Popechitel'stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov Publ., 2001. 485 p.
19. Walters F. P. A History of the League of Nations. Oxford, Oxford university press, 1967. 833 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильева Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: Natalia_Vasilieva@rambler.ru

Сидоров Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: asidorov333@yandex.ru

Natalya Yu. Vasilyeva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: Natalia_Vasilieva@rambler.ru

Andrey Yu. Sidorov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: asidorov333@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Васильева Н. Ю., Сидоров А. Ю. Проблема русской пореволюционной эмиграции в контексте международного положения Советского государства в первой половине 1920-х гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Vasilyeva N. Yu., Sidorov A. Yu. The problem of Russian post-revolutionary emigration in the context of the international position of the soviet state in the first half of the 1920s. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 94

Водопьянов К. Г., Панков Е. С.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

«КРАСНЫЕ» ХОДЯТ «БЕЛЫМИ»: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ШАХМАТНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В 1960–1970-Е гг.

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть дипломатическое измерение противостояния шахматистов СССР и США в условиях становления разрядки.

Процедура и методы. На основе документов рассматриваются мотивы вовлечения дипломатий СССР и США в разрешение возникших в ходе проведения соревнования проблем. Использованы историко-генетический метод, а также метод критического анализа исторических источников.

Результаты. Сделан вывод о восприятии дипломатиями СССР и США данного спортивного события как несвоевременного. Подчёркнуты нежелание Вашингтона обострять идеологическую напряжённость вокруг матча, а также шаги американской дипломатии, направленные на снижение негативного эффекта мероприятия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют сделать вывод о трактовке советскими и американскими дипломатами спортивных событий в макроконтексте идеологического противоборства двух систем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

разрядка, холодная война, дипломатия, матч за звание чемпиона мира по шахматам 1972 г.

СТРУКТУРА

Введение

Шахматное измерение холодной войны

Организация матча в Исландии: место вместо

Г. Киссинджер – гроссмейстер политики и шахмат

Заключение

K. Vodopyanov, E. Pankov

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

“REDS” PLAY “WHITE”: DIPLOMATIC ASPECTS OF THE 1960–70S US–USSR CHESS STANDOFF

ABSTRACT

Aim. To consider the diplomatic dimension of American–Soviet chess rivalry amid the advent of *détente*.

Methodology. Based on the analysis of declassified documents, the article examines the motives for the involvement of Soviet and American diplomats in the problems that arose from the championship. Historic-genetic method and the method of critical analysis of historical sources are used.

Results. The conclusion is made that Soviet and American diplomats deemed this event to be untimely. The unwillingness of the US to exacerbate ideological tensions around the championship is emphasized, as well as its steps to reduce the negative effects of the event.

Research implications. The results of this research allow us to conclude that Soviet and American diplomats interpreted sports events in the macro context of the ideological confrontation between those two systems.

KEYWORDS

détente, Cold War, chess, World Chess Championship 1972

ВВЕДЕНИЕ

Советский дипломат А. Ф. Добрынин сравнивал советско-американские отношения 1970-х гг. со сложной и запутанной шахматной партией с той лишь разницей, что закончилась она поражением обоих соперников – крахом политики разрядки. Посол знал, о чём говорит: он сам увлекался шахматами и в годы своей работы в Вашингтоне сыграл не одну партию с З. Бжезинским, советником Президента США по национальной безопасности¹. Не менее известный оппонент Добрынина в эпоху холодной войны, государственный секретарь США (1973–1977) Г. Киссинджер, также не без интереса относился к древней игре.

В 1972 г. неожиданным образом перипетии холодной войны вовлекли американскую и советскую дипломатию в настоящий шахматный матч – за звание чемпиона мира по шахматам между представителями СССР и США – Борисом Спасским и Робертом (Бобби) Фишером. Борьба за чемпионство мгновенно приобрела принципиальное значение: в эпоху биполярности борьба спортсменов оказалась встроена в борьбу двух систем, придав хо-

¹ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 370.

лодной войне новое измерение. На фоне набирающей обороты разрядки международной напряжённости с новой силой разгоралась борьба идеологий. Дипломатические игры вокруг этого матча содержат богатую историю, по большей части оставшуюся за кулисами.

Целью настоящей работы является исследование противостояния шахматистов СССР и США в условиях становления политики Разрядки.

На основе документов рассматриваются мотивы вовлечения дипломатий СССР и США в разрешение возникших в ходе проведения соревнования проблем. Авторами использованы историко-генетический метод и метод критического анализа исторических источников.

ШАХМАТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

После окончания Второй мировой войны званием чемпиона мира по шахматам обладали лишь советские шахматисты, и этот факт рассматривался Москвой как свидетельство безусловного превосходства социалистической системы. Успехи советских шахматистов на международной арене непрерывно оставались предметом озабоченности на высшем уровне. После победы советской сборной над американской в радиоматче 1945 г. И. В. Сталин поздравил спортсменов лаконичной телеграммой «Молодцы, ребята!» [2, с. 422]. Этот вид спорта рассматривался в качестве одного из инструментов внешней политики и пропаганды, направленной на распространение социалистической идеологии за рубежом. Ещё в 1924 г. видный партийный деятель Н. В. Крыленко публично заявил, что рассматривает «шахматное искусство как политическое орудие» [5, с. 89].

Ответ на рост шахматного могущества СССР последовал с другого полюса биполярной системы международных отношений, и наиболее ярким соперником советских спортсменов к концу 1960-х гг. стал американский вундеркинд Р. Фишер. Неся в душе детский отпечаток «маккартизма» и страха перед «красной угрозой», который царил в США в послевоенное время, юный Фишер настороженно относился к оппонентам, прибывшим из Москвы. Свои неудачи на международных турнирах многообещающий спортсмен часто списывал на заговор среди советских игроков. Например, в 1962 г. в журнале «Спортс иллюстрейтед» он опубликовал статью под броским заголовком «Русские подмяли мировые шахматы», где заявил, что советские шахматисты намеренно играют вничью друг с другом, чтобы по итогам турнира превзойти соперников из капиталистических стран, а правительство СССР, писал Фишер, «контролирует шахматы настолько, что честной борьбы за звание чемпиона мира быть уже не может»². Обвинения Фишера были частично

² The Russians Have Fixed World Chess // Sports Illustrated. 1962. August 20th.

обоснованы: советские гроссмейстеры иногда заключали ничью всего лишь на 14 ходу партии в далеко не равной позиции.

Знакомство Фишера с Советским Союзом получилось скандальным. В 1957 г. его мать написала письмо Н. С. Хрущёву с просьбой пригласить юношу на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, однако до генерального секретаря оно дошло слишком поздно. Пытаясь исправить ошибку и использовать обращение американской семьи в идеологической борьбе с США, московские чиновники пригласили Р. Фишера в столицу в следующем году. Там в ходе визита в шахматный клуб американец назвал соперников «кучкой свиней» [9, р. 45] и схожим образом оскорбил советских граждан в ресторане, где, уходя, буркнул переводчице: «Надоели мне эти русские свиньи...» [4, с. 6].

Сложные взаимоотношения американского чемпиона со странами социалистического лагеря продолжились в 1965 г., когда на Кубе проходил турнир памяти Х. Р. Капабланки – всего через три года после Карибского кризиса. После долгой экономической, политической и культурной блокады Острова Свободы дипломатией США участие американского спортсмена в соревновании знаменовало для Гаваны значимый дипломатический прорыв. Лидер Кубы Ф. Кастро не преминул обозначить это в своих публичных выступлениях. Такая реакция кубинского правительства заставила Фишера написать письмо лично Кастро, где он под угрозой снятия с турнира потребовал от команданте гарантий того, что кубинское правительство не будет извлекать политический капитал из участия американцев в турнире, а сам Фидель прекратит придавать спортивному событию политическую окраску. В ответ Кастро написал, что его страна не нуждается в таких пропагандистских победах, а участвовать или нет – личное дело каждого шахматиста. Своё письмо лидер кубинской революции завершил предложением найти другой предлог для отказа в участии, если Фишер боится проиграть [7, р. 89–90]. Кажется, Кастро так и остался единственным человеком, способным дать жёсткий отпор бесконечным капризам гроссмейстера и при этом выйти из ситуации победителем: Фишер всё-таки принял участие в турнире, а политик всё так же продолжал делать политические заявления.

Камнем преткновения стал запрет, наложенный Государственным департаментом США на поездку шахматиста на Остров Свободы. Ситуация была тем сложнее, что это же ведомство ранее разрешило всем журналистам поездки на Кубу, а Фишер официально проходил по спискам как корреспондент журнала «Чесс Ревью». На общем собрании организационного комитета турнира обсуждался вопрос о предоставлении американцу возможности играть по телефону. Примечательно, что в решающий момент заседания слово взял присутствовавший на встрече посол СССР и поддержал советских игроков, протестовавших против «акта агрессии американского правительства» [4, с. 134]. Его выступление было встречено вежливыми, но

резкими репликами западноевропейских игроков: СССР, отмечали они, сам открыто игнорирует право граждан на свободное перемещение [7, р. 89–90]. Возникший конфликт разрешили организаторы: было принято решение о дистанционном участии Фишера. Кубинские власти, разумеется, не могли в последний миг упустить громкую идеологическую победу, отыскав выход из созданного Вашингтоном тупика.

Годом позже на том же Острове проходила шахматная олимпиада, где вновь не обошлось и без дипломатического скандала между представителями СССР и США. По религиозным соображениям Фишер не мог играть с вечера пятницы до вечера субботы. В ходе субботнего матча сборной США с датчанами руководители американской сборной были вынуждены заменить Фишера, поскольку соперник отказался переносить партию. Однако, когда дело дошло до принципиального противостояния с Советским Союзом, которое вновь должно было пройти в субботу, американцы в ответ на отказ советской стороны перенести время начала матча бойкотировали его в полном составе, потерпев поражение в соответствии с регламентом турнира.

Возникшая напряжённость стала предметом обсуждения на правительственном уровне, перестав быть делом двух государств, поскольку правительство Кубы было заинтересовано в установлении нормальных отношений с США, а разразившийся конфликт мог навредить нормализации двусторонних отношений Вашингтона и Гаваны. С соответствующими разъяснениями правительство Ф. Кастро обратилось в Москву, откуда спортсменам последовала инструкция: матч всё-таки нужно сыграть. Победа советской сборной оказалась обоюдно приемлемым результатом для Москвы и для Гаваны. Уже после завершения турнира Кастро и Фишер как ни в чём не бывало подружились беседовали за шахматной доской, но неприязнь американца к Советскому Союзу никуда не исчезла. Напряжение продолжало нарастать.

Интересно, что местом тренировок советской шахматной сборной во время соревнований в Нью-Йорке было здание представительства СССР при ООН. Оказалось, что это одно из самых безопасных мест для обсуждения тактических заготовок советских игроков, которые опасались, что технические специалисты Соединённых Штатов смогут прослушивать их разговоры в гостинице. По этой причине анализ партий, особенно отложенных, проходил только в постпредстве – по прямому указанию Москвы [1, с. 187].

В 1970 г. на шахматной олимпиаде в ФРГ Б. Фишер в очередной раз встретился с Б. Спасским, будущим соперником по «матчу века». Матч закончился победой советского спортсмена, после чего посол СССР в Бонне С. Царапкин даже расцеловал шахматиста. Реакция дипломата была тем ценнее, что канцлер ФРГ В. Брандт сообщал: Царапкин за свою жёсткость имел прозвище «Клешня». После игры дипломат получил в подарок шахматную доску с автографами всех участников турнира, где отсутствовала лишь одна подпись – Бобби Фишера. Всё активнее холодная война обостряла спортивную борьбу

бу, а спорт, в свою очередь, подпитывал неприязнь между представителями двух полюсов системы международных отношений.

Через два года, когда Фишер одержал победу в турнире претендентов и официально стал соперником Спасского в матче за чемпионство, борьба между Москвой и Вашингтоном обострилась. Стороны столкнулись уже на этапе организации финального матча, когда было необходимо определить место его проведения. Британская «Гардиан» язвила: «Собрать вместе Никсона и Брежнева в мае было детской игрой по сравнению с организацией саммита Фишера и Спасского» [9, р. 95]. Переговоры продлились полгода, и на одни только телеграммы Международная шахматная федерация (ФИДЕ) потратила около 1000 фунтов стерлингов. Было ясно, что матч должен пройти на нейтральной территории, и главными претендентами стали Белград и Рейкьявик. Удивительно, но за проведение соревнования на территории социалистического государства выступал американский шахматист, а его соперник – за проведение матча в Исландии, которая входила в НАТО. Причиной тому был комфортный для уроженца Ленинграда климат, в то время как Фишера привлекала финансовая сторона вопроса: Белград предложил наиболее щедрые призовые³.

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЧА В ИСЛАНДИИ: МЕСТО ВМЕСТО

Исландия неожиданным образом вышла на авансцену идеологического противостояния. Для маленького островного государства с населением чуть более 200 тыс. человек борьба за проведение «матча века» стала вопросом национального престижа. В итоге именно Рейкьявик стал местом проведения решающего матча. Когда переговоры окончились, американские журналисты язвили: «Следующей проблемой станет форма шахматного стола»⁴. Эта шутка оказалась пророческой: в ходе матча организаторам, по требованию Фишера, приходилось трижды менять комплект фигур.

Чем больше спортивные функционеры склонялись к проведению матча на отдалённом северном острове, тем больше Фишер подозревал их в предвзятости. Шахматист ставил под вопрос искренность даже американских властей. В беседе с одним из журналистов претендент на чемпионство заявил, что американское правительство пытается отодвинуть матч на периферию, чтобы погасить негативный эффект победы Фишера на набирающую обороты политику разрядки⁵, ведь параллельно с этим состоялся исторический визит президента Р. Никсона в Москву и были подписаны договоры по ПРО и ОСВ-1. Несмотря на это, на церемонии открытия финального матча

³ Soviet Union Accepts Belgrade and Reykjavik as Title Chess Sites // The New York Times. 1972. March 5th.

⁴ Ideological Chess Duel? // Oakland Tribune. 1972. May 11th.

⁵ Darrach B. The Day Bobby Blew It // Playboy. 1973. July.

мэр Рейкьявика, отсылая слушателей к феномену пинг-понговой дипломатии Вашингтона и Пекина, остроумно заметил: «Шахматы могут растопить лёд между странами так же, как это делал пинг-понг» [6, р. 77].

Однако сейчас вряд ли можно рассматривать противостояние Спасского и Фишера как фактор возможного снятия напряжённости в идеологической плоскости двусторонних отношений Москвы и Вашингтона: уж слишком большое значение придавалось матчу на обоих полюсах Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Авторитетный американский спортивный обозреватель Д. Мюррей восклицал: «США – на пути в очередную советскую ловушку! Это новый залив Свиной, новый Вьетнам. Бобби окажется жертвой на алтаре дипломатической выгоды. Почему студенты не жгут шахматные доски на лужайке перед Белым Домом?»⁶.

На церемонии открытия финального матча присутствовали Президент и Премьер-министр Исландии, а рядом с ними – посол СССР Сергей Аставин и глава американской дипломатической миссии Т. Трембле. Место рядом с американским дипломатом организаторы отвели Фишеру, однако в назначенное время оно оказалось пустым: шахматист не прилетел в Исландию, и матч оказался под угрозой срыва. Это был не первый подобный случай: в 1967 г. неявка Фишера на матч в рамках турнира в Тунисе потребовала вмешательства американского посольства, которое предоставило лидирующему в турнире спортсмену быстрый автомобиль и вертолётное сопровождение по перекрытым автомагистралям для возвращения к месту проведения соревнования. Однако сейчас ставки были значительно выше. Президент Исландии вынужден был выступить с телеобращением к народу, где заявил, что не знает, по какой причине гроссмейстер не явился⁷. Кажется, и сам Фишер не до конца понимал, в чём причина. По сей день специалисты гадают: неуверенность в себе, хитрый психологический манёвр или стремление повысить вознаграждение заставили гроссмейстера задержаться на Родине?

Создавшееся положение особо беспокоило и исландских политических руководителей. В первую очередь потому, что из-за эксцентричности американца государство рисковало потерять около 7 млн крон. Возникшая ситуация могла серьёзно обострить и без того напряжённые американско-исландские отношения, где одним из наиболее острых вопросов была целесообразность нахождения американских войск на военной базе Кеблавик недалеко от столицы, которые размещались там в соответствии с соглашением от 1951 г. Исландское коалиционное правительство в очередной раз рассматривало вопрос о противодействии стратегическим планам сильного союзника из Западного полушария и даже выступило с требованием о поэтапном выводе американских военных. Разумеется, никто из исландцев не

⁶ Bobby Fischer Sellout Victim // Lansing State Journal. 1972. June 14th.

⁷ Fisher Mystery: Chess Challenger Cancels Flight // Detroit Free Press. 1972. June 26th.

был бы рад огромным финансовым потерям, не обратившимся в идеологический, имиджевый капитал по вине американского гроссмейстера. К тому же на фоне развития советского флота значение базы в Атлантическом океане неуклонно возрастало. В 1970 г. Москва провела крупномасштабные учения «Океан-70», в ходе которых 7 оперативная эскадра совершала манёвры в северо-восточной Атлантике и Норвежском море.

Вашингтон и Рейкьявик оказались больше всех заинтересованы в проведении матча, который уже давно вышел за рамки спортивного противостояния. Москва грозила возвратить Спасского на Родину, о чём Т. Трэмбле незамедлительно сообщил в Вашингтон. Когда угрозы советских спортсменов стали громче, а в Москве вслух заявили об «унижении чемпиона мира», Премьер-министр Исландии обратился к советскому послу С. Аставину, попросив его убедить соотечественников дожидаться Фишера.

Глава Федерации шахмат Исландии решил обратиться к премьер-министру, чтобы решить проблему на высшем уровне: позвонить в Белый дом с просьбой повлиять на Фишера, однако премьер отнёсся к инициативе спортивных чиновников категорически отрицательно, эмоционально ответив организатору матча: «Ох, нет! Вы ещё очень молоды. Это так не работает» [9, р. 138]. Однако, поразмыслив, он всё-таки решился позвонить в американское посольство, работники которого не скрывали раздражения постоянным возникновением забот, редких для дипломатов, аккредитованных на безмятежном северном острове. Тем не менее в посольстве быстро осознали степень возможных негативных последствий отсутствия Фишера в Рейкьявике, и соответствующая телеграмма была отправлена госсекретарю США У. Роджерсу, а её копии – в Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление.

Телеграмма поступила в Вашингтон в конце недели, когда советник Президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер проводил выходные на калифорнийском побережье вместе с послом СССР А. Добрыниным. Будучи любителями шахмат, друг с другом они так ни разу и не сыграли: американец признавался, что не хочет, чтобы Добрынин приблизился к пониманию стиля и образа его мышления. Безусловно, Киссинджер не мог не слышать об участии американского шахматиста в матче за шахматную корону, крепко закрепившуюся в Москве. Много позже описываемых событий в беседах с журналистами Киссинджер не мог вспомнить, каким образом ему стало известно о ситуации, возникшей в Рейкьявике 3 июля 1972 г. Однако рассекреченные несколько лет назад стенограммы телефонных звонков советника американского президента проливают свет на этот любопытный эпизод. Переходя к анализу их содержания, важно отметить, что в 2003 г. (до того как стенограммы были опубликованы) сам Киссинджер говорил: «Эта проблема не имела большого политического значения. У меня не было

каких-то официальных бумаг. Мне просто каким-то образом стало о ней известно» [9, р. 167].

Так ли это было на самом деле?

Г. КИССИНДЖЕР – ГРОССМЕЙСТЕР ПОЛИТИКИ И ШАХМАТ

О невяке претендента Киссинджеру по телефону сообщил британский журналист Д. Фрост, который позже возьмёт у Р. Никсона знаменитое интервью после «Уотергейта» и отставки. 3 июля 1972 г. в разговоре с советником президента Фрост назвал сложившуюся ситуацию «забавной дипломатической проблемой» и поинтересовался, нельзя ли заняться её решением на высшем уровне⁸. Таким образом, возник второй, менее формальный, но, как оказалось, более эффективный дипломатический канал, благодаря которому американские чиновники перешли к поиску выхода из тупика. Фрост объяснил Киссинджеру, что журналисты по всему миру рисуют негативный образ «первого американца, вмешавшегося в борьбу русских за чемпионство», а Спасский на его фоне выглядит безупречно: «Для Запада, противостоящего Востоку, это будет иметь отрицательные последствия»⁹. После продолжительной беседы дипломат решительно заявил, что возьмётся за это дело, добавив: «Кажется, мне нужно просто позвонить ему, объяснить всё с внешнеполитической точки зрения и сказать, что я чертовски надеюсь на его прилёт»¹⁰. Слова о «внешнеполитической точке зрения» говорят о том, что Киссинджер всё-таки полностью осознавал идеологическое значение шахматного противостояния. Через несколько дней советник американского президента публично признается: «Я считал, что обязан вмешаться – во благо нашей страны»¹¹.

Звонок Киссинджера Фишеру состоялся 3 июля 1972 г. О его содержании известно со слов близкого друга Фишера, который в это время присутствовал в комнате и позже изложил содержание десятиминутной беседы в биографической книге о шахматном гении. Разговору предшествовал предупредительный звонок от секретаря дипломата, а позже к аппарату подошёл сам Киссинджер: «Это худший шахматист звонит лучшему ... Правительство США желает тебе удачи. Америке нужно, чтобы ты поехал и победил!» [8, р. 272]. В ходе беседы дипломат с характерным немецким акцентом рассказал шахматисту о значении матча для его страны и попросил отправиться в Исландию, чтобы «победить русских в их игре». Другой очевидец, оператор теле-

⁸ Kissinger-Frost Telcon. 03.07.1972. Folder July 3–9, 1972; box 15; National Security Council Files: Henry A. Kissinger Telephone Conversation Transcripts (Telcons); Richard Nixon Presidential Library and Museum, Yorba Linda, CA.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Kennedy R. The Battle of the Brains // The Time. 1972. July 31st.

компании «Фокс», вспоминал следующие слова дипломата: «Вы наш человек против коммунистов!» [9, р. 186]. После звонка Фишер сказал окружающим, что поездка в Рейкьявик состоится, а интересы США намного важнее его собственных – беспрецедентное для темпераментного спортсмена утверждение, которое никак не укладывается в канву его бунтарской биографии, где есть место многочисленным конфликтам с американским правительством. На следующий день самолёт с Б. Фишером на борту прилетел в Исландию. Через неделю Киссинджер признался, что Никсон не знал о его звонке, но был очень рад, когда ему сообщили [10, р. 120].

Казалось, что теперь, когда дипломаты замолчали, заговорят, наконец, шахматы, однако разговор Фишера и Киссинджера, который состоялся 3 июля, вряд ли был последним. Потерпев поражение в первой партии финального матча, Фишер не явился на вторую и автоматически проиграл её. 15 июля при счёте 2:0 в пользу Спасского вновь зашла речь об отказе Фишера от участия в турнире. Американский гроссмейстер беззаботно играл в боулинг и смотрел телевизор на военной базе, куда он переместился после нескольких скучных дней в отеле. 17 июля представители американского шахматиста официально сообщили о новой беседе спортсмена с советником президента. Мало кому тогда удалось узнать детали их беседы. «Нью-Йорк Таймс» скромно сообщила: «Говорят, Киссинджер убеждал Фишера продолжить борьбу»¹².

Интересно, что сам дипломат опровергал факт телефонного разговора. 21 июля Киссинджер беседовал по телефону с обозревателем газеты «Тайм» Дж. Шектером – через пару дней после окончания очередного раунда парижских тайных переговоров с представителем северного Вьетнама Ле Дык Тхо, во время которых обсуждались вопросы прекращения военных действий во Вьетнаме, где уже 17 лет бушевала гражданская война. Во время телефонной беседы американский дипломат заявил, что звонил Фишеру лишь один раз – в день его вылета в Рейкьявик – и сделал это «из собственного интереса к шахматам»¹³. Иначе говоря, советник Р. Никсона отрицал факт второго телефонного звонка. Параллельно с этим вице-президент федерации шахмат США также отказывался комментировать информацию о телефонном разговоре Фишера и Киссинджера и уж тем более рассказывать журналистам о содержании беседы.

Тем не менее в разговоре с Шектером Киссинджер косвенно приоткрыл завесу тайны над истинными мотивами его первого звонка Фишеру. Оказывается, матч между шахматистами был выгоден дипломату в качестве информационного прикрытия на фоне его переговоров с Ле Дык Тхо, о чём высокопоставленный политик, по его словам, прямо сказал претенденту на чемпи-

¹² Kissinger Phone Call to Fischer Disclosed // The New York Times. 1972. July 18th.

¹³ Kissinger-Schecter Telcon. 1972. July 21st.

онство¹⁴. Действительно, начало очередной серии тайных встреч дипломатов было запланировано на 13 июля, а первые партии шахматистов – на 11 и 13 июля. Учитывая беспрецедентное внимание американской общественности к спортивному противостоянию, можно было смело рассчитывать на нужный эффект. Как раз в это время американская дипломатия находилась под беспрецедентным политическим давлением, которое увеличивалось с приближением президентских выборов [3, с. 290]. И именно в день начала секретных переговоров первые полосы газет всего мира сообщали о том, что Фишер не явился на вторую партию. Судя по всему, запланированный манёвр Киссинджеру удался – в изданной в 1979 г. книге «Мои годы в Белом Доме» высокопоставленный дипломат напишет: «Я отправился в Париж 19 июля»¹⁵. Как видно из стенограммы телефонного звонка, эта информация не полностью соответствует действительности.

В результате длительного противостояния победителем матча за звание чемпиона мира по шахматам стал американский шахматист, которому удалось нанести болезненное идеологическое поражение Советскому Союзу. В числе сотен поздравлений американцу была и телеграмма от Президента США Р. Никсона. Но больше всех завершению матча были рады аккредитованные в Исландии советские и американские дипломаты – завершился очень напряжённый период их профессиональной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя шахматное противостояние, можно отметить беспрецедентное по своим меркам влияние спортивного события на двусторонние отношения США с СССР и Исландией, имевшее место, однако, на фоне потепления советско-американских отношений и начавшейся после встречи Р. Никсона и Л. И. Брежнева политики разрядки. Этим и продиктована вовлечённость высших лиц государства в решение проблем, связанных с организацией матча.

Тем не менее из содержания телефонного разговора Г. Киссинджера с американским шахматистом можно сделать вывод о высоком значении шахматного противостояния в макроконтексте советско-американского идеологического противостояния. Дополнительным скрытым мотивом вовлечения высокопоставленного чиновника в проблемы проведения соревнования стал вопрос об американском военном присутствии в Исландии: срыв матча мог иметь серьёзные негативные последствия для отношений между Вашингтоном и Рейкьявиком.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Kissinger H. The White House Years. Boston: Little, Brown and Co., 1979. P. 1311.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.07.2023

Статья размещена на сайте: 27.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербах Ю. Л. Шахматы на сцене и за кулисами. М.: Рипол-классик, 2003. 320 с.
2. Ботвинник М. М. К достижению цели // Ботвинник М. М. Аналитические и критические работы 1928–1986. М.: Физкультура и спорт, 1987. С. 345–525.
3. Воронин А. С. Дипломатия ДРВ на Парижских переговорах 1968–1973 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 18. С. 265–298.
4. Воронков С. Б. Русские против Фишера. М.: Рипол-классик, 2004. 532 с.
5. Левин Е. А. Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11. С. 87–98.
6. Alexander C. H. O'D. Fischer vs. Spassky, Reykjavik 1972. London: Wildwood House, 1972. 144 p.
7. Bjelica D. Bobby Fisher. Madrid: Zugarto, 1992. 346 p.
8. Brady F. Endgame: Bobby Fischer's Remarkable Rise and Fall. London: Constable, 2011. 413 p.
9. Edmonds D. Bobby Fisher Goes to War. New York: Ecco, 2004. 384 p.
10. Gligoric S. Fisher vs. Spassky: The Chess Match of the Century. London: Collins, 1972. 217 p.

REFERENCES

1. Averbach Yu. L. *Shakhmaty na stsene i za kulisami* [Chess on stage and behind the scenes]. Moscow, Ripol-klassik Publ, 2003. 320 p.
2. Botvinnik M. M. [To achieve the goal]. In: Botvinnik M. M. *Analiticheskie i kriticheskie raboty 1928–1986* [Analytical and critical works 1928–1986]. Moscow, Fizkultura i sport Publ., 1987, pp. 345–525.
3. Voronin A. S. [Diplomacy of the DRV at the Paris negotiations on Vietnam (1968–1973)]. In: *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development], 2012, no. 18, pp. 265–298.
4. Voronkov S. B. *Russkie protiv Fishera* [Russians vs. Fischer]. Moscow, Ripol-klassik Publ., 2004. 532 p.
5. Levin E. A. [The phenomenon of politicization of chess in the Soviet Union]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2015, no. 11, pp. 87–98.
6. Alexander C. H. O'D. Fischer vs. Spassky, Reykjavik 1972. London, Wildwood House, 1972. 144 p.

7. Bjelica D. Bobby Fisher. Madrid, Zugarto, 1992. 346 p.
8. Brady F. Endgame: Bobby Fischer's Remarkable Rise and Fall. London, Constable, 2011. 413 p.
9. Edmonds D. Bobby Fisher Goes to War. New York, Ecco, 2004. 384 p.
10. Gligoric S. Fisher vs. Spassky: The Chess Match of the Century. London, Collins, 1972. 217 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Водопьянов Константин Геннадиевич – преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; соискатель кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; e-mail: vodopyanov.c@gmail.com

Панков Евгений Сергеевич – магистрант факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; e-mail: pankovv.eug@gmail.com

Konstantin G. Vodopyanov – Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; External Postgraduate Student, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: vodopyanov.c@gmail.com

Evgenii S. Pankov – Master's Degree Student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: pankovv.eug@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Водопьянов К. Г., Панков Е. С. «Красные» ходят «белыми»: дипломатические аспекты шахматного противостояния СССР и США в 1960–1970-е гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Vodopyanov K. G., Pankov E. S. "Reds" play "white": diplomatic aspects of the 1960–70s US–USSR chess standoff. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 93.94

Дегоев В. В.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ МАЛОРОССИЯ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.: ОТ УПРАВЛЯЕМОЙ ВОЛЬНИЦЫ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНУЮ АНАРХИЮ К ГУБЕРНИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать процесс эволюции военно-демократического строя Малороссии в контексте международных отношений и политики России на протяжении двух веков.

Процедура и методы. Использованы методы историко-генетического исследования и контент-анализа. На их основе вскрыта внутренняя динамика процесса перехода Малороссии от безгосударственных, полуанархических форм социального быта к интеграции в административную систему Российской империи.

Результаты. Доказано, что понятие «Украина» с точки зрения государствообразующей сущности является совершенно искусственным конструктом, не имеющим опоры в том самом прошлом, к которому так усердно апеллируют современные украинские идеологи.

Практическая значимость. Автор приходит к выводу, что апелляция к истории Малороссии как к цивилизационной предтече современного киевского режима может быть оправдана лишь с точки зрения иллюстрации преемственных черт между украинской анархией XVII в. и её современными модификациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Левобережная Малороссия, Малороссийская коллегия, социально-хозяйственный быт казаков, русско-польско-турецкие противоречия, феномен гетманства

СТРУКТУРА

Введение

Геополитика и днепровское безначалие

Феномен гетманства

Иван Мазепа: прихотливая карьера изменника

Казачий юг на пути к губернизации

Малороссийская коллегия

Заключение

V. Degoev

*Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

LEFT-BANK LITTLE RUSSIA IN THE XVII – FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY: FROM CONTROLLED VOLNITSA (FREEDOM) THROUGH SOCIAL ANARCHY TO GUBERNIZATION

ABSTRACT

Aim. To analyze the process of evolution of the military-democratic system of Little Russia in the context of international relations and Russian politics for two centuries.

Methodology. By employing the methods of historical and genetic research combined with content analysis, the author reveals the internal dynamics of the transition of Little Russia from stateless, semi-anarchic forms of social life to integration into the administrative system of the Russian Empire.

Results. It is proved that the concept of “Ukraine”, in terms of the state-formation, is a completely artificial construct that has no basis in the very past to which the modern Ukrainian ideologists so diligently appeal.

Research implications. The author comes to the conclusion that the appeal to the history of Little Russia as to the civilizational forerunner of the modern Kiev regime can be justified only in case of illustrating the continuity between the Ukrainian anarchy of the XVII century and its modern modifications.

KEYWORDS

Left Bank of Little Russia, Little Russian Collegium, social and economic life of the Cossacks, Russian-Polish-Turkish tensions, the phenomenon of Hetmanate

ВВЕДЕНИЕ

Как могло случиться, что высокоодарённый и здравомыслящий народ Украины оказался отравленным прогнившими плодами современной западной демократии, которая привела к власти в Киеве нацистскую олигархическую клику, помешанную на ненависти ко всему русскому и готовую с безоглядной и иррациональной решимостью вести с Россией войну до самоуничтожения? Почему этот режим не встретил всеобщего сопротивления со стороны людей, страдавших от всех его злокачественных язв и прекрасно осознававших, куда ведут страну ставленники коллективного Запада? В данной статье предпринята попытка найти подходы к решению этой загадки, опираясь на ту часть истории Украины, которая не связана с постсоветскими реалиями, а уходит в глубину веков. Выдвигается гипотеза, что истоки нынешней ситуации во многом коренятся в особенностях «формационного» развития малороссийского социума, так и не успевшего обрести цельный го-

сударственный облик в силу преобладания внутри казачьих обществ анархического начала.

Таким образом, целью настоящей работы является исследование процесса эволюции военно-демократического строя Малороссии в контексте международных отношений и политики России на протяжении двух веков.

В качестве научного инструментария использовались методы историко-генетического исследования и контент-анализа. На их основе вскрыта внутренняя динамика процесса перехода Малороссии от безгосударственных, полуанархических форм социального быта к интеграции в административную систему Российской империи.

ГЕОПОЛИТИКА И ДНЕПРОВСКОЕ БЕЗНАЧАЛИЕ

Начиная с XVI в., важной частью южного фронта России являлось Нижнее Приднепровье, населённое малороссийскими и запорожскими казаками. С точки зрения социальной организации и военного быта они почти ничем не отличались от своих донских собратьев. Как и донцам, им исторически выпала роль сперва заслона от турецко-крымской агрессии на север, а затем – плацдарма для продвижения России на юг. Эту роль запорожцы играли не всегда осознанно, поскольку были, скорее, геополитическим объектом, чем субъектом. Долгое время они в принципе предпочитали жить своей небезгрешной жизнью, наполненной безвластием, разбоями, смутой, борьбой за сохранение патриархальной демократии.

Оставаться в таком положении не позволяло одно фундаментальное обстоятельство: казаки обитали на пространстве, где остро сталкивались и сложно переплетались геополитические интересы России, Османской империи, Речи Посполитой. В этом треугольнике союзнические отношения переходили во враждебные столь быстро и непредсказуемо, что сориентироваться в них было крайне трудно. Казачьи вожди не пасовали перед этой задачей, а старались решать её ситуативно, с максимальной выгодой для себя. Стратегия лавирования и игра на русско-польско-турецких противоречиях стали для запорожцев главными средствами выживания и достижения определённой политической субъектности. Однако реальные результаты зачастую кардинально расходились с намерениями. Чем усерднее старалась Запорожская Сечь обезопасить себя от могущественных соседей путём углубления раскола между ними, тем глубже сама погружалась в междоусобицы, хаос и неизвестность [2, с. 4–6].

Вместе с тем нельзя сказать, что казаки находились в состоянии полного безначалия. Их протогосударственная (потестарная) организация со всеми признаками военно-демократического общества, с внутренней территориально-полковой структурой и «гражданским» круговым управлением всё же как-то защищала от разгула патриархальной стихии [3, с. 37–39]. В том числе

и во «внешнеполитических» вопросах. Избираемым народом гетманам предоставлялись руководящие полномочия в военных предприятиях и в дипломатических переговорах с Москвой, Варшавой, Стамбулом (и Бахчисараем). Они оказывали известное влияние на соотношение сил в этом треугольнике, но статуса «держателей равновесия», как ни стремились, не достигали. «Держателями равновесия» гетманы были внутри казачьего общества, что давало им один из рычагов сохранения власти в своих руках. Другим рычагом являлось глубоко прагматическое отношение к «дурным» народным привычкам, осознание необходимости и умение использовать их за неимением возможности искоренить. Когда соседи запорожцев упрекали гетманов за то, что они не удерживают своих подопечных от разбойничьих набегов, в ответ слышалось: «А щожь! Треба хлопцям погуляты» [3, с. 31].

Основу казачьего хозяйства составляли не только добыча от разбоев, но и промыслы (рыболовство, охота, ремесло), которыми они занимались в приднепровских и приднестровских лиманах, находившихся на татарской территории, а также на азовских берегах. Кроме того, через Запорожье, располагавшееся на историческом пути «из варяг в греки», осуществлялся экспорт русского зерна и водки в Крым и Турцию. А с юга через Каффу в Киев и дальше на север (в Москву, Псков, Новгород, Литву, Польшу, Швецию, Данию) шли восточные товары из Персии, Индии, Аравии, Сирии. Полностью защищённым от грабительских набегов этот торговый маршрут не являлся, но в принципе подвергать его опасности было запорожцам невыгодно [2, с. 6–8, 38–46, 53–55]¹.

Постановление Переяславской рады о воссоединении Левобережной Украины с Россией запорожцы приняли с настороженностью и только после уговоров Богдана Хмельницкого, сдобренных щедрыми «гостинцами», хмуро согласились присягнуть царю [15, с. 140–142]. Но с этого момента в Приднпровье наступает период, по словам одного историка, «разнообразных политических комбинаций». В условиях резкого обострения русско-польско-турецких отношений, а также небывалой смуты в Малороссии казаки добились ещё большей свободы, которую они вовсе не спешили использовать для окончательного выбора между тремя внешними силами. Продолжая политику лавирования, они по ситуации склонялись на ту или иную сторону (чаще лишь для вида) и этим ещё больше запутывали и без того головоломный, изменчивый силовой расклад на южном стыке русских, польских и османских границ.

Своей неразберихи казакам тоже хватало. Кошевые атаманы были движимы не какими-то высшими понятиями об общественном благе, а тягой к власти и личной выгоде. Острейшие противоречия возникли между казачьими органами управления и малороссийскими городами, не желавшими

¹ Подробно о хозяйственной жизни запорожцев см. [14, с. 267–296].

им подчиняться и требовавшими от Москвы введения воеводской (центральной) власти для охраны муниципальных привилегий [6, с. 133, 137].

Будучи не в состоянии развязать тугие узлы внутривосточных и внутрисоциальных проблем, казаки предпочитали их разрубать, чем способствовали вовлечению Запорожья (и малороссийской Гетманщины) в гражданскую войну 1657–1687 гг. («Руина»). Смута царилась и в казачьих головах. Мало того, что гетманская верхушка, старшина и рядовые общинники беспрерывно ссорились между собой – они ещё и металась в «прокрустовом» треугольнике Россия – Польша – Крым².

На казачьих съездах нередко были гневные выкрики против Москвы и её сторонников [6, с. 101; 7, с. 190–202]. Правобережные гетманы – в зависимости от своих политических планов – ориентировались то на Польшу против России³, то на Россию против Польши, то на Крым против их обеих. Пожалуй, единственное, что объединяло и в принципе могло сплотить казаков на какое-то время – это идея об «исконной вольности». О ней они не устали напоминать и Москве, и Варшаве, в коих видели главных посягателей на священную традицию, а в Крымском ханстве – основной противовес им. Отсюда – ориентация казаков на юг, хотя последовательной и однозначной она никогда так и не станет [7, с. 200–201, 203–205; 8, с. 382]. Можно сказать, что до петровских времён Запорожская Сечь расплачивалась за свою почти безграничную свободу безграничным беспорядком.

ФЕНОМЕН ГЕТМАНСТВА

В 1687 г. сложное переплетение внутривосточной конъюнктуры с внешнеполитической поспособствовало избранию гетманом Левобережной Украины и Войска Запорожского Ивана Мазепы, изощрённейшего политика и дипломата, обеспечившего себе беспрецедентное политическое долголетие (21 год)⁴. Шляхтич по воспитанию, образованию и мировоззрению, он умел притворяться и малороссом, и москвичом, надёжным охранителем интересов казачьей верхушки и, когда выгодно, заступником гольтыбы. Но лучше всего Мазепе давалась та роль, в которой он стремился предстать в глазах Москвы, – верного проводника её политики на Украине. За это гетман требовал к себе полного доверия и всемерной поддержки.

Окружённый врагами и соперниками, Мазепа маневрировал между ними настолько искусно, что Москва решила сделать на него долгосрочную

² Подробно о запорожских смутах 50–80-х гг. XVIII в. см. [15, с. 144–281, 292–342; 4, с. 4–307].

³ Среди казачьей верхушки были люди, «надутые ляцким (шляхетским – В. Д.) духом», стремившиеся стать частью польского правящего класса. Они называли царей «отчимами», а польского короля «отцом» [8, с. 366–376].

⁴ Об обстоятельствах его прихода к власти и методах её сохранения см. [8, с. 383–390; 4, с. 309–316, 485–499].

ставку, не обращая внимания на многочисленные доносы, часть которых имела под собой основания. Мазепа предпочитал не отдалять своих соперников и не бросать их в объятия поляков и турок, а держать поближе к себе, чтобы всегда иметь на них узду в виде кнута или пряника. Московское правительство хорошо осознавало ценность такого ставленника, на положение которого после воцарения Петра I не повлиял даже тот факт, что он был дружен с фаворитом Софьи Алексеевны В. В. Голицыным [8, с. 470–471, 475–478; 4, с. 325–327].

Опираясь на Россию, Мазепа укреплял свою власть в борьбе с протурецки ориентированными представителями казачьей элиты (Петрик Иваненко и Юрий Хмельницкий). До определённого момента он всячески поддерживал популярного в народе запорожского полковника Семёна Палея, успешно воевавшего против турок и поляков, выступавшего за объединение под эгидой России Правобережной и Левобережной Украины. Мазепа настойчиво просил Москву откликнуться на многократные ходатайства Палея о российском подданстве, предупреждая, что отказ может спровоцировать его переход на сторону поляков или турок. Тем не менее Москва не решалась из опасения нарушить мир с Польшей. Заручившись безоговорочной поддержкой России, Мазепа плёл искусные интриги против тех, кто реально или потенциально угрожал прочности его властных позиций. К примеру, как только слава и авторитет Палея стали достигать «опасного» уровня, Мазепа переменял своё отношение к нему [8, с. 480–486, 489–492, 499–506, 578–579].

Москва не ошиблась в своём выборе: никому из предшественников Мазепы не удавалось держать ситуацию в Запорожье и Малороссии в более или менее устойчивом равновесии, натравливать одних своих врагов на других, раскалывать ещё лишь только намечавшиеся против него союзы. Но в этой стратегии гетман преуспевал не всегда. Большим препятствием служил тот факт, что запорожцы пользовались у малороссов огромным авторитетом как подлинные хранители заветных идеалов казачьей старины, готовые защищать их с оружием в руках от кого угодно, не исключая Москвы в лице её ставленника Мазепы [16, с. 220]. Поэтому в политике давления на Запорожскую Сечь гетман был ограничен необходимостью постоянно оглядываться на Малороссию, куда в любой момент мог перекинуться огонь волнений с юга.

Мазепа не был до конца уверен в собственных силах, постоянно прося Петра прислать к нему ратных людей. Понимая, что без России ему не обойтись, он вместе с тем старался сохранить для себя как можно больше свободы действий. Когда в стремлении московского правительства подчинить Запорожье центральному управлению Мазепа увидел угрозу собственной власти, он посоветовал этого не делать, чтобы, как он утверждал, таким образом не подтолкнуть запорожцев к переходу на сторону Польши или Крыма. Постоянно прораставшие то тут, то там семена смуты в Малороссии были одинаково опасны и для Мазепы, и для Москвы. Проблема их выкорчёвыва-

ния превратилась в общий долгосрочный интерес России и её ставленника, который предлагал занять казаков войной с турками, «чтоб дать упражнение беспокойным силам, собранным на Запорожье» [8, с. 508].

Возможности Мазепы были ограничены острыми социально-классовыми противоречиями, более заметными в Малороссии, чем в Запорожье, ещё не до конца лишённом своей «первобытной чистоты» (слова С. М. Соловьева). Конфликтные линии разной степени выраженности пролегли между старшинской знатью и казачьей чернью, с одной стороны – и между казачьим обществом в целом и неказачьими сословиями малороссийских городов и сёл, с другой. Зажиточные атаманы и их подручные, глядя на общественно-экономические порядки России и Речи Посполитой, хотели такого же статуса, какой имели русские помещики или польские паны, хотели официально владеть землями, крестьянами, промыслами и при этом сохранить исконные казацьи вольности. Кстати говоря, их внешнеполитическая ориентация во многом зависела от того, кто – Москва, Варшава или Стамбул – был готов гарантировать им эти привилегии, не требуя взамен жертв. Горожане и сельские земледельцы, страдая от казачьего произвола и попыток закрепощения, видели спасение в сильной государственной, царской власти. А старшинская верхушка предпочитала навязывать этой власти сложный торг, стараясь не продешевить.

В этом мудрёном раскладе особая, незавидная роль принадлежала гетманам – и правобережным, и левобережным. Скорее всего, потому, что им хотелось слишком многого: быть самыми богатыми землевладельцами и помещиками (рабовладельцами), обладать верховной политической властью и в то же время не зависеть ни от старшины, ни от внешних факторов (России, Польши, Турции). Но никто не собирался безвозмездно предоставлять гетману такую свободу действий. «Снизу» (голытьба), «сбоку» (атаманы), «сверху» (русский царь и польский король) требовали от него подчинения в одном случае давним казачьим традициям, в другом – растущим требованиям старшинской элиты, в третьем – державной политике ограничения первого и второго. В поисках способов минимизировать оказываемое на него давление гетману постоянно приходилось со всеми заигрывать, лавировать и озираясь. Головоломная задача заключалась в том, чтобы уберечься от возмущения всегда чем-то недовольной казачьей массы и одновременно избежать неприязни Москвы, от поддержки которой порой зависело почти всё. Выкроить для себя пространство социально-политического манёвра мало кому удавалось. Пожалуй, лишь Богдану Хмельницкому и Мазепе, да и им – с великим трудом. Заговоры, устраиваемые старшинской верхушкой при участии внешних сил, сопровождали их неотступно. Это были едва ли не единственные политики, умершие естественной смертью [9, с. 201–202].

Гетманский статус, несмотря на всю его шаткость, был для многих главной целью карьерных устремлений, полем ожесточённой межличностной и

«межпартийной» борьбы, где некоторые чувствовали себя как рыба в воде. Мазепа – самый яркий их представитель. Однако, несмотря на всю свою изворотливость, он не мог устранить причин фундаментального конфликта между демократическим беспорядком Запорожья и нетерпимой к нему московской властью.

Блестящую характеристику исторических, органичных предпосылок этого конфликта дал С. М. Соловьев: «Общество малороссийское вышло слишком юно (здесь и далее курсив мой – В. Д.) на сцену, когда история решала самые важные для него вопросы. Отсутствие внутренней сплоченности, разброд составных начал, жизнь особе и вражда между живущими особе обуславливали слабость страны, не позволяли ей не только независимого, но и своеобразного политического существования. Отсюда эта шатость, колебание, ... которые давали полный простор всякой силе пробиваться сквозь несплочённые ряды. Почти вся вторая половина XVII века представляет смутное время для Малороссии, подобное Смутному времени Московского государства в начале века: та же шатость, та же темнота, отсутствие ясно определенных целей и отношений ... Но несчастная Малороссия шаталась очень долго, шаталась и между поляками, и между турками ... Не можем не указать, как вредно должны были действовать эти явления на характер народа, расшатывая общество всё более и более, ослабляя общественный смысл у народа, ... отучая его ходить твёрдо, смотреть прямо в лицо окружающим явлениям, укореняя вредную привычку не верить никому и вместе верить всему и носиться в разные стороны по первому слуху. Общественное развитие было задержано; общество продолжало обнаруживать черты детства» [6, с. 183–184].

То же самое можно было сказать и о запорожцах. После неудачных крымских походов В. В. Голицына их «шатость» усилилась. Шатались, как всегда, в разные стороны. Сначала в сторону Бахчисарая, с которым они в 1689 г. заключили договор, предоставлявший им право беспрепятственно заниматься хозяйственными промыслами на крымской территории в обмен на их обязательство пропускать через свои земли татарскую конницу, когда та пойдёт грабить Южную Россию [16, с. 51]. Те казаки, которые не одобряли этого соглашения, вступили в переговоры с королём Яном Собеским о переходе в польское подданство. Не получив внятного ответа, они отправили послов в Москву заверить «в своей сердечной и истинной верности и правде служить царскому пресветлому величеству».

Фактически запорожцы раскололись на три партии – турецкую, польскую и русскую, границы между которыми были нечёткими и несколько не мешали переходу из одного политического лагеря в другой. Московское правительство, действуя как через Мазепу, так и напрямую, старалось задобрить своих сторонников разными посулами, в основном деньгами, но без особого успеха. Принимая царское жалование как должное, казаки не ис-

пытывали ни чувства благодарности, ни желания отказываться от свободы внешнеполитического выбора [16, с. 51–66].

В первой половине 1690-х гг. волнениям в Запорожье не давали утихать и внутрисоциальные, и международные конфликты, в частности война России и Польши против Турции. Этими обстоятельствами старались воспользоваться видные казацкие деятели, соперничавшие между собой в борьбе за единоличную власть, которую они в большинстве своём хотели использовать для освобождения Запорожья из-под влияния России, не забывая при этом о собственных материальных интересах [16, с. 67–83].

Известию о готовящемся походе Петра I на Азов казаки обрадовались: и работа будет привычная, и добыча, и жалование. Так оно и случилось. Храбро сражаясь бок о бок с русской армией, они сыграли важную роль при взятии нескольких турецких крепостей в устье Днепра и в общем ходе боевых действий. Щедрая царская казна не заставила себя ждать. Это была благодарность не только за доблесть, но и за верность. Петрик, воевавший на стороне турок, призывал сечевиков присоединиться к нему. Никто не откликнулся, как никто не выказал и печали по поводу его гибели от рук одного из казаков [16, с. 123–130].

Ещё большую активность они проявили во время второго азовского похода, действуя на широком фронте от дельты Днепра до западного побережья Крымского полуострова как сухопутными силами, так и малоразмерными морскими судами. Правда, запорожцы не преминули заявить Москве, что их услуги заслуживают соответствующего вознаграждения. Прижимистый Пётр скупиться не стал и на этот раз. Примечательно, что Мазепа, так и не появившийся на военном театре, умудрился изобразить свои боевые заслуги таким образом, что царь поспешил отметить их щедрыми дарами [16, с. 131–138].

До самого окончания русско-турецкой войны (1700 г.) запорожцы оставались в целом надёжным, хотя и не очень дисциплинированным резервом царской армии [16, с. 139–151]. Они клялись в верности царю, но неохотно подчинялись его оперативным приказам, предпочитая действовать исходя из обстановки и преимущественно в своих интересах. Война, приглушив внутренне распри среди запорожцев, не лишила их тяги к набегам и добыче. Заскучав от сидения в захваченных у турок днепровских городках, они начали совершать на море разбойничьи вылазки. Вероятно, это можно было бы изобразить как часть военных действий, если бы нападениям не подвергались мирные купеческие суда. К войне казаки относились во многом как к коммерческому предприятию. Запросы у них были немалые, а царское жалование, хотя и постоянно увеличивавшееся, не могло сравниться с награбленным добром.

Мазепа, лишённый полководческого дара и избегавший появляться на полях сражений, решил всё же отметиться каким-нибудь подвигом. В 1698 г. он попытался взять Очаков, но бездарно организованный поход провалился.

В январе следующего года между Россией и Турцией было заключено двухлетнее перемирие. Помехой в запорожских набегах на крымские территории оно не стало. Пассионарная энергия, как всегда, искала каналы выхода. Но набегов ей было мало. Квартировавшие в тесных днепровских крепостях (Тавань, Казыкерман и др.) казаки, томясь бездельем, пустились в гульбу, пьянство и бесчинства на местных базарах. Начались кровавые драки с русскими гарнизонными частями. Дошло до убийств. Приехавшая из Москвы следственная комиссия во избежание дальнейшего обострения спустила дело на тормозах. Более того, запорожцев старались уgomонить значительным увеличением царской казны и подарков. Вместо благодарности они обрушились на доставивших всё это людей с упрёками, что присланные сукна «худые и изрезанные», а настоящие монаршие дары украдены. Если не знать менталитета запорожцев, самым удивительным может показаться их недовольство тем, что им дают мало пушечного пороха, необходимого для всякого рода гуляний.

Когда в 1700 г. в Стамбуле был подписан русско-турецкий мир, обязавший Россию эвакуировать днепровские городки, казаки, считавшие их уже своей собственностью, выразили крайнее возмущение, усилившееся ещё и от того, что русские построили на границах Запорожья свои крепости для стеснения его вольной жизни.

Одним словом, окончание турецкой войны, оставившее запорожцев без работы, обернулось для России ещё большими, чем прежде, проблемами на юге. Следом начавшаяся шведская война, казалось бы, предоставила им новое поприще для применения их буйного нрава [16, с. 152–169]. Но она не смягчила, а обострила социально-политическую ситуацию в Сечи. На севере требовались дисциплинированные войска, каковыми казаки никогда не являлись. Против шведов они использовались как вспомогательная сила, чаще всего на ненавистных им военно-инженерных работах. «С этого времени, – по словам историка Д. И. Яворницкого, – в Запорожье поднялись такие смуты, распри и раздоры, которых ни раньше, ни позже того никогда там не бывало» [16, с. 170]. Так этот край отвечал на угрожавшую ему историческому безнарядью политику Петра, имперскую и унификаторскую по своей сути. Ещё больше она ощущалась в Малороссии.

ИВАН МАЗЕПА: ПРИХОТЛИВАЯ КАРЬЕРА ИЗМЕННИКА

В годы Северной войны малороссийское безнарядье совершенно не устраивало Петра ещё и потому, что против шведов ему нужны были и казаки. В 1703–1704 гг. лишь немногих из них удалось привлечь в качестве вспо-

могательного войска, но из-за плохой организации дела они были разбиты шведами в соединении с поляками Лещинского [9, с. 31–32].

Мазепе становилось всё труднее управляться с ситуацией в Малороссии и Запорожье. Разброд и шатание в старшинской среде усиливались, передаваясь низам. Долго удерживать её под контролем только с помощью макиавеллистских приёмов было невозможно. Мазепа осаждал Москву вопросами – что делать? Она подолгу не отвечала, поскольку не знала ответа.

Наконец Пётр приказал «не делать запорожцам никаких тяжких насилий». Были подтверждены прежние казачьи вольности. Однако «шалости» запорожцев продолжились и распространились даже на левобережную Полтаву.

Если с Малороссией гетману ещё удавалось кое-как справляться, то в отношении Запорожья он, дойдя до отчаяния, посоветовал Петру «искоренить силою оружия проклятое гнездо». И предложил для этого целый план. Царь пока не готов был к радикальным мерам. Он разрешил Мазепе действовать по своему усмотрению, но не перегибая палку. С каждым годом Мазепе приходилось всё труднее и труднее. Запорожье почти полностью вышло из его подчинения. Местные атаманы вытворяли всё, что хотели, не давая гетману возможности делать перед Москвой хотя бы вид, будто он держит ситуацию под контролем. Когда между Россией и Турцией происходило размежевание границы (1705 г.), запорожцы решительно протестовали против того, что их представителей не пригласили для участия в этой процедуре. Иначе говоря – против непризнания за ними международной субъектности в вопросе о территории их исконного проживания [16, с. 187–198].

Хотя Мазепу так и подмывало нанести по Запорожью решительный удар, он, как хитрый политик, понимал, что в отношении с казаками сжигать за собой мосты нельзя: они, не ровен час, могут ещё понадобиться, особенно в крайне неясной ситуации на фронтах Северной войны, где, кроме Прибалтики, полный перевес был на стороне Карла XII [16, с. 216].

Пётр требовал от казаков равного с Россией участия в боевых операциях, что предполагало дисциплинированное подчинение русскому главнокомандующему и общему стратегическому плану. А казаки этого терпеть не могли. Они воевали тогда и так, когда и как им захочется. Вдобавок царские полки, находившиеся в Каменном Затоне, не давали «охотникам до гуляний» (разбойных набегов) развернуться во всю ширь. Приказы царя, в которых сечевики усматривали начало проникновения к ним преобразований, проводимых в России, ввергали их в состояние тревожного, мучительного ожидания.

В такое же состояние погружался уже не молодой, хлебнувший много чего на своём веку Мазепа. Перед его глазами разворачивалась эпическая драма борьбы между Петром I, потерпевшим сокрушительное поражение под Нарвой, и непобедимым Карлом XII, который разбил Данию, захватил

Польшу, Саксонию и намеревался двинуться на Москву, в спешном порядке готовившуюся к обороне. А если русская столица падёт перед шведами (и их союзниками поляками), как это случилось в Смутное время? Что тогда делать ему, Мазепе? Гетман искал ответ на эти вопросы не только в стремительно развивающихся событиях, но и в собственном прошлом, связанном с приятными воспоминаниями о молодых годах, проведённых при дворе польского короля Яна Казимира II, где он получил прекрасное образование и аристократическое воспитание. Мазепа принадлежал к тому, по словам С. М. Соловьёва, «испорченному поколению шатающихся черкас (малороссиян и запорожцев – В. Д.)», для которых православие не было «внутренним могучим побуждением», достойным самопожертвования, и которые не находили нестерпимой мысль о соединении с католической Польшей. Во всяком случае, Мазепа не собирался погибать вместе с Петром лишь для того, чтобы сохранить в его глазах репутацию «драгоценного исключения», человека, оставшегося, в отличие от предыдущих гетманов, верным царю [9, с. 203–204].

Час рокового решения приближался неумолимо.

Карл XII понял, какую выгоду можно извлечь из терзаний Мазепы, которого король соблазнял обещаниями сделать его независимым владельцем Полоцкого и Витебского княжеств с сохранением гетманского статуса. От такой перспективы голова Мазепы, видимо, пошла кругом. Торопили его и ближайšie подручные: решайся, не то упустишь момент и не вернёшь [9, с. 233].

Внутренне всегда готовый к предательству и кого только не предававший, гетман был вынужден проявлять чрезвычайную осторожность, пока действительно не наступит момент сыграть ва-банк. Этот момент Мазепа связывал с предстоящим вступлением шведской армии в Малороссию. Гетман готовился к ситуации, которая заставит его предать Петра. А подготовка такого рода требовала тишины. Он действовал тайно и настолько хитро, что слухи, доходившие до государя, оставались без внимания. Да что там слухи: ни во что не ставились открытые обвинения, которые люди готовы были доказывать с риском для жизни [1, с. 252–255; 4, с. 418–445]. Между тем некоторые из них были вовсе не слухами. Он действительно состоял в тайной переписке с Лещинским и польской аристократией, которые прельщали его щедрым вознаграждением за разрыв с Петром. Суть ответов сводилась к мысли о том, что верность Мазепы царю будет зависеть от соотношения сил в Северной войне и шансов той или иной стороны на победу. Пока это не выяснится, он твёрдо обещал воздержаться от враждебных действий против поляков и шведов. Как писал С. М. Соловьёв, «Мазепа искал спасения ... в хитрости, двоедушии, не хотел разрывать с царём, а между тем на всякий случай сносился с Станиславом» [9, с. 204–207, 209–211].

Зондируя, опять же, на всякий случай, почву в вопросе о формировании широкой антипетровской коалиции, Мазепа через доверенных людей вёл переговоры со всеми казачьими сообществами, калмыками, белгородски-

ми татарами, крымским ханом, турками. Восстание Булавина вспыхнуло как нельзя ко времени. Гетман установил тайную связь с главным бунтовщиком, который имел и свою собственную «внешнюю политику», переписываясь с турками и крымскими татарами [1, с. 248–250; 12, с. 371].

Приблизительно до середины октября 1708 г. маятник сомнений Мазепы продолжал раскачиваться. В какой-то момент даже могло показаться, что гетман останется верен Петру. Конец колебаниям положил резкий поворот армии Карла XII с востока на юг, в Малороссию. Сначала гетман шлёт королю приветственное письмо, предлагая себя в качестве вассала и союзника в борьбе против тяжкого ига России. А 24 октября он вместе с двумя тысячами казаков уже был в расположении шведских войск [9, с. 233–234].

Таким, линейным и бесповоротным, видится путь предателя уже по факту, с расстояния времени. Чуть ли не вся жизнь Мазепы предстаёт как непрерывная подготовка к её главному событию – измене. Но было ли это действительно столь необратимое движение? Само по себе наличие внутренней потенциальной предрасположенности к измене вовсе не является автоматической предпосылкой к ней. Нужно ещё такое стечение факторов, которое поставит человека перед мучительной дилеммой и внушит ему мысль о неизбежности того или иного решительного шага. С. М. Соловьев точно подметил, что Мазепа «умер бы верным слугою царским, если б судьба не привела к русским границам Карла XII» [9, с. 204]. Добавим к этому, похоже, искреннее восклицание гетмана, узнавшего о движении шведского короля на юг: «дьявол его сюда несёт» [13, с. 215].

При всём том, что было сказано о Мазепе, бегство к шведам и полякам далось ему сугубо по-человечески нелегко, даже если оставить в стороне досужее предположение о возможных угрызениях совести [4, с. 506]. Несколько поколений историков и писателей бьются над разгадкой причин измены, то сваливая их – и самые пустяшные, и более серьёзные – в одну громадную кучу, то стараясь выстроить их в логически безупречный причинно-следственный ряд, то сводя всё к одной единственной, фундаментальной [4, с. 381–417]. Сколько бы объяснений мы ни привели, в них не будет всей правды, которая если и существует, то сокрыта в глубинах всегда непостижимой человеческой души, особенно когда речь идёт о незаурядной личности. Выразимся ещё крамольнее: всей правды о себе не знал и сам Мазепа.

Петра обуяли гнев и досада. Но гневаться и досадовать, по мнению С. М. Соловьева, нужно было прежде всего на самого себя, не увидевшего вовремя, что новое искушение предать царя, в отличие от прежних, которые гетман преодолевал, явилось к нему посреди изменившихся обстоятельств и поэтому оказалось сильнее прежних. Пётр понял, что слепое доверие к Мазепе и абсолютное недоверие к его врагам были ошибкой, приведшей на плаху тех, кто говорил правду [9, с. 228–229].

Все свои чувства Пётр вложил в текст манифеста к малороссийскому народу от 28 октября (9 ноября) 1710 г. Он извещал, что Мазепа стал «новым Иудой», который, забыв страх божий и крестоцелование, перебежал к шведам и полякам, чтобы отдать им на попроение православную веру, церкви и святые монастыри, обратить их в католичество. Гетман обвинялся в том, что, обманывая царя, обложил народ поборами якобы для содержания войска, а на самом деле ради собственного обогащения. Он, говорилось в манифесте, предал не только государя, но и всех малороссов. Пётр повелел казачьим старшинам и полковникам собраться на съезд и по своему обычаю выбрать нового гетмана во спасение народа [5, с. 233–245; 9, с. 236].

Гетманом выбрали стародубского полковника И. И. Скоропадского. Были ещё две кандидатуры (миргородский полковник Д. П. Апостол и черниговский полковник П. Л. Полуботок), но Пётр, обжегшись на Мазепе, увидел в этих ярких предводителях угрозу своему влиянию в Малороссии. Он предпочёл заурядного и слабохарактерного Скоропадского как меньшее зло. Как заметил историк Н. А. Маркевич, «то был не гетман, а призрак прежних гетманов» [4, с. 510]. Иными словами, подходящая кандидатура на роль распорядителя похорон самого института гетманства, упразднение которого через какой-то переходный этап его доживания в декоративном виде стало для Петра принципиальной задачей.

В Успенском соборе в Москве и с малороссийских амвонов имя Мазепы торжественно предали проклятью за то, что он «пристал к еретическому королю шведскому» с намерением отдать казаков под иго польской шляхты, уничтожить православную веру и храмы. Затем пропели здравицы в честь великого государя и новоизбранного гетмана [9, с. 240–241].

Возможно, самой важной на тот момент задачей для Петра было успокоить запорожцев, куда менее послушных Москве, чем малороссы. В грамоте к ним он писал, что «богоотступный изменник» непрестанно клеветал ему на сечевиков, обвиняя их в неверности царю. Призывая казаков постоять за отчизну, веру и государя, Пётр обещал содержать их в непременной своей милости и ежегодно выплачивать Сечи по полторы тысячи золотых на курень (100 дворов) сверх прежнего жалования. Малороссам же была в очередной раз обещана защита от произвола и всякого рода незаконных повинностей [9, с. 241; 5, с. 347–349].

Мазепа тоже рассылал свои грамоты, объясняя в них свой шаг весьма витиеватым образом. Переход к Карлу XII он преподносил как стремление избежать «христианского кровопролития»; из шведского лагеря гетман якобы собирался написать к царю, поблагодарить его за протекцию, но в то же время предъявить ему список всех причинённых казакам обид, приведших их к крайнему разорению, утрате прав и вольностей, поставивших на грань гибели. Мазепа заявлял: казаки и он вместе с ними – свободные люди; так же добровольно, как они некогда преклонились под руку единоверного

царя, они переходят теперь под протекцию шведского короля в надежде на «совершенное наше освобождение» не посредством войны, а через мирный договор, к которому гетман склонит Карла XII [9, с. 239–240]. Однако в обращении к запорожцам Мазепа говорит не о мире, а о войне, призывая атаковать все русские крепости на Нижнем Днестре и Самаре [16, с. 222].

Как видно, Мазепа претендует на роль не только вольного вассала, меняющего сюзеренов по своему усмотрению, но и субъекта международных отношений.

Началась пропагандистская дуэль, в которую включился и Карл XII. В своих манифестах он говорил о невыносимых и оскорбительных для людей реформах Петра, о его переписке с римским папой на предмет искоренения в России греческой веры и насаждения католичества, чем уже и занимаются иезуиты, строящие костёлы и школы. Король призывал малороссов к свержению тяжкого московского ига и поддержке наступающих шведских войск. Перевес в этой войне манифестов оказался на стороне Петра, поскольку его аргументы были убедительнее. В ответ на обещание Карла XII вернуть Малороссии старину с её вольностями и привилегиями царь иронично заметил, что казаки прекрасно помнят, какие «права» у них были в ту самую старину, известную как время нестерпимого шляхетского владычества. Царь завершал свои обращения призывом встретить врага тактикой выжженной земли. Простой народ откликнулся именно на этот призыв, а не на шведские обещания освобождения от московского гнёта [9, с. 242–243; 5, с. 260–270, 273–289, 314–315].

Измена Мазепы была лишь началом замысловатой игры, им затеянной. В конце 1708 г. «новый Иуда» совершенно неожиданно предлагает Петру сделку: он выдаёт в царские руки шведского короля и его генералов, а взамен вновь получает гетманский статус, но теперь уже гарантированный известными европейскими дворами, т. е. международным правом. Хотя было очевидно, что Мазепа идёт на очередное предательство, Петр всё же соблазнился возможностью закончить изнурительную войну одним махом. Ради этого он готов был превозмочь себя и простить изменника. Мазепе передали, что его условия приняты. Однако дальше дело не пошло. То ли гетман не поверил, то ли предпочёл другой сценарий на остаток своей жизни.

Как бы то ни было, одновременно с обращением к Петру Мазепа предлагал Станиславу Лещинскому присоединить Малороссию к Польше на тех же правах, которые имела Литва. Для этого, по мнению гетмана, необходимо было занять Левобережную Украину польско-шведскими войсками во имя уничтожения московского «дракона» и спасения «наследственного достоинства» польских королей. Себя Мазепа, естественно, видел охранителем этого достоинства. Его послание к Лещинскому завершалось раболепными словами о том, что он припадает к храброй королевской руке «тысячью поцелуев и остаётся верным подданным и слугою наинижним» [9, с. 252–253]. Ностальги-

ческая память о счастливой молодости, проведённой в аристократической среде польской элиты, победила всё остальное.

Письмо Мазепы попало в руки Петру, который обнародовал его основные положения в грамоте к малороссам от 28 января 1709 г. Там говорилось, что гетман привёл шведов на Украину не для освобождения, а для восстановления польского господства и насаждения католичества, что он получил от Лещинского воеводство в Польше и титул князя северского [9, с. 254].

Если в Малороссии всё было относительно спокойно, то в Запорожской Сечи казаки поддались внушениям Мазепы, писавшего им, что царь собирается загнать весь малороссийский народ за Волгу, а его войска ведут себя на Украине как на вражеской территории. Ультимативные требования запорожцев к Москве касались уже не только срытия Каменного Затона и самарских городков, но и Малороссии, которую они хотели освободить от присутствия царской военной администрации. На сечевой раде, как полагают некоторые историки, все единодушно присягнули Мазепе, просили его прислать войска для уничтожения Каменного Затона и обещали соединиться со шведами [13, с. 228–229]. Но есть и другое мнение, согласно которому среди запорожцев произошёл раскол. Умудрённые опытом старики приняли сторону Петра, не из любви к нему, а из ненависти к иноверным шведам. А молодые горячие головы под руководством кошевого атамана Константина Гордиенко послали в Москву грамоту, где они «с нареканием и безчестием на самую высочайшую особу царя» предъявили требование о предоставлении полной независимости не только Запорожью, но и Малороссии [16, с. 221–222]. В результате поднялись волнения, распространившиеся на Правобережную, Левобережную (Гетманщину) и даже Слободскую Украину.

Всё это заставляло Петра не жалеть средств для наведения порядка. Он писал, что «сие дело из первых есть, которого опасаться надлежало было». Предпочитая действовать «не только шпагою», он пытался исчерпать другие способы для успокоения казаков: посылал к ним представительные делегации с большими суммами денег, обещал сохранение вольностей и увеличение жалования, устроил смещение промазепинского кошевого атамана Константина Гордиенко. Всё было напрасно. Запорожцы забрали у царских посланников деньги, а потом избили их до полусмерти, сыпя проклятия в адрес Москвы.

В марте 1709 г. казаки начали боевые действия против русских войск [16, с. 223, 229–243]. Тогда Пётр отдал полковнику П. И. Яковлеву распоряжение о массированном ударе по Сечи. Но прежде, чем выполнить приказ, военачальник ещё раз призвал запорожцев угомониться. Те и не подумали. В итоге 14 мая Запорожская Сечь после неимоверно яростного сражения с большими потерями с обеих сторон была уничтожена. По словам Д. И. Яворницкого, ещё раз подтвердилось печальное правило: «войны между народами одной

веры и одного происхождения – самые жестокие и самые кровопролитные из войн» [16, с. 243–247].

Пётр устроил в честь взятия Сечи салют. А. Д. Меншикову он писал, что «с превеликою радостью услышал о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была» [9, с. 254–257]. Вместе с тем царь, не желая, чтобы это событие восприняли как жестокую и несправедливую экзекуцию, обратился к запорожцам и малороссам с пространной грамотой. В ней говорилось, что Сечь была постоянным очагом смут и распрей, распространявшихся за её пределы. Жертвами разбоев и убийств становились мирные люди из числа «соседственных» народов, включая русских. Запорожцы ставили русско-турецкие отношения на грань войны и тогда, когда они нещадно грабили османских купцов, и тогда, когда вступали с крымским ханом в союзы против России. Потом они поддержали «вора и бунтовщика» Булавина и, наконец, присоединились к «изменнику и богоотступнику» Мазепе и его шведским покровителям, в союзе с которыми начали вести военные действия против России. Царя до глубины души уязвила их не просто чёрная неблагодарность, а подлое свойство кусать руку помощи. Он припомнил, как казаки встречали его послов, привозивших жалование, – «всегда с безчестием и руганием, а иногда оных побивали и в воду сажали». Они, писал Пётр, «уже давно подлежали нашему гневу и достойны были казни и разорения; однакож мы, великий государь, то всё долготерпеливо сносили». Даже когда всё было готово для наступления на Запорожье и оставалось лишь отдать приказ, бунтовщикам был предоставлен последний шанс для спасения – принести крестоцеловальную присягу на верность царю, и в этом случае они будут прощены и оставлены «при прежних своих войсковых правах и вольностях». Более того, те из смутьянов, кто после уничтожения Сечи принесёт повинную, могут рассчитывать на прощение. Таких набралось до 15 тыс. человек [16, с. 247–253, 257]. Другие выбрали войну против России на стороне шведов и Мазепы.

Победа под Полтавой развязала руки царю и в Малороссии, где он хотел ещё сильнее ограничить власть гетмана и старшины, не только не желавших урезать свои аппетиты, но и стремившихся добиться более широких привилегий в обмен на лояльность к России. Такие настроения заметны в представлении, отправленном Скоропадским в Москву 17 июля. В четырнадцати статьях этого документа, просительного по форме и требовательного по содержанию, он настаивает на сохранении всех казачьих вольностей и правил жизни, что подразумевало: автономию войскового управления, исключавшую подчинение атаманов русскому командованию; невмешательство во внутренние дела Малороссии, в том числе в отношения казаков с городским населением; освобождение от военных походов и постоев; свободный проход в Запорожье для промыслов; устранение с московской стороны

многоначалия и прямое подчинение Малороссии государю [4, с. 511–516; 10, с. 332–333].

Пётр принял ту часть пунктов, которую считал для себя приемлемой, но дал понять, что оставлять край на произвол казачьей верхушки и низовой социальной стихии он не собирается. Это стало окончательно ясно, когда он приставил к Скоропадскому сначала суздальского наместника А. П. Измайлова, а затем сразу двух своих чиновников – думного дьяка А. А. Винуса и стольника Ф. Протасьева – «для советов о государевых делах», попросту для надзора. В их обязанности, помимо «сохранения тишины и благоустройства», входило наблюдение за тем: чтобы гетман не вступал в сношения с иностранными государствами, а получаемые оттуда письма пересылал Петру и без его ведома на них не отвечал; чтобы назначал и смещал своих подчинённых только с царского согласия и не принимал в службу поляков и других иноземцев; чтобы без государевой на то воли никого не казнил; чтобы не вмешивался в вопросы землевладения и землепользования; чтобы представил полный отчёт о доходах гетманской казны и распределении их между старшинами, полковниками и другими урядниками [10, с. 334–335; 16, с. 258–259; 4, с. 516–519; 5, с. 301–313].

Распоряжение Петра вызвало большое недовольство, на которое нельзя было не обратить внимания в условиях обостряющихся отношений с Турцией, всегда готовой использовать казаков против России. Под рукой у Порты теперь был и Мазепа, нашедший вместе с Карлом XII и своей двухтысячной свитой убежище в Бендерах. Он, по-прежнему признаваемый многими законным гетманом, мог поднять в Малороссии смуту и даже направить её в некое организованное русло. У него были для этого и материальные средства: ему удалось сохранить своё движимое богатство и прихватить с собой войсковую казну, из которой он субсидировал шведского короля и подкупал турок. Стараясь лишить Мазепу рычагов влияния, Пётр угрозами и посулами перетянул часть старшин, поддерживавших изменника, на свою сторону, но всё равно, пока эта выдающаяся личность была жива, от неё, как считалось, исходила большая опасность. Возможно, преувеличенная, поскольку Мазепа быстро утрачивал доверие Карла XII, до которого, вероятно, дошли сведения о его попытке помириться с Петром [13, с. 227].

Были и другие обстоятельства, позволявшие считать, что гетманская песенка спета. Полтава прогремела для него как похоронный колокол. Его главный козырь был бит вместе с надеждой на победу шведов. Через два месяца после этого эпохального события Мазепа, надломленный возрастом и недавними потрясениями, скончался. На его место выбрали ближайшего соратника гетмана Филиппа Орлика, заключившего с «избирателями» договор, согласно которому Малороссия вступает в союз с крымским ханом и переходит под покровительство Карла XII, чтобы спастись от рук «московского дракона» и выйти «из лабиринта страшного рабства на прежнюю свободу».

Политико-административные и финансовые полномочия Орлика существенно ограничивались [10, с. 337–338; 4, с. 522–535; 5, с. 315–339]. Ограниченным было и его влияние на казаков, многих из которых смущало то, что он обосновался на османской территории, в Бендерах.

КАЗАЧИЙ ЮГ НА ПУТИ К ГУБЕРНИЗАЦИИ

По мере появления проблем, озадачивавших Петра невозможностью их быстрого решения, царь стал понимать, что существует некая общая причина, препятствующая этому. Заключалась она в архаичной и не соответствующей новым задачам системе административного управления Россией. В этой системе не было единообразия и централизма. Страна делилась на полторы сотни уездов (или воеводств), куда приказы из Москвы шли долго, порой так долго, что теряли смысл. Отдалённость от центра позволяла воеводе выполнять их на свой лад и не спешить отчитываться. Инспекционные проверки случались крайне редко, а когда случались, то не обязательно грозили выявлением крупных злоупотреблений даже при их очевидном наличии. Потребность в административно-управленческой реформе стала очевидной, и в числе обстоятельств, которые подтолкнули к ней Петра, народные бунты занимали видное место.

В конце 1708 г. был издан государев указ о разделении страны на восемь губерний, во главе которых стояли губернаторы, как правило (но не всегда), соединявшие военную и гражданскую власть. Они имели большие полномочия, но и несли персональную ответственность перед царём, круто обходившимся с нерадивыми начальниками. В виде хорошо организованного и хорошо управляемого государства Петру требовался инструмент решения целого ряда крупных внутривнутриполитических проблем.

Реформа была призвана усилить централистско-самодержавное начало в государстве, чтобы более эффективно подавлять проявления патриархально-автономных пережитков, прежде всего в виде казачьей вольницы. Большую проблему в этом плане представляли запорожские казаки – своим сильным военным потенциалом, подкреплённым более или менее управляемой военно-политической организацией – гетманством, претендовавшим на самостоятельность даже в международных делах.

«Административная реформа» в Запорожье произошла спонтанно [1, с. 271–272]. Начало ей положил, того не желая, Мазепа, изменив России, заключив с Карлом XII военный союз и начав войну против Петра. Из укреплённых накануне крепостей, окружавших Сечь, царь нанёс по ней сокрушительный удар. И хотя казаки сопротивлялись мужественно, их судьба была решена. В мае Сечь в прежнем виде прекратила своё существование.

С военно-стратегической точки зрения это было абсолютно прагматическое решение. Через месяц произошла Полтавская битва, в которой русским

пришлось бы отбиваться от наступавших с севера шведов и наседавших с юга запорожцев. И тогда исход этого исторического сражения, скорее всего, был бы плачевен для Петра, хотя и без того он был под большим вопросом.

С 1709 г. процесс общей деградации Малороссии стал обретать необратимую динамику. При Мазепе деструктивные факторы сдерживались его политической изощёрённостью. После измены гетмана равноценной замены ему не нашлось. Резко обострился социальный конфликт между казачьей верхушкой, добивавшейся предоставления ей привилегий русских помещиков, с одной стороны, и казачьей массой и городским населением, страдавшими от старшинского произвола, с другой. Крайне неустойчивыми были общественные настроения. Одни видели в Москве пособницу этого произвола, другие – избавительницу. Благонадёжность Малороссии, особенно её полковников, вызывала у Петра большие сомнения. Однако в условиях русско-турецкого конфликта 1710–1713 гг. царь воздерживался от грубого вмешательства в малороссийские дела, довольствуясь поддержанием статус-кво. Ради этого даже с оставшимися и вернувшимися на Левобережье сторонниками Орлика обходились относительно милосердно. Поскольку Скоропадский казался более или менее надёжным ставленником, Москва закрывала глаза на те злоупотребления («большое плутовство»), которые при нём «размножились» [11, с. 596].

Пётр настаивал, чтобы граница между нестабильной Малороссией и вечно мятежным Запорожьем была наглухо закрыта во избежание проникновения на Левобережье бунтарского духа. Царь обязал Скоропадского строго следить за этим.

До 1722 г. Петр, несмотря на рост местного произвола и умножение жалоб, не шёл на радикальное изменение малороссийских порядков. В целях формирования более широкого слоя пророссийской элиты он предпочёл другое средство – модифицировать институт казачьих выборов. Вместо прямого избрания радой полковника или сотника стали выбирать несколько кандидатур и представлять их на утверждение гетмана, который уже сам решал, кто из них подходит по степени лояльности к России. Старшинской верхушке это очень не понравилось, и она, когда скрыто, а когда явно, противилась такой практике.

В течение 1710-х гг. в настроениях Малороссии находили некоторый отклик антимосковские призывы «гетмана в изгнании» Орлика. Орлик, поддерживаемый шведами и турками, носился с грандиозным планом объединения запорожцев и малороссов на обоих берегах Днепра в суверенное государство «Малая Россия» в качестве полноправного субъекта международных отношений со столицей в Киеве. В рамках политики строительства такой химеры гетман заключил военные союзы с Карлом XII и Турцией [16, с. 259–266].

Во время русско-турецкой войны 1710–1711 гг. он, с энтузиазмом подержав врагов России – турок, крымцев, поляков и шведов, совершил во

главе 8-тысячного казацко-польского войска нападение на Белую Церковь и потерпел поражение [16, с. 279–282].

После Адрианопольского мира 1713 г. и ухода Карла XII из Турции запорожцы, перебравшиеся на османскую территорию, мало-помалу стали успокаиваться. Воевать с Россией без союзников не хотелось [16, с. 285–294]. В конце 1719 г. к запорожцам стали просачиваться кое-какие вести из далёкого Стокгольма, где под шведской опекой проживал Орлик, бежавший из Турции с Карлом XII в 1714 г. Оттуда гетман внимательно следил за ситуацией в Запорожье, сопоставляя её с динамикой развития европейских событий. Видя, что союзники Петра заключили со Швецией сепаратные договоры и у западных держав зреет идея объединиться против него, Орлик страстно увлекся мыслью включить в этот антироссийский альянс запорожцев. Он послал к ним своего эмиссара Фёдора Нахимовского с призывом присоединиться к этому союзу, выступление которого намечалось на лето 1720 г. Большинство казаков ответило отказом [16, с. 294–296; 10, с. 563–571; 5, с. 350–354, 356–359].

Вплоть до начала 1740-х гг. наследник Мазепы, скитаясь по Европе, носился с различными проектами строительства независимого казачьего государства и создания антирусской коалиции, которые были настолько оторваны от реалий жизни, что уже никого в России не беспокоили [16, с. 298, 321–325; 4, с. 557–558].

МАЛОРОССИЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

Подписание Ништадтского мира окончательно развязало Петру руки в Малороссии, где он взял курс на унификацию её управленческих структур по общеимперскому образцу, т. е. – на полное упразднение гетманства. Указом от 29 апреля 1722 г. царь учреждает под видом совещательно-вспомогательного органа при Скоропадском так называемую Малороссийскую коллегия в составе её председателя бригадира С. Л. Вельяминова и шести штаб-офицеров. Задачи коллегии предусматривали: надзор за судопроизводством, исполнением императорских указов и за всякого рода сборами с населения, денежными и натуральными; выплату жалования воинским чинам; ограничение барщинного произвола старшины в отношении рядовых казаков и горожан; рассмотрение жалоб от простолюдинов; запрет на расылку гетманских универсалов без ведома коллегии [11, с. 505; 4, с. 563–564].

Подтверждением того, что это было своеобразным продолжением губернской реформы, стала передача малороссийских дел из ведения Коллегии иностранных дел в сферу полномочий Сената, иначе говоря – из внешнеполитического ведомства во внутривнутриполитическое.

Через два месяца после царского указа Скоропадский умер, возможно, не выдержав унижительной необходимости смириться с превращением сво-

его гетманского статуса в декоративную должность. В отсутствие царя, находившегося в Персидском походе, Сенат решил до прояснения ситуации временно передать полномочия гетмана Полуботку, обязав его во всём держать совет с Вельяминовым. Между ними сразу возник конфликт. Полуботок возмущался тем, что председатель Малороссийской коллегии, действуя в соответствии с её регламентом, настаивал на подробной инвентаризации полкового недвижимого и движимого имущества, на проверке всего документооборота войсковых канцелярий, вершил суды по жалобам на произвол казачьей старшины и требовал письменных отчётов о выполнении императорских указов.

По наущению Полуботка представители малороссийской знати выразили Сенату своё неудовольствие по поводу чрезмерной регламентации их жизни и ограничения исконных «сословных» прав, что якобы поощряет чернь к неповиновению и бунту. В ответ Сенат призвал Вельяминова воздержаться от слишком радикальной политики и действовать гибко, путём «тайного приласкания» нужных людей и отказа от методов, чреватых озлоблением малороссийского народа [11, с. 506–508].

Двоевластие в Малороссии, опасное само по себе, категорически не устраивало Петра ещё и потому, что Полуботок под прикрытием заверений о верности царю хотел восстановить старый порядок, опираясь на соответствующие настроения казачьей знати и предостерегающе намекая Петербургу на свою незаменимость в качестве человека, способного управлять этой неукротимой силой.

Другим претендентом на гетманскую должность был миргородский полковник Данила Апостол, ещё более настойчиво предлагавший себя Петру в качестве преданного соратника. Но оба соискателя домогались гетманства вовсе не для того, чтобы стать проводниками унификаторской политики царя, а напротив, чтобы под видом исполнения саботировать её ради сохранения прежних правил жизни.

Представляя общую картину в максимально огрублённой форме, можно сказать, что малороссы в своём отношении к России ещё глубже разделились надвое. Бóльшая их часть (казачьи низы, горожане) связывала с введением имперского управления надежды на справедливое распределение общественного богатства, защиту от грабительских посягательств на результаты своего труда, от несправедливых судов и социального закабаления. Меньшая часть (полковники, старшины), превратившаяся в привилегированное сословие и привыкшая жить за счёт тотальных поборов с применением насилия, видела в политике Петра наступление на свои законные права, якобы освящённые традициями казачьей старины.

Простонародье просило царя прислать в малороссийские города русских чиновников в качестве комендантов. Отвечая на эти просьбы, Пётр начал с назначения в Стародуб (1723 г.) майора Ивана Кокошкина, которому

строжайше наказывалось построить свою деятельность на полном контрасте с политикой прежних стародубских полковников, причинявших жителям «несносные обиды и разорение». Если же он вздумает следовать примеру своих предшественников, то «и за малое преступление будет непременно казнён смертью, как преслушатель указа, нарушитель правды и разоритель государства» [11, с. 508–509]. Одновременно Сенат объявил малороссам, чтобы о любых злоупотреблениях русских чиновников они доносили Петру напрямую.

Полуботок боролся за гетманскую власть отчаянно и дерзко. Его стратегия заключалась в том, чтобы поставить царя в такую ситуацию, когда ничего не останется, как согласиться на его избрание. Причём вопрос ставился именно о «демократическом» избрании в духе священных традиций, а не о назначении по воле монаршей [11, с. 510, 593].

Усиливая психологическое давление на Петра, Полуботок давал понять, что за ним стоит весь малороссийский народ, единый в своём волеизъявлении [4, с. 577–579]. Убедить в этом призваны были посылаемые к царю челобитные с просьбой позволить казакам избрать Полуботка гетманом. Сам претендент тоже не сидел сложа руки. Он раскинул широкую сеть интриг, куда угодила даже жена Петра Екатерина Алексеевна, которой предложили вознаграждение, если она замолвит словечко за «избранника народа».

В 1723 г. царь ответил на эту «предвыборную кампанию» указом, где говорилось, что после Богдана Хмельницкого все гетманы оказывались изменниками и для приискания «весьма верного и известного человека, о чём и имеем мы непрестанное старание», нужно время. А пока управление Малороссией доверено соответствующей коллегии, которая будет действовать строго по монаршим указаниям, и больше «о сем деле докучать не надлежит». Из этого явствовало, что вопрос о гетмане Пётр решит сам, без помощи «избирателей». Подразумевалось ещё одно: в число кандидатов Полуботок не входит [11, с. 511].

Окончательно определиться Петру во многом помог Полуботок своим неистовым напором. Претендент начал создавать в малороссийском общественном мнении моральную почву для психологического давления на царя. Укрепляя политические тылы, он пообещал своим оппонентам из «верхов» общества удовлетворение за причинённые обиды, а «низам» – справедливое управление и суды. С помощью подлога⁵ и подкупа нескольких подьячих Сената Полуботок состряпал челобитные якобы от имени всего малороссийского народа и самолично привёз их в Петербург. Там содержалось требование сохранения старины.

⁵ Полуботок принудил старшин подписать чистые листы, на которых потом появился текст [11, с. 514].

Пётр, недолго думая, приказал арестовать Полуботка и нарядить следствие. В ходе его вскрылись, помимо махинаций с челобитными, тайные связи полковника с запорожцами и Крымом, которых он хотел использовать для дестабилизации ситуации, чтобы заставить царя пойти на уступки ради сохранения порядка и признать Полуботка единственным гарантом защиты от смуты. В 1723 г. несостоявшийся гарант был посажен в Петропавловскую крепость, где он вскоре умер [4, с. 581].

Следствие обнаружило компрометирующие материалы и на другого кандидата в гетманы. Поскольку Даниил Апостол принял активное участие в Персидском походе и не представлял особой политической опасности по причине отсутствия харизмы, его пощадили. Но вопрос о новом гетмане, стало быть, и о гетманщине, был закрыт [11, с. 511–515; 4, с. 564].

Сразу после смерти Петра казачья знать в лице некоего Данила Забелы обратилась к Екатерине I с предложением не упразднить гетманскую должность, а лишь ограничить её полномочия. Речь шла о компромиссе между принципом административно-политического единства империи, с одной стороны, и интересами малороссийской социальной верхушки, с другой. Забела советовал лишить всех заражённых мазепинским духом полковников и старшин имущества и отправить в специально отведённую для них колонию-слободу, дав ей соответствующее имя – «Изменничья». На их место подобрать верных людей и сделать из них коллегиальный орган при новом таком же надёжном гетмане, поскольку какое-то единоначалие в любом случае необходимо. Прежние гетманы, как пояснялось, изменяли потому, что им позволяли сосредотачивать в своих руках чрезмерную власть и богатства. Теперь же эту власть, прежде всего в сфере судопроизводства, нужно разделить между четырьмя вертикально расположенными инстанциями: 1) низовые, или полковые суды с правом принимать жалобы даже на гетмана; 2) императорская «юстиция» в составе 12 человек; 3) Малороссийская коллегия; 4) Кабинет Её императорского Величества. Предлагалось также переложить всю тяжесть налогов с воинских людей и купцов на монастыри, известные своими связями с «проклятым Мазепою» и жестоким произволом в отношении крестьян [11, с. 594–596].

Проект не был принят. Но в 1727 г. Петербург всё же счёл возможным временно восстановить институт гетманства, уже не видя в нём прежней опасности. И новый гетман, престарелый Даниил Апостол, обласканный Екатериной I и Петром II, её действительно не представлял. Поэтому имперская власть пошла на некоторые послабления, создав видимость возвращения прежних вольностей, но оставив под своим контролем вопросы о правилах выбора (назначения) гетмана, о налогообложении, о владельческих правах на движимое и недвижимое имущество, о регулировании торговли [4, с. 593–606; 5, с. 380–385].

Апостол пробыл в этой должности до своей смерти в 1734 г., после чего она в прежнем виде уже не возродилась. 31 января императрица Анна Иоанновна издала грамоту, лукаво извещавшую, что, пока не будет найдена Апостолу достойная замена, управление Малороссией передаётся в ведение специальной коллегии, которая будет осуществлять справедливое «материнское попечение» над народом на основе «вольного права» и без всяких тягостей [5, с. 389–395]. Эти пустые слова означали упразднение гетманства.

В 1750 г. могло возникнуть впечатление, будто гетманство возродилось вновь. Но это была лишь административная декорация, придуманная для того, чтобы дать фавориту Елизаветы Петровны К. Г. Разумовскому пышный титул «гетмана всея Малые России» и поприще для деятельности. Избранник императрицы представлял собой типичного имперского наместника со всеми его (немалыми) достоинствами и пороками, среди которых было всё, кроме политического сепаратизма [4, с. 633–654]. Его амбиции сводились к претензии на свободу подражания дворцовым ритуалам Петербурга и на право безнаказанно совершать злоупотребления в целях личного обогащения, в чём он несколько не отличался от многих представителей правящего класса империи. После отставки Разумовского в 1764 г. гетманская должность навсегда осталась в истории, если, конечно, не принимать за таковую карикатурную пародию на неё, появившуюся в 1918 г. столь же внезапно, как и исчезнувшую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассуждая сугубо теоретически, можно было бы ожидать, что за более чем два века своего существования Малороссия и Запорожье благодаря военно-демократическому укладу жизни и высочайшему пассионарному духу смогут превратиться из этногеографического пространства в некую разновидность протогосударства, имеющего перспективу рано или поздно избавиться от приставки «прото». Но этого не случилось. Именно эта необузданная, возведённая в ранг сакрального фетиша вольница на корню разрушала те робкие ростки социальной организации и социальной упорядоченности, которые могли бы развиваться в более или менее жизнеспособные государственные формы даже вопреки неблагоприятному геополитическому расположению между Турцией, Польшей и Россией [16, с. 217].

Петербург, исходя из соображений целесообразности и собственного удобства, пытался создать на Левобережье некий управляемый административно-политический субъект в виде Гетманщины и мириться с его полуавтономным статусом в течение неопределённо долгого времени, необходимого для постепенной безболезненной интеграции его в имперскую систему. Возможно, так бы и произошло, если бы не постоянно возникавшие проблемы с лояльностью гетманов и их окружения в отношении России, которые сопро-

вождались кровавыми казачьими междоусобицами, жестоким социальным произволом местной знати и, как следствие, народными бунтами, ставившими русских царей перед необходимостью тратить огромные силы на их подавление. Когда все эти явления сошлись в кульминационной точке – измене Мазепы, – решение о прекращении заигрывания с идеей самостийности Малороссии пришло само собой. Проект «Украина», если он вообще существовал за пределами буйного воображения горстки политических фантазёров, был похоронен самой казачьей элитой. У неё, вечно занятой мышиною вознёй, не хватило ума, чтобы найти опору во внешних силах (Россия, Польша, Турция), которые поддерживали этот проект в интересах борьбы друг против друга.

Лишь через два столетия искусственный квазигосударственный конструкт под названием «Советская Украина» был вызволен на свет Божий в условиях проведения грандиозного эксперимента по национально-административной перекройке бывшей Российской империи. Потенциальные катастрофические последствия его были запрограммированы уже тогда, и, в конце концов, дождался своего часа.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.06.2023

Статья размещена на сайте: 24.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Броневский В. Б. История Донского войска. Ч. 1. СПб., 1834. 311 с.
2. Львов Л. Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса: Типография Штаба Округа, 1895. 60 с.
3. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 1. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 404 с.
4. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 2. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 674 с.
5. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 4. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 484 с.
6. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 11. М.: Мысль, 1991. 666 с.
7. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 13. М.: Мысль, 1991. 664 с.
8. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 14. М.: Мысль, 1991. 667 с.
9. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 15. М.: Мысль, 1991. 596 с.
10. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 16. М.: Мысль, 1991. 551 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 18. М.: Мысль, 1991. 574 с.
12. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. 471 с.

13. Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 269 с.
14. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2017. 494 с.
15. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2017. 558 с.
16. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 3. М.: Центрполиграф, 2017. 558 с.

REFERENCES

1. Bronevskii V. B. *Istoriya Donskogo voiska. Ch. 1* [History of the Don Army. Pt. 1]. St. Petersburg, 1834. 311 p.
2. Lvov L. *Otnosheniya mezhdz Zaporozh'em i Krymom* [Relations between Zaporozhye and Crimea]. Odessa, Tipografiya Shtaba Okruga Publ., 1895. 60 p.
3. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 1* [History of Little Russia. Vol. 1]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 404 p.
4. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 2* [History of Little Russia. Vol. 2]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 674 p.
5. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 3* [History of Little Russia. Vol. 3]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 484 p.
6. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 11* [Essays. Vol. 11]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 666 p.
7. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 13* [Essays. Vol. 13]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 664 p.
8. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 14* [Essays. Vol. 14]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 667 p.
9. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 15* [Essays. Vol. 15]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 596 p.
10. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 16* [Essays. Vol. 16]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 551 p.
11. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 18* [Essays. Vol. 18]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 574 p.
12. Sukhorukov V. D. *Istoricheskoe opisaniye zemli Voiska Donskogo* [Historical description of the land of the Don Army]. Novocherkassk, 1903. 471 p.
13. Tairova-Yakovleva T. G. *Mazepa* [Mazepa]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 269 p.
14. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 1* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 1]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 494 p.
15. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 2* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 2]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 558 p.
16. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 3* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 3]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 558 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дегоев Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: degas@list.ru

Vladimir V. Degoev – Dr. Sci. (History), Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: degas@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дегоев В. В. Левобережная Малороссия в XVII – первой четверти XVIII вв.: от управляемой вольницы через социальную анархию к губернизации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Degoev V. V. Left-bank little Russia in the XVII – first quarter of the XVIII century: from controlled Volnitsa (freedom) through social anarchy to gubernization. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 343.575.4

Манойло А. В.*Московский институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

«КИЕВ ЗА ТРИ ДНЯ» И «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ ХЁРША» КАК ПРИМЕР «УПРАВЛЕНИЯ ОЖИДАНИЯМИ» В ОПЕРАЦИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Раскрыть сущность, содержание, цели, задачи и методы оперативных комбинаций американских спецслужб, связанных с серией заявлений У. Бёрнса («Киев за три дня») и С. Хёрша («подрыв «Северных потоков»»).

Процедуры и методы. Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Установлено, что по своей схеме и почерку исполнения «Киев за три дня» (операция, проведённая спецслужбами США против России накануне Специальной военной операции), а также серия заявлений, сделанных С. Хёршем по поводу «Северных потоков», являются оперативными комбинациями разведывательных служб США, полностью укладывающимися в их базовую организационно-технологическую схему, появившуюся у американской разведки в 2015 г. – сразу после «Панамского досье». Выявлены методы и приёмы, которыми осуществлялось скрытое управление, к числу которых относится и техника «управления ожиданиями».

Теоретическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения вышеназванных информационных операций могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будет полезна политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Специальная военная операция, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, Украина, США

СТРУКТУРА

Введение

Фейк «Киев за три дня» и его эволюция

«Новая искренность Хёрша»: кто и с какой целью идёт по следу террористов, подорвавших «Северные потоки»

Заключение

A. Manoilo

MGIMO University
pr-t Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

“KYIV IN THREE DAYS” AND “HERSH’S NEW SINCERITY” AS AN EXAMPLE OF “MANAGING EXPECTATIONS” IN INFORMATION WAR OPERATIONS

ABSTRACT

Aim. To reveal the essence, content, goals, tasks and methods of operational combinations of American intelligence services associated with a series of statements by W. Burns (“Kiev in three days”) and S. Hersh (“undermining the Nord Stream pipelines”).

Methodology. The study was carried out using the methods of analysis, synthesis, generalization and interpretation of the results.

Results. It has been established that, according to their scheme and style of execution, “Kyiv in three days” (an operation carried out by the US special services against Russia on the eve of the Special Military Operation) and the series of statements made by S. Hersh about the Nord Streams are operational combinations of the US intelligence services that fully fit into their basic organizational and technological scheme, which appeared in American intelligence in 2015 - immediately after the Panama Papers. The methods and techniques to carry out the covert management, which include the technique of “management of expectations”, were identified in the course of the study.

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations can be used in the work of state bodies responsible for organizing the systemic counteraction to the information aggression of foreign states, and will also be useful to political scientists, political technologists and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

special military operation, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, Ukraine, USA

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационные операции представляют собой оперативные комбинации иностранных разведок на каналах открытых телекоммуникационных сетей с ключевым элементом в виде вбросов – специально подготовленной информации, мотивирующей объект воздействия на совершение немедленных ответных действий по принципу «стимул – реакция». При этом жертву информационного воздействия стремятся вывести на эмоции, под влиянием которых она частично или полностью утрачивает разум (теряет способность к рациональному и критическому мышлению, в отдельных случаях перестает осознавать себя как личность) и начинает метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации, в которую она попала. В этом случае её поведение корректируется (управляется) последующими вбросами,

загоняющими её в ловушку, выход из которой возможен только на условиях «загонщиков» [2].

В этом плане важнейшим инструментом скрытого управления сознанием и поведением человека становятся его ожидания, которые в случае точного соответствия содержанию вброса многократно усиливают его эффект. Нередко на подготовительной стадии информационной операции, ещё до её начала специалисты по информационным операциям с помощью разного рода утечек инсайда [6], слухов и домыслов формируют у будущих целевых аудиторий состояния, выражающиеся в напряжённом ожидании получения новостей определённого содержания (как правило, резонансного: компромата на коррупционеров или мошенников, разоблачающего их деятельность, как это было, например, в «Панамском досье» или «Досье Пандоры» [1], скандальных подробностей жизни и профессиональной деятельности известных политиков [7] и т. п.); если эти ожидания удалось сформировать, при начале информационной операции первый же вброс проникнет в сознание и подсознание этих аудиторий без сопротивления, т. к. они на протяжении нескольких недель или даже месяцев, предшествующих данному вбросу, уже были уверены, что именно это скоро и случится. При этом никто из них не в состоянии осознать, что стал объектом скрытого манипулятивного управления.

В новейшей практике информационных операций есть два примера, которые наглядно демонстрируют, как техники «управления ожиданиями» работают: это кейс «В случае войны России с Украиной Киев будет взят за три дня», оказавший определённое воздействие на российское руководство в преддверии Специальной военной операции на Украине (СВО), а также серия заявлений С. Хёрша о «Северных потоках», при детальном рассмотрении сплетающихся в одну оперативную комбинацию.

ФЕЙК «КИЕВ ЗА ТРИ ДНЯ» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В самом начале февраля 2023 г., незадолго до начала Специальной военной операции на Украине, в средства массовой информации попал весьма любопытный вброс: выступая в Конгрессе США, начальник ОКНШ ВС США генерал М. Милли заявил, что В. В. Путин может взять Киев за три дня. 5 февраля 2022 г. данное заявление подхватил и растиражировал телеканал «Fox News», сообщивший дословно следующее: «Председатель Объединённого комитета начальников штабов генерал Марк Милли заявил законодателям, что Киев может пасть в течение 72 часов, если произойдёт полномасштабное вторжение России в Украину, сообщили “Fox News” несколько источников в Конгрессе»; «Милли сказал законодателям во время брифингов за закрытыми дверями 2 и 3 февраля, что полномасштабное вторжение России в Украину может привести к падению Киева в течение 72 часов и может стоить 15 000 смертей украинских военнослужащих и 4 000 российских военнос-

лужащих; несколько законодателей выразили обеспокоенность тем, что администрация Байдена не отреагировала быстро и не предоставила Украине значительную военную помощь, такую, как зенитные и реактивные системы залпового огня, которые защитили бы её от вторжения России»¹. После этого данный вброс почти мгновенно охватил западную, а затем и российскую аудитории, вызвав значительный по своим масштабам резонанс. Отметим, что в сообщении «Fox News» фигурируют именно те самые пресловутые трое суток, достаточные для взятия Киева.

Благодаря этому вброс быстро достиг цели: российские СМИ с лихорадочным энтузиазмом подхватили его и растиражировали на многомиллионную российскую аудиторию, даже не успев понять, что их в данной оперативной комбинации просто используют для закрепления данной установки в сознании как простых граждан, так и лиц, принимающих решения (в том числе о начале СВО). Так, российские телеведущие (в основном ток-шоу) стали наперебой заявлять, что Киев падёт за 1,5–2 суток/3–4 дня. Этими заявлениями они только усилили информационную волну, поднятую вбросом. И – одновременно – сформировали иллюзию того, что Киев взять просто, достаточно просто захотеть, т. к. именно об этом и говорят высокопоставленные американские генералы (а они-то «знают состояние дел в украинской армии изнутри, в отличие от нас»). Если американские генералы нас боятся, значит, с украинскими мы справимся без труда. И никто даже не подумал, что этот вброс мог быть сделан намеренно, чтобы сформировать в умах лиц, принимающих решения, иллюзию гарантированности быстрой и лёгкой победы над противником (украицистами) и тем самым подтолкнуть к началу реализации сценария «стремительного броска на Киев». При этом многие вспоминали «Крымский сценарий», который именно так и был реализован, и даже обещали его «повторить». Сегодня уже нет сомнений в том, что вброс «Киев за три дня» сыграл свою роль, усыпив бдительность и «придав решительность» тем, кто всё ещё продолжал сомневаться.

Уже после начала СВО, в марте 2022 г., ряд высокопоставленных чиновников на Западе, включая директора ЦРУ У. Бёрнса, утверждали, что В. В. Путин якобы рассчитывал взять Киев за два дня. Так, директор ЦРУ дословно сообщил, что «вместо того, чтобы захватить Киев в первые два дня кампании, на чём основывался его (В. В. Путина — А. М.) план, после почти двух полных недель они так и не смогли полностью окружить город»². В августе 2022 г.

¹ Heinrich J., Sabes A. Gen. Milley says Kyiv could fall within 72 hours if Russia decides to invade Ukraine: sources // FoxNews: [сайт]. [05.02.2022]. URL: <https://www.foxnews.com/us/gen-milley-says-kyiv-could-fall-within-72-hours-if-russia-decides-to-invade-ukraine-sources> (дата обращения: 03.06.2023).

² Epstein J., Davis Ch. R. Putin thought Russia's military could capture Kyiv in 2 days, but it still hasn't in 20 // Insider: [сайт]. [15.03.2022]. URL: <https://www.businessinsider.com/vladimir-putin-russian-forces-could-take-kyiv-ukraine-two-days-2022-3> (дата обращения: 03.06.2023).

обозреватели «The Washington Post» также заявили, что, «по данным разведки, ещё в октябре 2021 г., сформировав клещи вокруг столицы, русские войска планировали овладеть Киевом за три-четыре дня»³. Однако ни те, ни другие никаких доказательств в подтверждение своих слов не предоставили. Если журналисты «The Washington Post» ещё пытались как-то подтвердить свои домыслы, ссылаясь на собственные источники в разведке (пожелавшие остаться неназванными), то директор ЦРУ У. Бёрнс вообще ограничился голословным заявлением, не подкрепив его какими-либо доказательствами (перехватами переговоров, выкраденными у противника документами и т. д.). При проверке данных предположений, высказанных американскими чиновниками и журналистами, выяснилось, что нет ни одного официального заявления, сделанного представителем высшего военно-политического руководства России – ни Президент России, ни министр обороны, ни их представители такого не говорили. Получается, что эту фразу им «вложили в уста», используя в качестве механизма раскрутки и легализации российских же ведущих ток-шоу и участвующих в них пропагандистов, готовых подхватить любое резонансное заявление без должного осмысления.

Само содержание вброса рассчитано на не критичное к нему отношение, возникающее под влиянием эмоций, т. к. при ближайшем рассмотрении вброс не выдерживает никакой критики: даже чисто физически за два дня захватить Киев невозможно (трёхмиллионный город площадью свыше 800 кв. км сложной местности – промышленные объекты, жилые массивы, крупная река и т. п.), тем более имевшимися на данном направлении у ВС России силами и средствами, – из-за размеров и сложности цели, даже если предположить, что там никто не стал бы оказывать никакого сопротивления. Более того, занять такой крупный город по результатам военных действий за два дня невозможно, даже если бы всё руководство киевского режима бежало, а на месте остались бы лишь отряды теробороны, фанатики-нацисты и им подобные. Взятие трёхмиллионного города с последующей зачисткой – дело как минимум не одной недели (американцы меньший по площади Багдад захватывали с 3 по 12 апреля 2003 г.). Но из организаторов этой оперативной комбинации никто и не рассчитывал на то, что вброс будут анализировать серьёзные профессионалы: «... за три дня» полностью отвечал уже сформировавшимся (под влиянием ток-шоу и т. п.) ожиданиям значительной части российского общества – они желали услышать что-то подобное и, когда их желание сбылось, восприняли откровения американских генералов как истину, сказанную к тому же ещё и нашими откровенными недоброжелателями (а следовательно, заслуживающую доверия). Причём среди этой части рос-

³ Road to war: U.S. struggled to convince allies, and Zelensky, of risk of invasion / Sh. Harris, K. De Young, I. Khurshudyan, A. Parker, L. Sly // The Washington Post: [сайт]. [16.08.2022]. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/interactive/2022/ukraine-road-to-war> (дата обращения: 03.06.2023).

сийского общества, польстившейся на «оферту» американского генерала М. Милли, были и «лица, принимающие решения», из высшего эшелона российской власти, которые и транслировали этот вброс выше. Тем самым цель, поставленная американскими специалистами информационных операций, была достигнута.

Сам вброс, транслирующий уверенность высшего военно-политического руководства США в быстрой и безусловной победе российских вооружённых сил в случае начала боевых действий с ВСУ (причём обещающий приз: Киев – через три дня, Львов – через две недели), выглядит как типичная приманка, которую американские специалисты информационных операций ловко подсунили российской аудитории – чтобы российские граждане на эту приманку клюнули и убедили сами себя в том, что «прогулка по Украине» будет быстрой, лёгкой и с минимальным риском. Видимо, при всём энтузиазме, предшествующем СВО, не все разделяли это мнение, поэтому разведке США (Бёрнс, ставший главным заявителем по данному делу, – директор ЦРУ) потребовалось совершить ряд дополнительных действий, способных укрепить российское руководство в своём решении демилитаризовать Украину силовым путём: Киев всего через «три дня» в этом плане выглядел более чем достойной наградой. Жизнь, однако, внесла свои коррективы в первоначальные планы, ещё раз показав, что словам западных политиков и военных нельзя слепо верить [3; 4], даже если на волне эмоционального подъёма это очень хочется сделать.

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ ХЁРША»: КТО И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ИДЁТ ПО СЛЕДУ ТЕРРОРИСТОВ, ПОДОРВАВШИХ «СЕВЕРНЫЕ ПОТОКИ»

8 февраля 2023 г. известный американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии Сеймур Хёрш сделал сенсационное заявление: он сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, взрывчатку под «Северный поток I-II» заложили в 2022 г. военные водолазы ВМС США (во время июньских учений НАТО BALTOPS-22)⁴. По словам ветерана американской журналистики, США провели тайную морскую операцию по установке зарядов; приказ на её подготовку и проведение ещё до начала СВО на Украине отдал лично президент Байден. Разработку диверсии «заказал» советник Президента США по национальной безопасности Джейк Салливан; по какой-то неизвестной причине Конгрессу об этой операции сообщить забыли. Именно это Хёршу поведал некий тайный источник, близкий к «оперативному планированию» разведывательной и диверсионной деятельности американских спецслужб, имя которого Хёрш запомнил сразу после получения от него сенсационной

⁴ Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline // Seymour Hersh: [сайт]. [08.02.2023]. URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream?r=5mz1> (дата обращения: 03.06.2023).

информации. Несмотря на то, что недавно мэтру исполнилось 85 лет (мало ли что привидится человеку в столь почтенном возрасте), к его голосу прислушались. Причём одновременно в Вашингтоне, Москве и Пекине.

Так, Пекин практически сразу же потребовал проведения международного расследования этой диверсии (или теракта) «по вновь открывшимся обстоятельствам», всплывшим в расследовании Хёрша. Москва на сенсацию Хёрша ответила устами Марии Захаровой, которая в тот же день, идя «по следу», заявила, что «Россия неоднократно говорила о причастности США и НАТО к подрыву “Северных потоков”»; значит, это точно они. 15 февраля первый заместитель постпреда РФ при ООН Дмитрий Полянский сообщил, что «в свете новой информации относительно подрыва ниток газопровода “Северный поток”» Москва запросила на 22 февраля заседание Совбеза ООН. В тот же день Госдума обратилась к ООН с предложением о безотлагательном проведении международного расследования инцидента в Балтийском море. Таким образом, Вашингтон попал в нешуточный переплёт. И снова благодаря Хёршу.

Помимо самих резонансных материалов, внимание мировой общественности привлёк сам Хёрш: тут же вспомнили, что это знаменитый «газетный киллер», «посадивший на перо» Никсона и тем самым повернувший вспять войну во Вьетнаме; вспомнили, что за материал о резне в Сонгми он был удостоен Пулитцеровской премии; что он много писал о секретных операциях ЦРУ во времена холодной войны, о войне в Ираке, о пытках заключённых американскими военными в тюрьме Абу-Грейб и много о чём ещё. И ему в очередной раз поверили, решив, что такого калибра мэтр врать не может. Или всё-таки нет?

В «расследовании» Хёрша, при всей его убедительности,стораживает один факт: все его откровения, очень, кстати, похожие на правду, опираются на слова одного единственного источника, причём источника анонимного. Нас призывают поверить, что он существует, но не может назвать своё имя, т. к. сразу попадёт под каток ФБР; он – действующий сотрудник американской разведки, её структурных подразделений, непосредственно занимающихся планированием и реализацией подобного рода диверсий. Перепроверить реальность этого персонажа мы не можем; может, его вообще не существует в природе (Хёрш его выдумал) или это – подставное лицо, через которое на этот раз реальная американская разведка вбросила мэтру журналистики дезинформацию, которой он так хотел обладать. Такая схема «легализации вбрасываемой информации» вообще является типичной для американской разведки, она используется повсеместно, если надо организовать «контролируемую утечку» [6] якобы секретной информации в публичное поле, где её подхватит Хёрш или другие акулы пера: именно так оперативный директорат ЦРУ действовал в 2019 г., «слив» через «New York Times» якобы сверхсекретную информацию о том, что в ближайшем окружении Владимира Путина дей-

ствуется особо ценный агент американской разведки, ещё в 2016 г. сообщивший о «российском вмешательстве в выборы в США»; при этом обозреватели «NYT» ссылались на «бывших и действующих сотрудников ЦРУ», пожелавших остаться неизвестными. Множество подобных примеров свидетельствует об особом «почерке» ЦРУ. В таком случае, где гарантии того, что загадочный «информатор» Хёрша – это не провокатор, подсланный ему разведкой? И если это – провокатор, то в чём выгода разведки: зачем и ради чего им выдавать самих себя?

Гораздо проще поверить, что Хёрш сам, честно, накопил компромат на Байдена, Салливана и их поделщиков; что ему в этом деле никто не помогал; что его информатор – действительно реальное лицо, равнодушный человек, который после подрыва потоков решил для себя, что это – чересчур. Такое, конечно, вполне может быть. И тогда, поверив Хёршу в малом, нам придётся поверить и его выводам о том, что организованный США подрыв – это привет не России, а Германии. А Россия здесь ни при чём, точнее, она стала жертвой чужой драки; просто попала под руку. Хотя... и такое тоже нельзя исключать.

Нам такая интерпретация инцидента в целом выгодна. Опубликовав своё расследование, Хёрш создал резонансный инфоповод, за которым «не торчат уши Москвы» – ведь собрал и опубликовал эти материалы самый настоящий природный американец. Причём повод такой, что за него легко «зацепиться» и развернуть настоящую оперативную игру, в которой можно прижать к стенке (пусть даже ненадолго) и Байдена, и Салливана, и множество сенаторов и конгрессменов, которых, по словам Хёрша, «даже не уведомили». А после того, как они на эмоциях начнут метаться из угла в угол, посадить их «на поводок», обеспечив признание, раскаяние и много всего ещё сверх. Всё это реально, поскольку инфоповод, созданный С. Хёршем, – это настоящий подарок для специалистов по информационным операциям; он сам упал нам в руки, нам вообще не пришлось ничего делать, чтобы его создать. А это в нынешних условиях случается крайне редко.

Однако всё кардинально меняется, если предположить, что сцена с «расследованием» Хёрша – это дезинформация, которую умело упаковали в «откровения» подставленного Хёршу «анонимного» агента. На это указывает характерный именно для американской разведки почерк легализации оперативной информации. Такая дезинформация, возбуждавшая воображение ветерана американской журналистики, могла иметь две основные цели.

Во-первых, ЦРУ, вероятно, очень жалела о том, что о подорванных ещё 26 сентября российских потоках в мире так быстро забыли: по законам жанра, на третий день эта новость ушла с лент информационных агентств, поднятая ею «волна» улеглась, а российское руководство так и не удалось «раскачать» на встречные эмоциональные заявления. Вопреки ожиданиям Россия выдержала «стратегическую паузу»; были заявления о том, что это, возмож-

но, диверсия, и что совершили её те, кто не хочет добра России. В отношении последних (недоброжелателей) определённости не было: говорили, что, возможно, это дело рук британцев, лучше всего умеющих плавать, т. к. они всю свою жизнь живут на острове; упоминались американцы, норвежцы как стороны, наверняка замешанные, и даже датчане. Но на этом всё затихло: если нет ясности в том, кто именно это сделал, кого тогда наказывать? Таким образом, обиду проще молча проглотить и забыть. И тут появляется внезапный Хёрш, который вносит наконец определённую в безуспешные поиски обидчика: это американцы! И тем самым подбрасывает дрова в почти потухший костёр. И скандал, о котором уже забыли, вновь разгорается с новой силой.

Во-вторых, в этом вбросе, возможно, используется «избитый», но довольно действенный и проверенный на практике приём – «взять на слабо»: быстро и решительно ответить на обиду в случае точного установления обидчика. И вот теперь С. Хёрш сорвал покровы и прямо (фактически пальцем) указал на истинных организаторов диверсии. Ну и что против них сделаешь?

Описанная выше схема – это классическая провокация, среагировав на которую, жертва неминуемо попадает в заранее расставленную на неё ловушку. И это – тоже типичный почерк американских специалистов по информационным операциям.

Если это так, ЦРУ и дальше будет использовать Хёрша в качестве канала вброса дезинформации, которую для достоверности будут умело мешать с подлинной (которой готовы пожертвовать ради успеха дела), выдавая за новые результаты расследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом тактика современных информационных операций состоит в том, чтобы «зацепить» жертву, вывести её на эмоции и заставить метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации (или спасения). Если жертва начинает метаться, её ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и ещё сильнее сжимают удавку на шее; если жертва впадает в гнев или ярость и начинает яростно отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, её последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». При этом нередко возникает путаница в понимании того, как соотносятся между собой информационные операции и пропаганда, информационные диверсии и фейки и т. п.

Следует различать, что именно происходит в информационном пространстве: информационная операция, информационная атака, пропагандистская кампания или информационная / идеологическая диверсия [6].

Информационные операции – всегда избирательны (объект воздействия – всегда конкретное лицо, высокопоставленный чиновник); их проводят только разведки.

Информационные диверсии – всегда локальны по целям и задачам (цель – нанесение конкретного локального ущерба противнику; проводятся, как правило, в поддержку операций ВС или военной разведки).

Пропаганда – неизбирательна; бьёт по площадям (объект воздействия – большие массы людей, сегментированные на не менее массовые целевые аудитории); выход пропагандистских кампаний – невелик (из миллиона «зацепить» 10 чел. – это норма). При этом важно помнить, что пропаганда – это не информационные операции, да и к информационной войне она прямого отношения не имеет (именно в силу своей неизбирательности и «работы по площадям»).

Фейки – отдельный узкоспециализированный инструмент информационного воздействия на сознание и поведение людей [5].

Противодействие же всегда должно быть соразмерно масштабу воздействия: если ничтожный по своей опасности вброс подхватывают СМИ, чтобы показать федеральному центру, что «мы тоже не спим», вред от этого всегда больший, чем от самого вброса. При этом нельзя забывать, что главная задача любой операции, атаки или диверсии – «зацепить» жертву, заставить её реагировать по схеме, которую ей навязывают. И два представленных в статье кейса наглядно демонстрируют, как это делается.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.06.2023

Статья размещена на сайте: 12.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Евстафьев Д. Г. Гибридные войны как инструментарий геоэкономической трансформации современного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 04.06.2023).
2. Манойло А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 04.06.2023).
3. Манойло А. В., Гончаренко А. Р. Доктрина Герасимова: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Вестник Академии военных наук. 2023. № 2. С. 80–89.

4. Стригунов К. С. Контрмеры России в геокультурном конфликте с коллективным Западом // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 1. С. 126–142.
5. Го Ф. Гибридные войны США и их союзников против России в контексте СВО // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 2. С. 146–155.
6. Цыганков П. А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова, Ю. А. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 7–32.
7. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // *Russia in Global Affairs*. 2019. № 2. P. 108–125.

REFERENCES

1. Evstafiev D. G. [Hybrid wars platform as an instrument for geo-economic transformation of the world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 04.06.2023).
2. Manoilo A. V. [Informational diversions in the conflict in Ukraine]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 04.06.2023).
3. Manoilo A. V., Goncharenko A. R. [The Gerasimov Doctrine: Russian response to Western concepts of hybrid warfare]. In: *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2023, no. 2, pp. 80–89.
4. Strigunov K. S. [Russia's countermeasures in the geocultural conflict with the collective West]. In: *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Authority], 2023, no. 1, pp. 126–142.
5. Go F. [Hybrid war of the United States and its allies against Russia in the context of the Special Military Operation]. In: *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Authority], 2023, no. 2, pp. 146–155.
6. Tsygankov P. A. ["Hybrid wars": concept, interpretations and reality]. In: Tsygankov P. A., Shutov Yu. A., eds. «*Gibridnye voiny*» v *khaotiziruyushchemsya mire XXI veka* ["Hybrid wars" in the chaotic world of the 21st century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2015, pp. 7–32.
7. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. In: *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 2, pp. 108–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Маноило Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Московского института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: 9315891@gmail.com

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of International Relations and Foreign Policy, MGIMO University; e-mail: 9315891@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. «Киев за три дня» и «новая искренность Хёрша» как пример «управления ожиданиями» в операциях информационной войны // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. "Kyiv in three days" and "Hersh's new sincerity" as an example of "managing expectations" in information war operations. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327.8

Скляров С. А.*Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть возможные варианты идеологических концепций в качестве государственной идеологии современной Российской Федерации и сравнить их внешнеполитический потенциал.

Процедуры и методы. В работе использованы методы сравнительного, исторического и политического анализа.

Результаты. По результатам анализа делается вывод, что ни одна из использовавшихся в последние десятилетия идеологических концепций в их широком и узком понимании не способна стать столь же значимым инструментом во внешней политике России, каким во времена СССР была коммунистическая идеология. У рассмотренных идеологических концепций либо слишком узкая целевая аудитория стран, на которые их можно ориентировать, либо они слишком широко распространены в мире и международное сообщество не признаёт за Россией первенства и ведущей роли в их реализации, либо они слишком противоречивы и имеют низкую потенциальную привлекательность для других государств.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в качестве аргументов в непрекращающемся в научных и политических кругах споре между сторонниками и противниками внедрения в России государственной идеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная идеология, идеологическая концепция, внешнеполитические ресурсы государства, коммунизм, русский мир, евразийство, западная демократия, российский империализм, православие, антиамериканизм, культ Победы

СТРУКТУРА

Введение

Подражание западной демократии

Евразийство

Русский мир

Антиамериканизм

Православие

Российский империализм

«Культ Победы» во Второй мировой и Великой Отечественной войнах

Заключение

S. Sklyarov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

IDEOLOGICAL FACTOR IN RUSSIAN FOREIGN POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS

ABSTRACT

Aim. To examine possible variants of ideological concepts as state ideology of the modern Russian Federation and compare their foreign policy potential.

Methodology. The paper uses methods of comparative, historical and political analysis.

Results. The analysis concludes that none of the broad and narrow ideological conceptions used in recent decades is capable of becoming as significant a tool of Russia's foreign policy as the communist ideology was in Soviet times. The reviewed ideological concepts are either too narrow in their target audience, or too widespread in the world and the international community does not recognize Russia as a leader in their implementation, or they are too controversial and have low potential attractiveness for other states in the light of more pressing issues of international relations and world development.

Research implications. The results of the study may be used as an important argument in the ongoing dispute in academic and political circles between supporters and opponents of introducing state ideology in Russia.

KEYWORDS

state ideology, ideological concept, foreign policy resources of the state, communism, Russian peace, Eurasianism, Western democracy, Russian imperialism, Orthodoxy, anti-Americanism, the cult of Victory

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о целесообразности разработки и принятия Российской Федерацией государственной идеологии активно обсуждается в научном и политическом сообществе все годы после распада СССР. Существование и успехи Советского Союза невозможно представить без идеологии коммунизма, крах которой наряду с экономическими и политическими причинами привёл к распаду СССР и социалистического содружества. Не служит препятствием для развернувшейся дискуссии и установленный в Конституции РФ прямой запрет на государственную идеологию. В пар. 2 ст. 13 говорится, что в России «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» и в стране должно быть идеологическое многообразие¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант-Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fb63f48c943e8175be16462 (дата обращения: 20.05.2023).

Основная дискуссия разворачивается вокруг политологического и юридического аспектов. Политологи обсуждают целесообразность разработки государственной идеологии и её возможные концептуальные варианты [15; 9; 7; 4]. При этом само понятие государственной идеологии трактуется в самых различных рамках: от узких, когда под государственной идеологией понимается ограниченный набор идеологических установок об основных задачах российского государства и лежащих в основе их выполнения культурных ценностях, например, православие [11; 2], патриотизм [1] или социальная поддержка населения [16]; до широких, подразумевающих всю совокупность атрибутов национального самосознания вплоть до мифотворчества [14; 5, с. 13]. Анализируются также состояние, популярность и перспективы тех или иных идеологических концепций в роли основы либо отдельных составных частей идеологического многообразия, на которых строится или должна базироваться внутренняя и внешняя политика России. В юридических кругах дискуссия сосредоточена главным образом на целесообразности введения государственной идеологии в современное российское законодательство, а также на правовых изменениях, которые для этого потребуются [8; 3].

В развернувшейся дискуссии практически всегда за скобками остаются внешнеполитические аспекты. Исследователи не только не анализируют международных последствий возможного утверждения в России государственной идеологии, но и не рассматривают внешнеполитических последствий приверженности в рамках идеологического многообразия той или иной идеологической линии. В связи с этим вполне уместной представляется постановка вопроса о международных последствиях и перспективах если не утверждения одной из идеологических концепций в рамках государственной идеологии, то её доминирования среди других концепций в рамках идеологического многообразия подходов. В работе анализируются накопленный опыт и потенциал ведущих идеологических концепций, которым в последние три десятилетия соответствовали те или иные шаги Российской Федерации, с точки зрения усиления или ослабления внешнеполитических инструментов страны на международной арене. Учитывая важную роль коммунистической идеологии как одного из внешнеполитических ресурсов Советского Союза, неизбежным будет сравнение различных идеологических концепций современной России с ролью коммунистической идеологии для СССР.

Предметом исследования выступают внешнеполитические последствия политики России в нескольких идеологических концепциях в широком и узком понимании этого термина: подражание западной демократии, евразийство, русский мир, антиамериканизм, православие, российский империализм, культ Победы во Второй мировой войне и в Великой Отечественной войне, создание национального русского государства. Критериями оценки перспектив следования России в том или ином идеологическом ключе взя-

ты: признание другими государствами первенства и возможного лидерства России в разработке и развитии каждой из идеологических концепций; потенциальная привлекательность той или иной концепции для других стран; потенциальная способность тех или иных концепций конкурировать с другими идеологиями в международном измерении; наличие противоречий в концепциях, снижающих их внешнеполитический потенциал.

В соответствии с этими критериями СССР был первой страной, объявившей коммунистическую идеологию государственной. Он жёстко отстаивал своё лидерство в её развитии, ведя активную борьбу с альтернативными вариантами, прежде всего троцкизмом, маоизмом и еврокоммунизмом. Потенциальной зоной охвата коммунистической идеологии был весь мир. Сочувствующих этой идеологии можно было найти в любой стране, и многие государства выбирали социалистический путь развития, признавая лидерство СССР не только в экономической и в военной сферах, но и в идеологической. Коммунистическая идеология успешно конкурировала с другими идеологическими течениями глобального масштаба: либеральной демократией западного толка, фашизмом, социал-демократией, исламизмом, национализмом отдельных стран и народов. Закат коммунистической идеологии в качестве популярного мирового течения наступил одновременно с экономическим и политическим упадком СССР и связанных с ним стран. Альтернативные советскому варианты коммунистической идеологии не приобрели характера столь же влиятельных мировых течений, будь то маоизм или еврокоммунизм.

Рассмотрим теперь соответствие указанным критериям идеологических течений, которые в настоящее время могли бы претендовать либо в недавнем прошлом претендовали на роль если не государственной идеологии, то ведущего идеологического течения в политике Российской Федерации.

ПОДРАЖАНИЕ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Практически все 1990-е гг. доминирующей идеологической концепцией во внешней и внутренней политике России была концепция построения демократии западного типа. Потенциал этой концепции, учитывая, что придерживающиеся её страны победили в биполярном противостоянии СССР и его союзников, был ничуть не меньше потенциала коммунистической идеологии для Советского Союза. Зоной распространения был весь мир. Отдельным аналитикам того периода вообще казалось, что после краха коммунистической идеологии, СССР и социалистического блока у демократии западного образца не осталось глобальных конкурентов, человеческая цивилизация подошла к социальной вершине своего развития и наступил конец истории [12].

Эта идеологическая концепция в 1990-е гг. не смогла стать столь же весомым внешнеполитическим ресурсом для России, каким для Советского Союза была идеология коммунизма. Российскую Федерацию нигде в мире не рассматривали как родоначальника и лидера западной демократии. Она представляла скорее в роли ученика, который пытался перенять у некогда враждебных Советскому Союзу стран их ведущую идеологию. Наряду с Россией только на постсоветском пространстве и в Европе в роли подобных «учеников» выступали ещё более двух десятков стран, которые также стремились сменить коммунистическую идеологию на победившую западную демократию. Россия на фоне многих из них зачастую выглядела в роли аутсайдера, на территории которого не только медленно и более болезненно реализовывались экономические и политические реформы, падал уровень жизни населения, но и разворачивались этнические конфликты. Произошедший в 2000-е гг. отход России от идеологической концепции западной демократии только укрепил за ней имидж не справившегося с заданием ученика.

ЕВРАЗИЙСТВО

Параллельно с попытками следовать идеям западной демократии в политике Российской Федерации все годы её независимости можно проследить вектор, совпадающий с идеями построения на большей части бывшего СССР особого культурно-политического и социально-экономического пространства, впитавшего в себя особенности культуры Европы и Азии, но в то же время не ставшего образцом цивилизации сугубо азиатского или сугубо европейского типа. Несмотря на давнюю историю этой идеологии впервые её как работоспособную политическую концепцию для постсоветского пространства наиболее чётко сформулировал и отразил в своих политических выступлениях Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев². Проявлениями следования этой идеологической концепции можно считать активное участие России в различных постсоветских интеграционных объединениях. В частности, СНГ, ЕвразЭС, ЕАЭС, в определённой мере ОДКБ и ШОС.

Российская Федерация является фактическим лидером этих интеграционных объединений. Исключение составляет только ШОС, которую в последние десятилетия ввиду усиливающегося неравенства экономических и политических потенциалов её членов имеется всё больше оснований считать организацией, функционирующей по формуле «Китай и его друзья». Не во всех вопросах России удаётся сохранять лидерство в развитии идей евразийства. В частности, реализация идеи китайского руководства о создании на основе экономического партнёрства Шёлкового пути «большого евразийского пространства», которое бы включало в себя не только постсоветское

² Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 498 с.

пространство и отдельные страны Азии, но ещё и страны Европы, в том числе Евросоюза [18; 13], ввиду более сильного экономического потенциала Евросоюза и КНР, а также наличия альтернативных российским географических путей реализации программы «Один пояс, один путь» не позволяет России рассчитывать на роль лидера.

Если гипотетически смириться с ролью младшего или равноправного партнёра в рамках китайской версии евразийства, потенциал выгод от следования этой идеологической концепции окажется меньшим, чем давало СССР следование коммунистической идеологии. Потенциальная зона охвата этой идеологии – не весь мир, как у коммунизма или западной демократии, а только географический континент Евразия. Для КНР и Евросоюза идеологическая концепция евразийства находится далеко не на первом месте в числе их идеологических приоритетов, безоговорочно уступая первенство современному варианту маоизма и европейской демократии. В этих обстоятельствах Россия не может рассчитывать на то, что в случае следования ею китайской концепции строительства «большого евразийского пространства» КНР и Евросоюз встанут на её сторону по идеологическим и политическим мотивам, примером чему служит их реакция на СВО.

Не лучше обстоят дела и в случае следования идеологической концепции евразийства в узком постсоветском варианте, сформулированном Н. Назарбаевым. Исключая участие Евросоюза и КНР, это пространство охватывает только 12 стран без учёта непризнанных и частично признанных государств с населением менее 270 млн человек, из которых более 140 млн – население РФ. Экономический потенциал этого пространства составляет всего около 3% мировой экономики, при этом большая его часть также приходится на Россию. Т. е. изначально речь идёт об узколокальной идеологической концепции, которая даже теоретически не может играть ту же роль, что выполняла для СССР глобальная коммунистическая идеология.

Снижает потенциал этой идеологии для России и стран, которые готовы разделять концепцию евразийства в постсоветском формате (пусть в качестве даже периферийной), её фактический кризис на фоне национального эгоизма постсоветских стран, включая Россию. Проявления этого кризиса отражаются в многочисленных проблемах взаимоотношений стран внутри СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, в межнациональных и межгосударственных конфликтах на постсоветском пространстве (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Крым, Донбасс). Зачастую идеологическая концепция евразийства проигрывает на постсоветском пространстве другим более привлекательным концепциям как в широком, так и в узком их понимании: западной демократии, страновому национализму, пантюркизму, радикальному исламу (борьба с ним во многих постсоветских странах ведётся, скорее, путём силового подавления, а не на идеологическом уровне).

РУССКИЙ МИР

Ещё более узкие рамки и перспективы быть использованной в качестве действенного внешнеполитического ресурса для России носит концепция «русского мира». В своём широком варианте, выходящем за рамки узкого русского национализма, эта концепция направлена на политическое и культурное объединение русскоязычных граждан разных стран независимо от их национальности. Активные проявления следования Российской Федерации этой концепции можно наблюдать с 10-х гг. XXI в. Зона её охвата – исключительно территория бывшего СССР. Фактически с помощью этого инструмента можно влиять на политику постсоветских стран с населением около 280 млн человек, включая саму Россию. Москва – безусловный лидер в формировании и развитии этой идеологической концепции.

Однако у концепции «русского мира» много противников на постсоветском пространстве. В том числе на уровне государств с высокой долей русскоязычного населения, видящих в ней угрозу для собственного суверенитета и территориальной целостности. Нельзя также не учитывать сужения потенциального ареала для реализации идей «русского мира». Доля русского и русскоязычного населения на всей территории бывшего СССР, включая Россию³, постоянно сокращается. С течением времени позиции русского языка практически на всей территории постсоветского пространства, кроме России и, возможно, Белоруссии, ослабевают; он теряет статус государственного языка, языка межнационального общения, сокращается его преподавание в школах и вузах, в СМИ и информационном пространстве в целом. Из-за «размывания» потенциального ареала концепция «русского мира» в последние десятилетия утратила роль важного внешнеполитического инструмента в отношении Литвы, Туркменистана, Грузии. Для стран Центральной Азии, Армении и Азербайджана в условиях минимальной численности русской и русскоязычной общин эта концепция может применяться только в той степени, в которой она привлекательна для них в вопросах гармонизации потоков трудовых мигрантов и в которой сочетается с экономической и военно-политической помощью этим государствам.

В узкой националистической трактовке идея «русского мира» фактически может выглядеть как «Россия для русских». Во внешнеполитических аспектах в ней вряд ли можно найти что-то привлекательное для других

³ В России концепция «русского мира» в её широкой трактовке по-прежнему актуальна, так как позволяет не только сохранять единое культурное пространство в многонациональной стране, но и адаптировать миллионы трудовых мигрантов из других государств, что особенно важно в условиях фактического замещения коренного населения, учитывая, что из-за депопуляции количество представителей титульной нации постоянно сокращается не только в абсолютных – 111 млн в 2010 г. против 115,9 млн в 2002 г., но и в относительных цифрах: соответственно 77,71% против 79,83% от численности населения (см.: Всероссийская перепись населения-2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.05.2023)).

стран. Более того, она крайне разрушительна для России как многонационального государства во внутренней политике.

АНТИАМЕРИКАНИЗМ

Противостояние глобалистской политике США – популярная идея во всём мире. Только нигде эта идеологическая доктрина не является основной идеологической концепцией. Скорее, это – один из важных идеологических постулатов в политике многих государств, недовольных попытками Вашингтона навязать им американские образцы демократии и союзнических отношений, строящихся на безусловном лидерстве США, нередко в ущерб узким интересам отдельных стран или правящих в них режимов. Потенциальная зона охвата этого идеологического постулата – весь мир.

В последние десятилетия антиамериканизм входит в идеологические доктрины так называемых стран-изгоев: КНДР, Кубы, Сирии, Ирана. США и европейской демократии противостоят радикальные исламистские и оппортунистические течения. Помимо стран-изгоев и различных радикалов элементы антиамериканизма встречаются в политике и идеологии вполне уважаемых стран от Латинской Америки до Европы. Крупнейшим идеологическим противником США выступает КНР, соперничающая с ними в глобальном масштабе в экономической и военно-политической сферах. России достаточно легко находить союзников во всём мире, не согласных со стремлением США к глобальному контролю и превосходству.

Однако вряд ли кто-то в мире всерьёз считает Россию главным идеологом и движущей силой антиамериканизма. В силу своей распространённости в мире эта идея не воспринимается как российская. Скорее, Россия пытается разыграть антиамериканскую карту в попытке найти альтернативу изоляции, в которой она могла оказаться после 2014 и 2022 гг. Следует также учитывать, что «дружба против США» не только несёт поддержку других стран, часто весьма ограниченную, но и имеет отрицательный эффект. США и их союзники ожидаемо враждебно относятся к странам, пытающимся оспорить лидирующие позиции Вашингтона и «американские ценности» во внутренней и внешней политике.

ПРАВОСЛАВИЕ

В 1990-е – 2000-е гг. в идеологической жизни России произошло укрепление позиций православия. Несмотря на то, что страна сохранила светскую форму устройства, ещё недавно позиционировавшие себя в качестве убеждённых атеистов российские государственные деятели разных уровней стали демонстрировать свою приверженность православию: посещать праздничные церковные службы, осуществлять возврат Русской православ-

ной церкви храмов, отобранных во времена СССР, поощрять строительство новых церквей; осуществлять поездки по святым для православных верующих местам, включая монастыри на горе Афон, лоббировать выделение для РПЦ различных торговых и экономических льгот, вплоть до беспошлинной торговли алкоголем и табаком и т. п. Православие на законодательном уровне признано одной из четырёх традиционных конфессий России⁴. Основы православной культуры входят в программу обучения многих светских школ.

Потенциал привлекательности на международной арене использования такой идеологии в качестве одной из доминирующих на государственном уровне ограничен странами с доминированием или высокой долей православного населения. К их числу можно отнести ряд стран постсоветского пространства: Украину, Белоруссию, Молдавию, Эстонию, Латвию, Грузию и частично Казахстан. К ним можно также добавить Болгарию, Грецию, Кипр, Румынию, Сербию, Черногорию, Северную Македонию, Боснию и Герцеговину. С учётом непризнанных и частично признанных государств зона «симпатий» охватывает страны с населением примерно 250 млн человек, включая Россию. При этом не все жители этих стран относят себя к православным и сочувствуют усилению роли православия в государстве, в том числе и в России. Кроме того, развернувшееся ещё в 1990-е гг. противостояние между Константинопольским и Московским патриархатами за лидерство в мировом православии, вылившееся в 2018 г. в фактический раскол после признания Константинопольским патриархом Православной церкви Украины (ПЦУ) с наделением её автокефалией и неприятие этого факта РПЦ, а также противостояние среди православных Черногории, Эстонии, Северной Македонии и Молдовы относительно того, в состав какой из действующих на их территории православных церквей они должны входить, оставляют мало шансов на единство и обоюдные симпатии в и так достаточно узком православном мире. Особые симпатии к РПЦ и борьба с её конкурентами внутри России дают почву отдельным странам обвинять российские власти в нарушении свободы вероисповедания⁵.

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Идеология строительства сильного российского государства, готового к приращению соседних земель и культивированию в различных частях мира с помощью военной силы и экономических вливаний режимов-сателлитов, не

⁴ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 20.05.2023).

⁵ Госдеп США внес Россию в черный список по свободе вероисповедания – наряду с Ираном, Пакистаном и Эритреей // Росбалт: [сайт]. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2021/11/17/1931443.html> (дата обращения: 20.05.2023).

выходит за рамки традиционных для большей части XX в. и предыдущих эпох представлений об империализме как высшей форме существования успешных национальных государств. В отличие от XIX – середины XX вв., когда этой идеологии придерживались ведущие мировые державы, в настоящее время она не даёт столь же значимого эффекта во внешней политике. Скорее, наоборот, вызывает осуждение на международном уровне как со стороны стран западной демократии, так и со стороны многих слабых государств (независимо от их ведущей идеологии), которым в условиях империализма была бы уготована роль жертвы, а не сильной империи.

В то же время нельзя совсем отбрасывать значение такого идеологического ресурса и его практического военно-политического и экономического проявления в современных международных отношениях. Определённую международную привлекательность он несёт, т. к. в поддержке «сильной империи» нуждаются слабые режимы, в том числе режимы-изгои. Зоной их потенциального и фактического распространения являются не самые экономически развитые и самодостаточные государства, прежде всего страны третьего мира с населением 2,5 – 3 млрд человек.

Следует отметить, что потенциал империалистической идеологии, как и любой другой, в качестве инструмента в международных отношениях во многом зависит от экономических и военно-политических возможностей страны, взявшей её на вооружение. И если военно-политический потенциал Российской Федерации находится на одном из ведущих мест в мире, то экономический – весьма слаб, что создаёт угрозу в случае противодействия «российскому империализму» со стороны лидеров мировой экономики, способных если не разрушить, то затормозить экономику России путём введения экономических и технологических санкций. Существует также риск, по примеру СССР, в периоды экономического ослабления «не справиться» со взятыми на себя перед странами-сателлитами обязательствами, что приведёт к краху идеологической доктрины империализма, а возможно, и самой «империи».

Не стоит также сбрасывать со счетов в случае широкого использования на практике империалистической идеологии локальных геополитических поражений от отдельных стран, во внешнеполитических доктринах которых также используется империалистический компонент. По мнению отдельных исследователей, в 2020 г. Россия потерпела такое поражение от Турции в ходе войны между Азербайджаном и Арменией в Нагорном Карабахе⁶.

⁶ Макиенко К. Как Россия проиграла во второй карабахской войне // Ведомости: [сайт]. [10.11.2020]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala> (дата обращения: 20.05.2023); Турция поколебала монополию России на Кавказе – мнение // EurAsia Daily: [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/17/turciya-cherez-karabah-pokolebala-monopoliju-rossii-na-kavkaze-mnenie> (дата обращения: 20.05.2023).

«КУЛЬТ ПОБЕДЫ» ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ

Одним из немногих элементов, перешедших из государственной идеологической концепции СССР в современную идеологическую политику Российской Федерации, стало формирование и поддержание «культы Победы». Нельзя не отметить его важности как для внутренней, так и для внешней политики. Географический потенциал поддержания этого идеологического элемента во внешней политике достаточно широк: он охватывает не только страны антигитлеровской и антияпонской коалиций в годы Второй мировой войны, но и проигравшие страны, руководство которых вынуждено учитывать историческую вину за действия предыдущих поколений в своей текущей политике. Приоритетными направлениями развития этой идеологической линии во внешней политике России по традиции являются подчёркивание ведущей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии, приверженность недопущению одобрения любых проявлений фашистской идеологии или оправдания реваншистских действий различных государств, осуждение недостаточного уважения памяти погибших в ходе борьбы с фашизмом и нацизмом.

Однако есть у этой идеологической линии и серьёзные недостатки, снижающие её эффективность в качестве инструмента внешней политики. Нельзя отрицать снижение потенциала «культы Победы» в связи с фактором времени: современные проблемы международных отношений от локальных конфликтов до борьбы с изменением климата постепенно вытесняют события Второй мировой войны из числа наиболее актуальных в мировой повестке в разряд исторических. В отличие от советской и современной российской традиции в других странах роль Советского Союза в ходе Второй мировой войны не всегда воспринимается однозначно положительно. Целый ряд стран, прежде всего в Центральной и Восточной Европе, осуждают заключённый в 1939 г. между СССР и гитлеровской Германией пакт о ненападении и секретные приложения к нему о разделе Европы на сферы влияния, считая данное событие началом Второй мировой войны. Во многих странах также популярна точка зрения, заключающаяся в том, что, освободив Центральную и Восточную Европу от фашизма и нацизма, СССР по итогам Второй мировой войны навязал им прокоммунистические режимы.

Есть и более локальные противоречия «культы Победы». В последние десятилетия в странах Европы и Америки принято акцентировать победу над гитлеровской Германией и фашизмом в ущерб победе над милитаристской Японией. Прошедшее в мае 2020 г. 75-летие со дня окончания Второй мировой войны в Европе, пусть и в одиночестве из-за пандемии коронавируса, торжественно отметили лидеры практически всех европейских стран⁷, в то

⁷ Лидеры ЕС отметили 75-летие окончания Второй мировой в Европе // Евроньюс: [сайт]. URL: <https://ru.euronews.com/2020/05/08/75-anniversary-of-victory-ceremonies-alone> (дата обращения: 20.05.2023).

время как собственно окончание Второй мировой войны и победа над Японией отмечались в сентябре 2020 г. значительно скромнее⁸. Вероятно, такая разница связана с нежеланием многих стран портить отношения с Японией, в которой «культ вины» за события Второй мировой войны развит значительно меньше, чем в Германии. Кроме того, в Японии он полностью отсутствует в отношении Советского Союза. Москву, наоборот, принято винить в нарушении заключённого в 1941 г. пакта о нейтралитете, который, даже несмотря на отказ от его пролонгации, действовал до апреля 1946 г.; в нападении на Японию без объявления войны в августе 1945 г., в захвате японских территорий и в уgone на работы сотен тысяч военнопленных [6; 10; 17].

Нельзя также не указать на более высокое значение «культы Победы» в другом событии – Великой Отечественной войне – для постсоветского пространства по сравнению с дальним зарубежьем. На Парад Победы в Москве в 2023 г. прибыли только 7 лидеров стран СНГ и ни одного представителя стран дальнего зарубежья – это было расценено как большой успех, т. к. в 2021 г. Парад Победы посетил только один иностранный лидер: президент Таджикистана Э. Рахмон⁹, а в 2022 г. было решено вообще никого из иностранных лидеров не приглашать.

О снижении эффективности «культы Победы» в качестве инструмента внешней политики может свидетельствовать отмечаемое в последние десятилетия поступательное сокращение числа иностранных лидеров, посещавших Москву в годы юбилеев Победы. В 1995 г. в Москву приехали лидеры 62 стран, в 2005 – 53, в 2010 – 24, в 2020 – 9. В неюбилейные годы парад Победы в Москве практически утратил прежний международный резонанс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, все испробованные Москвой в последние десятилетия идеологические линии не способны дать тот же или сопоставимый внешнеполитический эффект, который несла для СССР коммунистическая идеология. Более того, не существует даже перспектив появления столь же влиятельной идеологии, так как у всех альтернативных вариантов при их многообразии выявлены серьёзные изъяны. Это либо слишком узкая целевая аудитория стран, на которые их можно ориентировать, либо слишком широкое распространение этих идеологий в мире и отсутствие в международном сообществе признания за Россией ведущей роли в их реализации, либо противоречивость и низкая потенциальная привлекательность в свете бо-

⁸ Скосырев В. Пекин и Москва не хотят злить Японию // Независимая газета: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/world/2020-09-02/2_7953_japan.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁹ Как снижалось число президентов-гостей парада Победы за 26 лет // Lentachel: [сайт]. URL: <https://lentachel.ru/news/2021/05/12/kak-snizhalos-chislo-prezidentov-gostey-parada-pobedy-v-moskve-za-26-let.html> (дата обращения: 20.05.2023).

лее актуальных проблем международных отношений и мирового развития. Надежды на создание сверхпривлекательной идеологии, способной стать для современной России столь же весомым инструментом международных отношений, каким для СССР была идеология коммунизма, – беспочвенны.

Тем не менее надеемся, что результаты проведённого исследования будут полезны в качестве аргументов в непрекращающихся в научных и политических кругах спорах между сторонниками и противниками внедрения в России государственной идеологии.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.07.2023

Статья размещена на сайте: 23.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева С. А., Алиева С. Т. Идея патриотического воспитания как основа российской государственной идеологии // Проблемы патриотического воспитания в современном образовательном пространстве: материалы научно-практической конференции, Махачкала, 20–21 февраля 2014 г. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2014. С. 15–22.
2. Богатырев К. А. Основные приоритеты развития государственной идеологии в России [Электронный ресурс] // Политика и общество. 2009. №7. URL: www.nbpublish.com (дата обращения: 20.05.2023).
3. Бутусова Н. В. Государственная идеология России: понятие, содержание, проблемы формирования и правового закрепления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 1. С. 4–19.
4. Власова Ю. Б. Некоторые проблемы государственной идеологии на современном этапе развития российской государственности // Юристъ-Правоведъ. 2004. № 2. С. 70–72.
5. Вольтер О. В. Феномен государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект): автореферат дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Д., 2010. 55 с.
6. Гришаева Л. Е. Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. // Дипломатическая служба. 2020. № 4. С. 18–41.
7. Егоров О. Г. Россия на перепутье: в поисках государственной идеологии // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2014. № 3. С. 86–90.
8. Ермолаев В. В. Нелегитимность государственной идеологии как институциональная проблема функционирования и развития организаци-

- онной культуры органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 7. № 3. С. 127–139.
9. Кржижановская Г. Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 34–40.
 10. Молодяков В. Э. Историческая память японцев // Ежегодник Япония. 2008. № 37. С. 285–301.
 11. Трушков С. А. Теоретико-правовые аспекты включения положений концепции «Москва – третий Рим» в государственную идеологию современной России // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции, Киров, 01–29 апреля 2017 г. Киров: Вятский государственный университет, 2017. С. 6089–6094.
 12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 259 с.
 13. Цинсун В. «Евразийский момент» и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 71–80.
 14. Цыганкова М. М. Государственная идеология: проблемы методологии на современном этапе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 65–70.
 15. Шамахов В. А. О государственном управлении и государственной идеологии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 8–9.
 16. Юрченко В. М. Государственная идеология «Pro et contra» // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 6–7 декабря 2019 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 455–456.
 17. Чугров С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22–45.
 18. Мірошніченко Т. М. Напрями інтеграційної діяльності країн ШОС // Бізнесінформ. 2019. № 3. С. 32–36.

REFERENCES

1. Alieva S. A., Alieva S. T. [The idea of patriotic education as the basis of the Russian state ideology]. In: *Problemy patrioticheskogo vospitaniya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 20–21 fevralya 2014 g.* [Problems of patriotic education in the modern educational space: materials of the scientific and practical conference, Makhachkala, February 20–21, 2014]. Makhachkala, Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2014, pp. 15–22.
2. Bogatyrev K. A. [The main priorities of development of the state ideology in Russia]. In: *Politika i obshchestvo* [Politics and society], 2009, no. 7. Available at: www.nbpublish.com (accessed: 20.05.2023).

3. Butusova N. V. [State ideology of Russia: the concept, content, problems of formation and legal consolidation]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2006, no. 1, pp. 4–19.
4. Vlasova Yu. B. [Some problems of state ideology at the present stage of development of Russian statehood]. In: *Yurist-Pravoved* [Lawyer-Jurist], 2004, no. 2, pp. 70–72.
5. Voltaire O. V. *Fenomen gosudarstvennoi ideologii kak dukhovno-politicheskoi osnovy gosudarstvennoi tselostnosti Rossii: istoriya i sovremennost' (politologicheskii aspekt): avtoreferat dis. ... d-ra polit. nauk* [The phenomenon of state ideology as the spiritual and political basis of the state integrity of Russia: history and modernity (political science aspect): abstract of Dr. Sci. thesis in Political Sciences]. Rostov-on-Don, 2010. 55 p.
6. Grishaeva L. E. [Long echo of the Soviet-Japanese war 1945]. In: *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic Service], 2020, no. 4, pp. 18–41.
7. Egorov O. G. [Russia at the Crossroads: in Search of a state Ideology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian and Economic Institute], 2014, no. 3, pp. 86–90.
8. Ermolaev V. V. [Inlegality of state ideology as an institutional problem of functioning and development of the organizational culture of internal affairs]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 127–139.
9. Krizhanovskaya G. N. [To the question of necessity state ideology]. In: *Mir politiki i sociologii* [World of politics and sociology], 2019, no. 9, pp. 34–40.
10. Molodyakov V. E. [Historical memory of the Japanese]. In: *Ezhгодnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 2008, no. 37, pp. 285–301.
11. Trushkov S. A. [Theoretical and legal aspects of the inclusion of the provisions of the concept “Moscow – the third Rome” in the state ideology of modern Russia]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2017): sbornik statei Vserossiiskoi ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kirov, 01–29 aprelya 2017 g.* [Society. The science. Innovations (NPK-2017): collection of articles of the All-Russian annual scientific and practical conference, Kirov, April 01–29, 2017]. Kirov, Vyatka State University Publ., 2017, pp. 6089–6094.
12. Fukuyama F. The end of history and the last man (Rus. ed.: Levin M. B., transl. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Moscow, AST Publ., 2015. 259 p.).
13. Qingsun V. [“The Eurasian moment” and the construction of a new Eurasian space]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2017, no. 1, pp. 71–80.
14. Tsygankova M. M. [State ideology: methodology problems at the present stage]. In: *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2018, no. 11, pp. 65–70.
15. Shamakhov V. A. [On public administration and state ideology]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2021, no. 10, pp. 8–9.

16. Yurchenko V. M. [State ideology "Pro et contra"]. In: *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, akty: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 6–7 dekabrya 2019 g.* [Trajectories of political development in Russia: institutions, projects, actors: materials of the All-Russian scientific conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation, Moscow, December 6–7, 2019]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 455–456.
17. Chugrov S. V. [Rethinking the results of the World War II in contemporary Japan]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 5, pp. 22–45.
18. Miroshnichenko T. M. [Directions of integration activities of the SCO countries]. In: *Biznesinform* [Business Inform], 2019, no. 3, pp. 32–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Склярв Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: redaktors@mail.ru

Sergey A. Sklyarov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: redaktors@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Склярв С. А. Идеологический фактор во внешней политике России: проблемы и перспективы // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sklyarov S. A. Ideological factor in Russian foreign policy: problems and prospects. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

Шишкина О. В.*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: ОТВЕТЫ НА ВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести анализ Концепций внешней политики России 1993, 2000, 2008, 2013, 2016 и 2023 гг. и определить, какие изменения вносились в разделы, посвящённые политике в отношении постсоветских государств, в связи с активизацией восточной политики ЕС.

Процедура и методы. Использовались источниковедческий, историко-хронологический и сравнительный анализ. Осуществлялись сравнение текстов Концепций внешней политики России разных лет в части формулировок, связанных с развитием восточной политики ЕС, а также исследование документов ЕС.

Результаты. Корректировка задач российской внешней политики в отношении постсоветских государств была спровоцирована восточной политикой ЕС. Но, несмотря на очевидный рост напряжённости между ключевыми участниками международных отношений, в своих Концепциях внешней политики 2008, 2013 и 2016 гг. Россия предлагала рассматривать Евроатлантическое пространство в целом как зону сотрудничества с Западом. Лишь в 2023 г. в российских стратегических документах политика Запада была определена как недружественная.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при анализе международных отношений на постсоветском пространстве и в Европе в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика России, Восточное партнёрство, восточная политика ЕС, концепция внешней политики, постсоветские государства

СТРУКТУРА

Введение

«Ближнее зарубежье» во внешней политике России: интересы и препятствия для их реализации

Постсоветские государства и фактор ЕС в КВП 1993 и 2000 гг.

Активизация политики ЕС на постсоветском пространстве

Постсоветское пространство и фактор ЕС в КВП 2008, 2013, 2016, 2023 гг.

Заключение

O. Shishkina

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET DIRECTION: RESPONSES TO THE EASTERN POLICY OF THE EUROPEAN UNION

ABSTRACT

Aim. To analyze Russian Foreign Policy Concepts of 1993, 2000, 2008, 2013, 2016, and 2023 and to find out what changes were made to the chapters dealing with Russia's foreign policy towards the post-Soviet states after the EU had started its active policy in the region.

Methodology. The study relies on the source analysis, historical-chronological and comparative analysis. Comparison was made of Russia's Foreign Policy Concepts from different years in terms of their formulations regarding the development of the EU's Eastern policy; the study of EU documents was carried out.

Results. The adjustment of the Russian foreign policy tasks towards the post-Soviet states was caused by the EU's Eastern policy. But, despite the obvious increase in tension between the key participants in international relations, in Russian Foreign Policy Concepts of 2008, 2013 and 2016 proposed to generally consider the Euro-Atlantic space as a zone of cooperation with the West. Only in 2023 the policy of the West was defined as unfriendly in Russian strategic documents.

Research implications. The results of the study can be used in the analysis of international relations among the post-Soviet states and in Europe in general.

KEYWORDS

Russia's foreign policy, Eastern Partnership, EU's eastern policy, foreign policy concept, Post-Soviet states

ВВЕДЕНИЕ

Весной 2023 г. в России была утверждена новая Концепция внешней политики (далее – КВП). Документ, принятый в условиях проведения Россией Специальной военной операции на территории Украины, отличается от КВП 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. непривычной прямой формулировок, введением классификации государств на основании их политики по отношению к России (конструктивной, нейтральной и недружественной) и новым порядком приоритетности регионов для внешней политики России.

Постсоветские государства упрочили своё лидирующее место среди российских региональных приоритетов. Более того, спустя 30 лет они вновь были названы в КВП странами «ближнего зарубежья», что подчеркнуло их значимость для Москвы и её готовность уделять им повышенное внимание. Одновременно в тексте открыто сформулированы действия западных государств и структур на постсоветском пространстве, которые Россия считает недопустимыми: «инспирирование “цветных революций” и иные попытки

вмешательства во внутренние дела союзников и партнёров России», «провоцирование дезинтеграционных процессов в ближнем зарубежье и создание препятствий для реализации суверенного права союзников и партнёров России на углубление всеобъемлющего сотрудничества с ней»¹. Столь жёсткие формулировки прозвучали в КВП России впервые, хотя названные проблемы в отношениях с Западом из-за его политики на постсоветском пространстве существовали не один десяток лет. Несмотря на то, что свои программы, предусматривавшие укрепление взаимодействия с постсоциалистическими и постсоветскими государствами, были у США и НАТО с середины 1990-х гг., именно с внешнеполитической деятельностью ЕС в отношении шести постсоветских стран в Восточной Европе и в Закавказье связывают напряжённость и кризисы последних лет.

В этих условиях представляется важным провести анализ шести КВП России для того, чтобы определить, какие изменения вносились в разделы, посвящённые политике в отношении постсоветских государств, в связи с активизацией восточной политики ЕС. В этом и заключается цель настоящего исследования.

Методологической основой работы выступают источниковедческий, историко-хронологический и сравнительный анализ, позволяющие исследовать и сопоставить тексты КВП разных лет.

С точки зрения автора, проведённый анализ даст возможность сделать предположения о том, какие из направлений деятельности ЕС на постсоветском пространстве наименее приемлемы для России.

«БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ИНТЕРЕСЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Все шесть КВП России (1993, 2000, 2008, 2013, 2016 и 2023 гг.) определяли постсоветские государства как главное приоритетное направление её внешней политики. При этом с самого начала Москва исходила из того, что «общее культурное наследие» – тесные экономические, культурные, родственные и иные связи, сложившиеся как в рамках существования в составе одного государства на протяжении предшествовавших 70 лет, так и в более ранние периоды истории, – будет содействовать тому, что у бывших республик СССР будут складываться особые отношения друг с другом.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?ysclid=lnm530gcbr229811305> (дата обращения: 10.07.2023).

Свои интересы на постсоветском пространстве Россия определила уже в первой КВП в 1993 г.² и конкретизировала максимально чётко в Стратегическом курсе России с государствами-участниками Содружества независимых государств (СНГ) в 1995 г.³. Оба документа содержали тезис, что безопасность, стабильность и экономическое восстановление этих государств влияет на «темпы и возможности преодоления экономического и социального кризиса в самом Российском государстве»⁴. В «Стратегическом курсе...» было зафиксировано, что на территории СНГ «сосредоточены жизненные интересы в области экономики, обороны, безопасности, защиты прав россиян, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны», а «эффективное сотрудничество с государствами СНГ является фактором, противостоящим центробежным тенденциям в самой России». В этой связи задачи политики России на постсоветском пространстве требовали «обеспечения надежной стабильности во всех её измерениях: политическом, военном, экономическом, гуманитарном и правовом», а также «содействия становлению государств СНГ в качестве политически и экономически устойчивых государств, проводящих дружественную политику в отношении России»⁵.

В дальнейшем во всех КВП России постсоветские государства не только находились на первом месте в региональных разделах, но и упоминались многократно в «общих положениях», а также в разделах, посвящённых «верховенству права», «международному экономическому и экологическому сотрудничеству», «укреплению международной безопасности» и «международному гуманитарному сотрудничеству». Среди последних наиболее подробно интересы России в отношениях с постсоветскими государствами раскрывались в «общих положениях» и «международном гуманитарном сотрудничестве и правах человека». Здесь центральными задачами выступали создание «пояса добрососедства» по периметру российских границ, содействии «устранению и предотвращению возникновения очагов напряжён-

² Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

³ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 14.09.1995 №940 // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 10.07.2023).

ности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах», защита граждан России и соотечественников за рубежом, их консолидация и сохранение этнокультурной самобытности, связей с исторической Родиной, содействие распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры.

По мере развития международных отношений российские КВП были дополнены новыми пунктами, которые свидетельствовали о том, что Москва анализирует возникающие тенденции и по мере возможности будет на них реагировать.

Таким образом, во всех КВП наиболее чётко среди российских интересов в странах бывшего СССР были обозначены вопросы обеспечения безопасности российских границ, соблюдения прав граждан РФ и соотечественников, а также вопросы распространения русского языка. Политика была направлена на выстраивание по возможности дружественных отношений со всеми странами СНГ. При этом также было понимание объективных препятствий для реализации российской политики: «характерного для периода становления независимости утрированного дистанцирования от России, подогреваемого националистическими настроениями, территориальными спорами, включая претензии к России, а также своего рода аллергии ко всему, что может напоминать прежнюю зависимость от союзных структур»⁶.

Осознавая существующие ограничения для своей политики на постсоветском пространстве, Москва тем не менее ожидала, что естественным образом станет приоритетным внешнеполитическим партнёром для сопредельных государств, ещё недавно составлявших с ней единое целое. Между тем образование в Европе в начале 1990-х гг. Европейского союза, со временем превратившегося в ещё один центр притяжения для постсоветских государств, внесло свои коррективы в развитие международных отношений в этой части мира. Политика ЕС в отношении постсоветских государств – ближнего зарубежья России – стала дополнительным источником противоречий между Москвой и Брюсселем.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ФАКТОР ЕС В КВП 1993 и 2000 гг.

Все 1990-е гг. в России шёл процесс переосмысления своего места и роли в мире. Осознание ко второй половине 1990-х гг. недостатков возникшей после распада СССР однополярной системы международных отношений [4, с. 9–12, 15–17] (известны определения системы этого периода как «однополярного момента» (англ.: «unipolar moment») [10], Pax Americana [11],

⁶ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

«плюралистической однополярности» [1]) потребовало от России активизации внешней политики, в том числе и на постсоветском направлении. Понимание того, что лидер системы международных отношений должен быть способен организовать внешнюю среду, особенно соседние государства, наиболее благоприятным для себя образом [12, p. 9; 9, p. 385; 6, p. 8], подталкивало Россию к реализации своих жизненных интересов в странах ближнего зарубежья. Между тем было очевидно, что внутренние трудности (например, конфликты на Северном Кавказе, экономический кризис, экономический дефолт 1998 г. и др.) серьёзно ограничивали внешнеполитические ресурсы и, соответственно, возможности реализации внешней политики в отношении соседних стран. Формулировка «ближнее зарубежье», применявшаяся в КВП 1993 г., исчезла из текста КВП 2000 г., что по-своему символизировало ослабление возможностей России.

Что касается ЕС, он в 1990-е гг. был малоактивен на постсоветском пространстве, ограничив свою деятельность заключением со всеми странами стандартизированных Соглашений о партнёрстве и сотрудничестве, а также оказанием технической помощи по программе ТАСИС⁷. Ситуация начала меняться в 2000-е гг., когда Брюссель решил свои основные проблемы по формированию новой союзной структуры управления и в 2002 г. принял решение о расширении на восток. С этого времени он так же, как и Россия, начал позиционировать постсоветское региональное направление в качестве приоритетного для своей внешней политики.

В этом контексте вполне логично, что ни в тексте 1993 г. (в этом году только вступил в силу Маастрихтский договор, учредивший ЕС), ни в тексте 2000 г. упоминаний присутствия Европейского союза в постсоветских государствах нет. В КВП 1993 г. в общих чертах говорилось о стремлении «третьих стран» укрепить свои позиции в постсоветских республиках, что «отражает объективные процессы в мире» и не имеет «однозначно негативной направленности»⁸. В качестве угроз воспринимались возможное «перезаориентирование» государств, расположенных в «азиатской части бывшего СССР», на страны, «близкие им в этносоциальном, религиозном или экономическом отношении», и «реализация планов формирования широких общностей под национальным или религиозным знаменем с привлечением бывших союзных республик». Эти процессы могли привести к «массовому исходу проживающих там россиян на территорию России»⁹, что противоре-

⁷ Англ.: Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States and Georgia, TACIS.

⁸ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп). Раздел «Российская Федерация в меняющемся мире» // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

⁹ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп). Раздел «Рос-

чило российским интересам. Напротив, перспективным виделось использование экономического потенциала третьих стран (вероятно, западных) для содействия экономическому развитию бывших союзных республик, т. к. это должно было иметь положительный эффект для тесно связанной с ними экономики России. Некоторую обеспокоенность расширением «внешнего» присутствия можно найти лишь в принятом в 1995 г. «Стратегическом курсе России с государствами-участниками СНГ», где было предложено заниматься не только укреплением России как «ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства»¹⁰, но и продвижением во взаимодействии с третьими странами и международными организациями «с их стороны понимания того, что этот регион прежде всего является зоной интересов России»¹¹.

В целом в 1990-е гг. предлагалось взвешивать плюсы и минусы воздействия третьих стран на постсоветские республики, и в случае, если «минусы» окажутся «ощутимы», рассматривать Запад в качестве возможного партнёра, «особенно, если под угрозой окажется региональная и глобальная стабильность»¹². В последующие годы Россия существенно изменила свои оценки, осознав, что расширение присутствия Запада создаёт для её политики на постсоветском пространстве «ощутимые минусы».

До 2008 г. в России действовала КВП, утверждённая в 2000 г.¹³. Реагируя на международные события конца 1990-х гг. (например, расширение НАТО на восток, бомбардировки Югославии в отсутствие санкции на это Совета Безопасности ООН и при игнорировании интересов России), её авторы отмечали, что «некоторые расчёты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнёрских отношений России с окружающим миром» не состоялись. В числе вызовов и угроз были названы «тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом до-

сийская Федерация в меняющемся мире» // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 10.07.2023). Раздел I, п. 4.

¹¹ Там же, раздел III, п. 14.

¹² Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993 № 284-рп). Раздел I Страны Содружества, п. 8 // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 28.06.2000) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 07.07.2023).

минировании США», «стратегия односторонних действий», как и «ставка на западные институты и форумы ограниченного состава» при решении «принципиальных вопросов международной безопасности». В то же время, отталкиваясь от тенденций глобализации и взаимозависимости, Россия рассчитывала на создание многополярной системы международных отношений на основе «взаимного учёта интересов» и «механизмов коллективного решения ключевых проблем». Сохранялась цель «широкого включения в мирохозяйственные связи». Постсоветское пространство оставалось в числе главных региональных приоритетов, сохранялась задача развития дву- и многостороннего взаимодействия, но допускалась «разноскоростная и разноуровневая интеграция в СНГ». В целом отмечались ограниченные возможности ресурсного обеспечения внешней политики.

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЕС НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В преддверии расширения на восток ЕС активизировал свою политику в отношении своих т. н. новых соседей (становились соседями ЕС после расширения). Превращение в один из полюсов многополярного мира требовало и от него более активной политики в отношении приграничных государств. В 2003 г. увидело свет коммюнике Европейской комиссии «Широкая Европа – соседство: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями»¹⁴, на следующий год был одобрен стратегический документ, запустивший Европейскую политику соседства (ЕПС)¹⁵. Россия от участия отказалась, фактически не признав за ЕС одностороннего права на определение повестки дня двусторонних отношений.

Любопытно, что реализация собственного проекта в отношении соседей рассматривалась Брюсселем как своего рода проверка своих сил на международной арене, а некоторыми исследователями – даже как тест для его собственного будущего [3, с. 9]. Среди «новых соседей», к которым была обращена политика соседства, оказались страны Средиземноморья и постсоветские государства в Восточной Европе и в Закавказья, а также страны южного Средиземноморья. Во внешней политике «постсоветской группы» начался период балансирования между ЕС и Россией, имевшего целью получение максимальных преимуществ от взаимодействия с обоими крупнейшими соседями, в том числе, путём игры на их внешнеполитической конкуренции [5].

¹⁴ COM (2003) 104 final, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament “Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours”, 11.03.2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52003DC0104> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁵ COM (2004) 373 final, Communication from the Commission “European Neighbourhood Policy. Strategy Paper”, 12.05.2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3guxp/vikqh1nblqzi> (дата обращения: 07.07.2023).

Последующее внутривполитическое развитие этих постсоветских государств показало, что они недооценили уязвимости своего положения. Внешнеполитические «качели» оказали деструктивное влияние на их внутреннюю политику. В 2000-е и 2010-е гг. из шести стран две (Грузия, Украина) прошли через т. н. цветные революции, остальные четыре (Молдавия, Армения и даже Белоруссия и Азербайджан) – через периоды внутривполитической пред- и поствыборной нестабильности, которые явно указывали на существенно возросшее влияние в странах оппозиционных прозападных общественных организаций и политических сил.

Недолгий период попыток Брюсселя и Москвы обозначать восточноевропейские и закавказские государства постсоветского пространства в качестве стран «общего соседства» [8, р. 2] завершился запуском ЕС в 2009 г. новой внешнеполитической инициативы – программы «Восточное партнёрство» (ВП)¹⁶. На этот раз Россию в проект не приглашали, а время, выбранное для начала программы, – после российского военного ответа на попытку М. Саакашвили силовым путём восстановить контроль над Южной Осетией – намекало на то, что это – реакция ЕС на «пятидневную войну». Разработанная Швецией и Польшей программа предусматривала дальнейшее вовлечение шести государств в орбиту влияния ЕС, и, хотя ни Брюссель, ни Москва официально не характеризовали её как антироссийскую [7, р. 5]¹⁷, подписание новых юридически обязывающих соглашений с ЕС означало возникновение ограничений для их сближения с Россией.

Таким образом, в 2010-е гг. на фоне охлаждения отношений России и ЕС «общие соседи» превратились для ЕС в «партнёров» – участников программы «Восточное партнёрство». Брюссель перешёл к созданию «пояса дружественных государств по периметру границ ЕС» путём широкого участия в реформировании их систем государственного управления, экономик, энергетического сектора и увеличения взаимодействия между гражданами («контактов между людьми»). Отсутствие психологических и исторических ограничений, аналогичных российским, такой политике способствовало. Двусторонний механизм взаимодействия, запущенный в рамках Европейской политики соседства, был дополнен многосторонним – с участием ЕС и всех участников «Восточного партнёрства», а финансирование программы – средствами Европейского инвестиционного банка¹⁸.

¹⁶ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁷ Полная стенограмма интервью Дмитрия Медведева белорусским журналистам [Электронный ресурс]. URL: <https://news.21.by/politics/2009/11/24/408929.html> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁸ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

Действия, предпринимавшиеся Брюсселем, были призваны направить развитие постсоветских государств по заданной им модели. Не всё шло в соответствии с изначальным планом: давали о себе знать последствия мирового финансово-экономического кризиса и долгового кризиса ЕС. Тем не менее, действуя в логике политики расширения и используя опыт Соглашений о партнёрстве и сотрудничестве 1990-х гг., ЕС оказывал финансовую, торгово-экономическую, консультационную и иную поддержку в соответствии с принципом правовой обусловленности помощи (conditionality), т. е. только в случае соблюдения ценностей, принципов и условий ЕС.

Тщательно подчёркиваемая ЕС «ценностная основа» политики соседства и «Восточного партнёрства» – т. е. уважение странами-партнёрами продвигаемых ЕС европейских ценностей (верховенства права, демократических правил и норм, прав человека, включая права меньшинств, и основных свобод) – создавала внутривнутриполитические условия, гарантирующие политическое развитие стран-участниц ВП в соответствии с интересами ЕС. И хотя ЕС заявлял, что программа должна противодействовать «рisku возникновения новых разделительных линий»¹⁹, на практике «интеграция рынков и обществ»²⁰ стран-соседей и ЕС приводила к тому, что эти линии возводились на границе этих стран с Россией.

К 2013 г. четыре из шести стран (Украина, Грузия, Молдавия, Армения) шли по пути гармонизации своего торгово-экономического и иного законодательства с евросоюзовским и готовились к торжественному подписанию на саммите ВП в Вильнюсе юридически обязывающих Соглашений об ассоциации (СА) и о создании глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли, получении доступа к внутреннему рынку ЕС. Ожидалось также скорое введение безвизового режима для краткосрочных нерабочих поездок граждан из стран-партнёров. Однако подписание СА с Украиной и Арменией сорвалось, поскольку на Украине начался затяжной внутривнутриполитический кризис, а Армения запросила для себя особый формат нового соглашения, который позволил бы ей войти в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Председатель Еврокомиссии М. Баррозо обвинил Россию в «недопустимом ограничении суверенитета» этих стран, а председатель Европейского совета Х. ван Ромпей заявил о «необходимости преодоления давления из-за рубежа»²¹. Противостояние России и ЕС за постсоветское пространство вышло на поверхность.

¹⁹ Communication from the commission to the European parliament and the council. Eastern Partnership [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008DC0823&from=EN> (дата обращения: 10.07.2023).

²⁰ Там же, с. 15.

²¹ Ukraine protests after Yanukovich EU deal rejection // BBC.com: [сайт]. [30.11.2013]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-25162563> (дата обращения: 10.07.2023); European Parliament resolution of 2 February 2023 on the preparation of the EU-Ukraine Summit [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0029_EN.html (дата обращения: 10.07.2023).

Последовавшие события – начало кризиса на востоке Украины, возвращение Крыма в состав России – привели к тому, что долго накапливавшийся конфликтный потенциал в двусторонних отношениях между Россией и ЕС, ранее характерный преимущественно для политики отдельных восточноевропейских стран в отношении Москвы, перешёл в качество. ЕС ввёл санкции в отношении России, а в отношении постсоветских государств – принял решение о дальнейшем углублении взаимодействия. В 2015 г. ЕС обновил Европейскую политику соседства, в 2017²² и 2020²³ гг. – «Восточное партнёрство». Исходя из положений базовой для ЕС «Глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности»²⁴ и сформулированных чуть ранее «пяти принципов отношений с Россией»²⁵, ЕС сконцентрировался на повышении «устойчивости» (англ. «resilience») постсоветских государств, понимаемой в том числе и как необходимость противостоять российскому давлению. Стало ещё более заметно, что отношения с постсоветскими государствами рассматриваются ЕС не только как ценные сами по себе, но и в контексте возможности нанести ущерб потенциалу России на международной арене.

На саммите в Брюсселе в 2017 г. появились «20 целевых показателей к 2020 г.» (20 deliverables for 2020)²⁶, а в 2020 г. – совместное коммюнике «Укрепляя устойчивость: Восточное партнёрство в интересах всех», дополненное рабочим документом «Восстановление, устойчивость и реформы: приоритеты Восточного партнёрства после 2020 г.»²⁷. В центре внимания ЕС оставались четыре сферы: экономика, управление, «взаимосвязанность» (в основном речь шла об инфраструктуре) и общество, – а также несколько показателей из т. н. пересекающихся областей: поддержка неправительственных организаций, улучшение ситуации с равноправием полов и отсутствием дискриминации, а также укрепление стратегических коммуникаций, поддер-

²² Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. Brussels, 24 November 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31758/final-statement-st14821en17.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

²³ Joint Communication “Reinforcing Resilience - an Eastern Partnership that delivers for all”. Brussels, 18.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

²⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

²⁵ Outcome of the Council Meeting, 3457th Council meeting. Foreign Affairs. Brussels, 14 March 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/22914/st07042en16.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁶ Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. Brussels, 24 November 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31758/final-statement-st14821en17.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁷ Joint Staff Working Document “Recovery, resilience and reform: post 2020 Eastern Partnership priorities” [Электронный ресурс]. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/swd_2021_186_f1_joint_staff_working_paper_en_v2_p1_1356457_0.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

живающих плюрализм и независимость СМИ²⁸. Обращал на себя внимание сохраняющийся повышенный интерес ЕС к формированию в странах-партнёрах гражданского общества и общественного мнения, поддерживающего сближение с ЕС.

Приоритеты в дальнейшем были согласованы со Стратегической повесткой Комиссии ЕС по 2019–2024 гг.²⁹, служили «стратегическому интересу ЕС во внешней политике по продвижению лидерства в сфере прав человека, демократии»³⁰ и предлагали сконцентрироваться на восстановлении экономики после кризиса, вызванного пандемией коронавируса, на цифровизации, на «зелёном курсе» в сфере энергетики и на достижении климатической нейтральности³¹. Свой вклад в реализацию поставленных задач должны были вносить молодые лидеры, прошедшие обучение в запущенной в 2018 г. Европейской школе стран-членов Восточного партнёрства для подготовки новых лидеров³². Фактически шло объединение политической повестки стран-партнёров и ЕС при противодействии влиянию России, которое воспринималось ЕС как деструктивное. Начатый ещё во время кризиса вокруг Южной Осетии в 2008 г. либеральный курс на противопоставление своей «пост-модернистской» [13, р. 10] политики и несилowych методов [14, р. 3] силовым действиям России был продолжен.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФАКТОР ЕС В КВП 2008, 2013, 2016, 2023 гг.

Хотя российские военные оценивали западную поддержку оппозиции и «цветных революций» в постсоветских государствах как «гибридные» действия, применяемые для противодействия российским интересам [2], в официальных внешнеполитических документах России такие формулировки долгое время отсутствовали. Более того, в первой КВП, принятой в 2008 г. спустя всего несколько лет после «цветных революций» в Грузии и на Укра-

²⁸ Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. Brussels, 24 November 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31758/final-statement-st14821en17.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁹ Von der Leyen U. A Union that strives for more. My agenda for Europe. Political Guidelines for the next European Commission 2019–2024 [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-04/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

³⁰ Joint Communication “Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all”, Brussels, 18.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

³¹ Joint Staff Working Document “Recovery, resilience and reform: post 2020 Eastern Partnership priorities”. Brussels, 02.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/swd_2021_186_f1_joint_staff_working_paper_en_v2_p1_1356457_0.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

³² First Eastern Partnership European School opens its doors in Tbilisi // The Diplomatic Service of the European Union: [сайт]. [04.09.2018]. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/50080_en (дата обращения: 07.07.2023).

ине, основное внимание уделялось мировому финансово-экономическому кризису и возросшим внешнеполитическим возможностям России, а не событиям в сопредельных государствах. «Цветные революции» и «гибридная война» впервые оказались упомянуты лишь в КВП 2023 г. Упоминание постсоветского пространства как проблемного вопроса в отношениях России и ЕС отсутствовало. Тем не менее ряд положений КВП появились или были переформулированы, в том числе, в результате реагирования России на политику ЕС, которая с 2009 г. позиционировалась им как альтернатива российской.

Основные изменения, которые были внесены в «общие положения» КВП России 2008, 2013, 2016 и 2023 гг., касаются более подробного описания интересов и задач внешней политики в сфере международного гуманитарного сотрудничества и обеспечения информационной безопасности. Вопросам поддержки русскоязычного населения и соотечественников, укрепления русской диаспоры, защиты культурно-исторического наследия, распространения русского языка стало уделяться гораздо большее внимание, чем это было в 1990-е и в 2000-е гг. Это стало результатом как развития информационно-коммуникационных технологий и методов информационного воздействия вообще, так и целенаправленного применения указанных технологий во внешней политике ЕС и Запада в целом.

В оценках России применение новых информационных технологий в политических целях рассматривается как внешнее вмешательство во внутренние дела государств. Так, в КВП 2013 г. даётся развёрнутое определение «мягкой силы» как «комплексного инструментария решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». Отмечаются её «деструктивность и противоправность», а также то, что она используется для «политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом». Конкретные государства или структуры, использующие «мягкую силу», названы не были, но полемика с ЕС и западными государствами в целом была очевидна.

Начиная с КВП 2008 г., во всех последующих документах появился раздел, посвящённый необходимости «противодействия проявлениям неофашизма» (в КВП 2013, 2016 и 2023 г. – неонацизма), «...расовой дискриминации, агрессивного национализма, антисемитизма и ксенофобии, попыткам подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны»³³. Его появление в КВП говорило о том, насколько серьёзно была воспринята Россией эта проблема.

³³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента от 12.07.2008 № 1440) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.07.2023).

КВП 2013 и 2016 гг. также призывали к «деполитизации исторических дискуссий» и их переводу в академическое русло (2013 г.).

Новое звучание в КВП 2008 г. получили вопросы, связанные с сохранением духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, защитой прав соотечественников. Формулировка «Русский мир» используется в КВП 2008 и 2023 гг. и определяется в первом случае как «многомиллионная русская диаспора»³⁴, а во втором – как «цивилизационная общность»³⁵, ядром которой является Россия. В концепциях 2013 и 2016 гг. был определён регион, на котором стоит сконцентрироваться при развитии культурных и гуманитарных связей, – «славянские народы». В целом по мере осознания значимости фактора общественного мнения, возможностей воздействия на гражданское общество в документах России всё большее внимание уделялось вопросам распространения и укрепления русского языка в мире, консолидации русской диаспоры. При этом фактически соотечественники и всё русскоговорящее население рассматривалось как носители общего культурно-исторического наследия и инструмент продвижения российского влияния в странах их проживания – преимущественно постсоветских.

Что касается региональных приоритетов внешней политики России, постсоветским государствам каждый раз уделялось наибольшее внимание. На стратегическом уровне акцентировалась важность и двустороннего, и многостороннего сотрудничества, подчёркивалось, что отношения будут «принципиально новыми, равноправными и взаимовыгодными»³⁶, нацелены на достижение добрососедства³⁷. Можно сделать вывод, что предпринимались усилия для того, чтобы максимально купировать упомянутую в КВП 1993 г. «аллергию» партнёров по СНГ на возобновление тесного сотрудничества с Россией.

В КВП 2008 г. новые акценты расставлялись, исходя из структурных сдвигов в мировой экономике, а также с учётом произошедшего с момента принятия предыдущей КВП развития многостороннего и интеграционного сотрудничества постсоветских государств в рамках Союзного государства,

³⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента от 12.07.2008 №1440) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁶ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23.04.1993). Раздел «Приоритеты и принципы внешней политики» // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

³⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 28.06.2000) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

ЕврАзЭС, ОДКБ, СНГ в целом и ШОС. «Стратегическое партнёрство» и «союзнические отношения» предлагались теперь только «тем государствам, которые готовы к этому»³⁸. Начиная с КВП 2013 г., разделы, посвящённые взаимодействию России с постсоветскими государствами, в части, касающейся предлагаемых многосторонних форматов сотрудничества, стали подробными, что говорило как о том, что интеграция действительно стала «разноуровневой и разноскоростной», так и о заочной полемике российских инициатив с инициативами ЕС, получившими развитие в это же время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевыми задачами при реализации своей политики в отношении постсоветских государств Россия считала создание «пояса добрососедства» из сопредельных государств, гарантирующего безопасность её границ, поддержку соотечественников, укрепление позиций русского языка и сохранение культурно-исторического наследия, развитие дву- и многостороннего взаимодействия.

Фактор внешней политики ЕС на восточном направлении нашёл своё отражение лишь в российской КВП 2013 г. До этого времени политика ЕС для России оставалась в тени её внутривнутриполитических трудностей 1990-х – начала 2000-х гг. и структурных изменений, которые происходили в системе международных отношений.

С 2009 г. ЕС представлял свою восточную политику как альтернативу политике России и рассматривал её в контексте своих отношений с Россией. Россия начала воспринимать политику ЕС в качестве проблемы для своей политики на постсоветском пространстве только после того, как Брюссель в 2010-е гг. предложил постсоветским государствам подписание соглашений, ограничивающих их возможности сблизиться с Москвой.

Основные изменения, которые были внесены в КВП России после активизации политики ЕС на постсоветском направлении, – это более активное продвижение интеграционных проектов с российским участием, расширение международного гуманитарного сотрудничества и противодействие получившим распространение в том числе и в странах ближнего зарубежья неонацизму, агрессивному национализму, антисемитизму и ксенофобии, попыткам подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны. По-видимому,

³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента от 12.07.2008 №1440) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 12.02.2013 № Пр-251) // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50481108_25700509.pdf (дата обращения: 10.07.2023). В Концепции 2016 г. указывались конкретные государства, которые являются стратегическими партнёрами и союзниками России – прим. авт.

экономическая интеграция с ЕС, переориентирование общественного мнения и притеснение соотечественников и русского языка националистически настроенными группами, поддерживаемыми извне, вызывали наибольшее неприятие у России.

Между тем упоминание деятельности недружественных государств и их объединений, которая подрывает российскую политику на постсоветском пространстве, появилось лишь в КВП 2023 г. Ни в одной из предыдущих КВП об этом открыто не говорилось. Несмотря на очевидный рост напряжённости между ключевыми участниками международных отношений, в своих КВП 2008, 2013 и даже 2016 гг. Россия предлагала рассматривать Евро-атлантическое пространство в целом как зону сотрудничества России, Европейского союза и США.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.07.2023

Статья размещена на сайте: 24.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.
2. Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер: [сайт]. 2013. № 8. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 10.07.2023).
3. Гомар Т. Евросоюз и Россия: в поисках равновесия между геополитикой и регионализмом [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gomartwsrusse_1.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
4. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. 239 с.
5. Шишкина О. В. Конкуренция России и ЕС как ключевых внешнеполитических партнеров Белоруссии, Молдавии, Украины // Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике: сборник трудов конференции, Москва, 05–06 декабря 2012 г. / отв. ред. Ю. Д. Квашнин, Н. В. Тоганова, С. В. Уткин. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 127–133.
6. Beckley M. The Power of Nations // *International Security*. 2018. Vol. 43. № 2. P. 7–44.
7. Bildt C. Russia, the European Union and Eastern Partnership [Электронный ресурс]. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/Riga_papers_Carl_Bildt.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
8. Emerson M. EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy [Электронный ресурс] // CEPS Policy Brief. 2005. № 71. URL: <https://>

- www.files.ethz.ch/isn/25727/71_Four%20Common%20Spaces.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
9. Ikenberry G. J. The Future of International Leadership // *Political Science Quarterly*. 1996. Vol. 111. № 3. P. 385–402.
 10. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70. № 1. P. 23–33.
 11. Layne Ch. The U. S. – Chinese Power Shift and the End of Pax Americana // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. № 1. P. 89–111.
 12. Mearsheimer J. Bound to fail // *International Security*. 2019. Vol. 43. № 4. P. 7–50.
 13. Tocci N. The European Union as a Normative Foreign Policy Actor [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/282567808_The_European_Union_as_a_Normative_Foreign_Policy_Actor (дата обращения: 10.07.2023).
 14. Vimont P. The Path to an Upgraded EU Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/Vimont_EU_Foreign_Policy_Posting.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

REFERENCES

1. Bogaturov A. D. [Pluralistic unipolarity and Russian interests]. In: *Svobodnaya Mysl* [Free thought], 1996, no. 2, pp. 25–36.
2. Gerasimov V. [The value of science is foresight]. In: *Voenno-promyshlennyy kur'er* [Military industrial courier], 2013, no. 8. Available at: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (accessed: 10.07.2023).
3. Gomar T. *Evrosoyuz i Rossiya: v poiskakh ravnovesiya mezhdru geopolitikoi i regionalizmom* [The European Union and Russia: in search of a balance between geopolitics and regionalism]. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gomartwsrusse_1.pdf (accessed: 10.07.2023).
4. Primakov E. M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost' [A world without Russia? What does political myopia lead to?]*. Moscow, Rossijskaya gazeta Publ., 2009. 239 p.
5. Shishkina O. V. [Competition between Russia and the EU as key foreign policy partners of Belarus, Moldova, and Ukraine]. In: Kvashnin Yu. D., Toganova N. V., Utkin S. V., eds. *Konkurentsia i konfliktnost' v mirovoi ekonomike i politike: sbornik trudov konferentsii, Moskva, 05–06 dekabrya 2012 g.* [Competition and conflict in the global economy and politics: collection of conference proceedings, Moscow, December 05–06, 2012]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2013, pp. 127–133.
6. Beckley M. The Power of Nations. In: *International Security*, 2018, vol. 43, no. 2, pp. 7–44.
7. Bildt C. Russia, the European Union and Eastern Partnership. Available at: https://ecfr.eu/archive/page/-/Riga_papers_Carl_Bildt.pdf (accessed: 10.07.2023).

8. Emerson M. EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy. In: *CEPS Policy Brief*, 2005, no. 71. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/25727/71_Four%20Common%20Spaces.pdf (accessed: 10.07.2023).
9. Ikenberry G. J. The Future of International Leadership. In: *Political Science Quarterly*, 1996, vol. 111, no. 3, pp. 385–402.
10. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. In: *Foreign Affairs*, 1990, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
11. Layne Ch. The U. S. – Chinese Power Shift and the End of Pax Americana. In: *International Affairs*, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 89–111.
12. Mearsheimer J. Bound to fail. In: *International Security*, 2019, vol. 43, no. 4, pp. 7–50.
13. Tocci N. The European Union as a Normative Foreign Policy Actor. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282567808_The_European_Union_as_a_Normative_Foreign_Policy_Actor (accessed: 10.07.2023).
14. Vimont P. The Path to an Upgraded EU Foreign Policy. Available at: https://carnegiendowment.org/files/Vimont_EU_Foreign_Policy_Posting.pdf (accessed: 10.07.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шишкина Ольга Владимировна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: shishkina.o.v@gmail.com

Olga V. Shishkina – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: shishkina.o.v@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Шишкина О. В. Внешняя политика России на постсоветском направлении: ответы на восточную политику Европейского союза // *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shishkina O. V. Russian foreign policy in the post-soviet direction: responses to the eastern policy of the European union. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 324

Щербаков И. Э.*Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина
620075, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, Российская Федерация*

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление специфики, особенностей и факторных взаимосвязей электорального процесса на выборах губернатора Свердловской области в 2022 г.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал контент-анализ, использовались инвент-анализ и сравнительный метод.

Результаты. Проведён анализ акторной структуры и политических сил электорального процесса. Проанализирована динамика электоральной явки избирателей. Выявлены муниципалитеты с высокой процентной долей поддержки власти и оппозиции. Установлена стоимость голоса одного избирателя для кандидатов. По итогам исследования представлена авторская интерпретация результатов.

Практическая значимость. Определена специфика выборов губернатора Свердловской области 2022 г. Предлагается возможным использовать тезисы исследования в научно-практических целях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

выборы губернатора, политические акторы, Свердловская область, электоральный абсентеизм, электоральный процесс, явка избирателей

СТРУКТУРА

Введение

Акторная структура и расстановка политических сил электоральной кампании в Свердловской области 2022 г.

Региональные электоральные тренды

Заключение

I. Shcherbakov*Ural Federal University
ul. Lenina 51, Yekaterinburg 620075, Sverdlovsk Region, Russian Federation*

THE ELECTORAL PROCESS SPECIFICS ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION GOVERNOR'S ELECTION

ABSTRACT

Aim. To identify the specifics, features and factor relationships of the electoral process in the election of the governor of the Sverdlovsk region in 2022.

Methodology. Content analysis has become the key research method; event analysis and comparative method are also used.

Results. The analysis of the actor structure and political forces of the electoral process is carried out. The dynamics of the electoral turnout of voters is analyzed. Municipalities with a high percentage of government and opposition support have been identified. The elector's vote cost for candidates has been set. Based on the results of the study, the author's interpretation of the results is presented.

Research implications. The practical significance is in determining the specifics of the election of the Sverdlovsk region governor's election in 2022. It seems possible to use the research theses for scientific and practical purposes.

KEYWORDS

electoral absenteeism, electoral process, governor elections, political actors, Sverdlovsk region, voter turnout

ВВЕДЕНИЕ

Термин «электоральный процесс» обозначает сложный и многомерный феномен. В отечественной и зарубежной литературе не существует единого подхода к определению научной сущности электорального процесса.

Анализ научной литературы по данной тематике позволяет определить круг учёных, предметом исследовательского интереса которых выступает электоральный процесс: С. Липсет, С. Роккан [13], П. Лазарсфельд [12], М. Фиорина [10]. Они обращают внимание на различные аспекты исследуемого феномена. Их труды легли в основу трёх главных методологических направлений в области электоральных исследований: социологического, социально-психологического, экономического. В работах исследуются различные факторы, формирующие базовые ориентации граждан, среди которых социальные и демографические критерии, политическая идентификация, мотивы голосования, влияние электоральных технологий. Кроме этого, А. Маурер делает акцент на использовании новых электоральных технологий и цифровизации электорального процесса [14]. С. Хоболт рассматривает электоральный процесс на примере феномена «Брэксит», изучая мотивы электорального поведения избирателей [11].

Среди отечественных исследований необходимо выделить работы А. В. Баранова [1], А. В. Кынева [4], А. И. Разинской [8], Е. Г. Морозовой [5], Р. В. Близняка [2] и др., в которых анализируется российская практика электоральных процессов.

Вместе с тем электоральный процесс трактуется как совокупность действий, явлений и событий, которые происходят в процессе взаимодействия электоральных акторов по поводу выборов как в предвыборный, так и в избирательный периоды [2, с. 74–75]. Результатом электорального процесса является легитимное формирование органов государственной власти.

Единый день голосования в 2022 г. включил в себя электоральные кампании глав субъектов Федерации в четырнадцати регионах России. Так, вы-

боры прошли во Владимирской, Тамбовской, Ярославской, Томской, Кировской, Саратовской, Рязанской, Калининградской, Новгородской, Свердловской областях, Республиках Марий Эл, Бурятия, Карелии, Удмуртии.

Однако в данной статье наше внимание будет обращено к выборам губернатора Свердловской области, поскольку регион оказался единственным субъектом страны, в котором действующий глава Е. Куйвашев переизбран на должность губернатора третий раз подряд.

Настоящее исследование призвано выявить особенности электорального процесса на конкретном примере вышеупомянутых выборов губернатора Свердловской области в 2022 г. Для того, чтобы добиться заявленной исследовательской цели, произведён анализ акторной структуры и политических сил, динамики электоральной явки избирателей, а также муниципалитетов региона с высокой процентной долей поддержки власти и оппозиции.

АКТОРНАЯ СТРУКТУРА И РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАМПАНИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 2022 Г.

Согласно данным, опубликованным избирательной комиссией Свердловской области, официально зарегистрированных кандидатов признано пять¹:

– Куйвашев Евгений Владимирович, «Единая Россия», назначен на пост губернатора Свердловской области в 2012 г., на момент проведения выборов 2022 г. управлял регионом на протяжении десяти лет;

– Ивачёв Александр Николаевич, КПРФ, депутат Законодательного собрания Свердловской области VII и VIII созывов, первый секретарь Свердловского обкома КПРФ, член президиума ЦК КПРФ;

– Кузнецов Андрей Анатольевич, СРПЗП, депутат Государственной Думы VIII созыва, председатель совета регионального отделения партии, член президиума СРПЗП;

– Дёмин Александр Вячеславович, «Новые люди», депутат Государственной Думы VIII созыва;

– Каптюг Александр Николаевич, ЛДПР, депутат Законодательного собрания Свердловской области VIII созыва, координатор Свердловского регионального отделения политической партии ЛДПР.

Стоит отметить, что задолго до начала кампании преимущества Е. Куйвашева в политическом, административном и ресурсном отношении являлись очевидными. Будучи губернатором с 2012 г., он укреплял собственный политический вес как перед федеральным центром, так и перед региональными элитами [7, с. 2], выстроил доверительные отношения с крупными бизнес-структурами региона: УГМК, РМК, «Сима-ленд» и др. Кроме этого, в январе

¹ Выборы Губернатора Свердловской области 11 сентября 2022 года // Избирательная комиссия Свердловской области: [сайт]. URL: <http://sverdlovsk избирком.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov> (дата обращения: 17.03.2023).

2022 г. он был избран секретарём регионального отделения партии власти, что позволило ему консолидировать как административную, так и политическую власть в Свердловской области. Отдельно обратим внимание на тот факт, что кандидатура действующего губернатора была одобрена Президентом России В. В. Путиным в ходе онлайн-совещания незадолго до начала проведения избирательной кампании². Исходя из вышеупомянутого, а также ввиду отсутствия в регионе несистемной оппозиции объективных причин, которые могли бы помешать переизбранию Е. Куйвашева, не было.

В связи с этим мы полагаем, что никто из кандидатов не представлял возможным проведения конкурентной кампании. Следовательно, соперники Е. Куйвашева преследовали собственные цели участия в электоральной борьбе.

Главным и наиболее оппозиционным конкурентом действующего губернатора выступил представитель системной оппозиции от КПРФ А. Ивачёв. На выборах в свердловский парламент 2021 г. он победил в одномандатном избирательном округе влиятельного бизнесмена и представителя партии власти В. Савельева, что повлияло на укрепление аппаратного веса коммуниста в партии. По нашему мнению, впоследствии это предоставило А. Ивачёву возможность участвовать в качестве кандидата от КПРФ на выборах свердловского губернатора. Однако мы обратили внимание, что никто из первых должностных лиц компартии во время избирательного цикла не посетил Средний Урал для электоральной поддержки коммуниста. Мы считаем, что высшее руководство КПРФ не видело перспектив для смены политической конъюнктуры региона, о чём также свидетельствует незначительный избирательный фонд кампании кандидата. Предполагаем, что основными целями участия А. Ивачёва в кампании явились: утверждение собственной фигуры в качестве лидера свердловских коммунистов; необходимость оправдать доверие центрального органа партии, поскольку свердловский коммунист пользуется поддержкой Ю. Афонина, первого заместителя председателя ЦК КПРФ. Кроме этого, участие А. Ивачёва в губернаторской кампании могло способствовать будущим договорённостям между властью и системной оппозицией перед выборами в Екатеринбургскую городскую Думу 2023 г.

Позиции кандидатов от СРПЗП, «Новых людей» и ЛДПР, по-нашему мнению, являются схожими. Никто из них не вызывал серьёзных опасений в качестве оппонентов действующему главе. В отличие от представителя КПРФ, кандидаты от вышеупомянутых партий избраны в законодательные органы власти по партийным спискам, следовательно, малоизвестны широкому кругу избирателей. Вместе с тем ряд исследований демонстрирует данные о том, что граждане предъявляют высокие требования к идеальному образу российского государственного служащего или депутата [9, с. 11], а слабая узна-

² Путин одобрил выдвижение Куйвашева на новый срок // Уралинформбюро – информационное агентство: [сайт]. URL: <https://www.uralinform.ru/news/politics/351097-putin-odobril-vydvizhenie-kuivasheva-na-novyi-srok> (дата обращения: 17.03.2023).

ваемость в глазах электората не может обеспечить эффективного результата в данной категории. В этой связи губернаторская избирательная кампания является эффективным инструментом для повышения узнаваемости кандидатов в регионе и лоббирования партийных инициатив. В случае СРПЗП и ЛДПР были также выдвинуты председатели региональных партийных отделений. «Новые люди» в качестве кандидата представили новоизбранного депутата Госдумы от региональной группы А. Дёмина, который является уроженцем Ростовской области. Вышеупомянутым фактом успешно оперировали его оппоненты, ассоциируя А. Дёмина с негативной коннотацией «варяг».

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Выборы губернатора Свердловской области в 2022 г. продемонстрировали низкую избирательную явку с результатом 28,47%. При сравнении по этому показателю с остальными субъектами РФ, где в 2022 г. прошли выборы глав регионов, Средний Урал занял 12 место из 14 субъектов страны, опередив Республику Карелия – 27,94% – и Ярославскую область – 26,66%. Основываясь на результатах явки, необходимо обратить внимание на то, что от общего числа избирателей, внесённых в список на момент окончания голосования, процент поддержки действующего губернатора составил 18,7%, а его оппоненты не набрали выше 0,36% (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты выборов губернатора Свердловской области 2022 г. / The Sverdlovsk region governor election results in 2022

Кандидаты	Абсолютное число голосов	Процент от явки	Процент от общего числа избирателей
Е. Куйвашев (ЕР)	618617	65,78 %	18,7%
А. Ивачёв (КПРФ)	121351	12,90%	0,36%
А. Кузнецов (СРПЗП)	86047	9,15%	0,26%
А. Дёмин («Новые люди»)	60883	6,47%	0,18%
А. Каптюг (ЛДПР)	29857	3,17%	0,09%

Источник: подсчитано автором на основании результатов выборов, опубликованных Избирательной комиссией Свердловской области. Избирательная комиссия Свердловской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sverdlovsk.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 14.03.2023)³.

³ Здесь и далее.

Таблица 2 / Table 2

Динамика электоральной явки на выборах губернатора Свердловской области / Electoral turnout dynamics in the Sverdlovsk region governor election

Показатель	2017 г.	2022 г.	Разница
Явка	37,31%	28,47%	- 8,84%
Абсолютное число голосов (Е. Куйвашев)	788 942	618 617	- 170 325
Процент	62,16	65,78	+ 3,62

Сравнивая результаты выборов губернатора Свердловской области 2017 и 2022 гг. (табл. 2), отметим, что явка избирателей в регионе снизилась с 37,31% до 28,47%, а в абсолютном числе голосов на 170,3 тыс. человек. Полагаем, что растущий тренд на электоральный абсентеизм свердловчан, представляющий форму электорального поведения, проявляющуюся в неучастии в выборных процедурах [3, с. 204], может быть обусловлен несколькими причинами. С одной стороны, в 2022 г. внешнеполитическая повестка заняла ключевое место в медиапространстве и переключила внимание электората. С другой стороны, протестные настроения жителей Среднего Урала за предшествующие выборам несколько лет выражены крайне слабо. Последней конфликтной точкой между властью и обществом, зафиксированной в регионе, стали споры о строительстве храма на территории сквера Екатеринбурга в 2019 г. В связи с этим можем предположить, что избиратель намеренно проигнорировал выборы, доверяя курсу нынешнего руководства области. Кроме этого, кандидаты от системной оппозиции показали сравнительно низкие результаты, следовательно, не воспринимались избирателями как альтернатива действующему главе. При этом, учитывая снижение избирательной явки, доля поддержки Е. Куйвашева в процентном соотношении увеличилась с 62,16% до 65,78%.

Таблица 3 / Table 3

Результаты основных конкурентов Е. Куйвашева на выборах губернатора Свердловской области в 2017 г. и в 2022 г. / E. Kuivashev's main competitors' results in the Sverdlovsk region governor election in 2017 and in 2022

Кандидат	А. Парфёнов (КПРФ) 2017 г.	А. Ивачёв (КПРФ) 2022 г.	Разница
Абсолютное число голосов	147 571	121 351	- 26220
Процент	11,64%	12,9%	+ 1,26%

Принимая во внимание тезис о снижении явки, мы также наблюдаем снижение доли поддержки у кандидата от КПРФ А. Ивачёва, сравнивая с результатом его предшественника А. Парфёнова в 2017 г. (табл. 3). Процентное соотношение коммунистов, аналогично результату главы региона в 2022 г., продемонстрировало незначительный прирост.

Таблица 4 / Table 4

"Стоимость голоса" одного избирателя на выборах губернатора Свердловской области 2022 г. / The elector's vote cost in the Sverdlovsk region governor election in 2022

Кандидат	Избирательный фонд кампании (тыс. руб.)	Кол-во избирателей, проголосовавших за кандидата	Стоимость голоса одного избирателя (руб.)
А. Дёмин (НЛ)	25000	60833	410,9
А. Ивачёв (КПРФ)	7956	121351	65,5
А. Кузнецов (СРПЗП)	6671,5	86047	77,5
А. Каптюг (ЛДПР)	3099	29857	103,7
Е. Куйвашев (ЕР)	45000	618617	72,7

Данные таблицы 4 подтверждают сформулированный ранее тезис о том, что Е. Куйвашев обладал наиболее значимыми ресурсами, в том числе финансовыми, чем у его оппонентов. Итоговый финансовый отчёт кандидатов показал, что четыре оппонента главы региона в сумме обладали меньшим бюджетом, чем действующий губернатор. При этом стоит отметить, что голос одного избирателя Е. Куйвашева "стоил" 72,7 руб., что позволяет оценить расходование средств его избирательного фонда как эффективное. Однако наиболее совершенный результат в данной пропорции продемонстрировал коммунист А. Ивачёв, "затратив" на голос избирателя лишь 65,5 руб. Основываясь на повестке кандидата от КПРФ, мы можем сделать вывод, что коммунист эффективно аккумулировал протестный электорат региона за счёт критики курса действующего руководства Свердловской области. А. Ивачёв представил агитационные материалы под лозунгом «вернём область свердловчанам»⁴. В программе коммуниста также очевидным образом прослеживались конкретные претензии в адрес областного руководства. В частности, управление действующей команды области он охарактеризовал как «губительную монополию

⁴ Обзор наглядной агитации на выборах губернатора Свердловской области // E1.ru – российское сетевое издание. URL: <https://www.e1.ru/text/politics/2022/08/17/71575577> (дата обращения: 15.03.2023).

“Единой России”⁵. Тем не менее, принимая во внимание, что КПРФ является системной оппозицией, а упомянутые электоральные технологии являются для коммунистов традиционной партийной линией, методы ведения кампании А. Ивачёва не представили для результата Е. Куйвашева значимых электоральных угроз.

Самый неэффективный подход к использованию избирательного бюджета оказался у кандидата от партии «Новые Люди» А. Дёмина. Голос его избирателя “стоил” 410,9 руб. В результате этого можно сделать вывод о слабых компетенциях его избирательного штаба в конкретной кампании, о непопулярности партии в регионе среди всех электоральных групп, помимо молодежи. Это также может быть связано со слаборазвитой структурой местных отделений в Свердловской области, а следовательно, с работой представителей НЛ на местах.

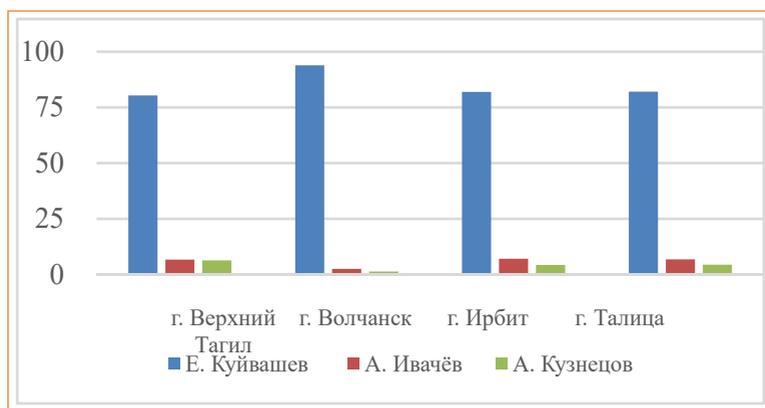

Рис. 1 / Fig. 1. Муниципалитеты Свердловской области с высокой долей электоральной поддержки Е. Куйвашева (% от явки) / Municipalities of the Sverdlovsk region with a high share of electoral support of E. Kuyvashev (% of turnout)

Источник: Избирательная комиссия Свердловской области, результаты выборов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sverdlovsk.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 18.03.2023).

Анализируя результаты избирательной кампании, мы выделили муниципалитеты региона, в которых Е. Куйвашев получил наибольший процент голосов (рис. 1). Высокий процент поддержки может обуславливаться тем, что отмеченные муниципалитеты находятся под административным контролем «Единой России». Поскольку они входят в одномандатные избиратель-

⁵ Александр Ивачёв выдвинут кандидатом в губернаторы Свердловской области от КПРФ // Свердловское областное отделение коммунистической партии Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.kprf-sverdlovsk.ru/news/party-life/4499-aleksandr-ivachjov-vydvinit-kandidatom-v-gubernatory-sverdlovskoj-oblasti-ot-kprf> (дата обращения: 15.03.2023).

ные округа, где кандидаты от ЕР победили на выборах в ЗССО и ГД ФС РФ в 2021 г., значит, в отмеченных территориях эффективно функционирует аппарат партии власти, что напрямую отразилось на результатах. Никому из кандидатов в губернаторы от оппозиции не удалось набрать и 10% ни в одном из указанных муниципалитетов, а в ряде их – даже в сумме.

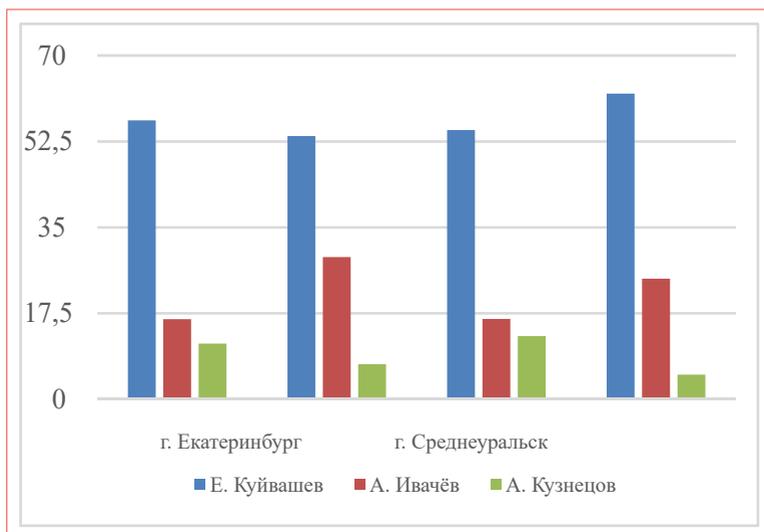

Рис. 2 / Fig. 2. Муниципалитеты Свердловской области с высокой долей электоральной поддержки оппозиционных кандидатов (% от явки) / Municipalities of the Sverdlovsk region with a high share of electoral support for opposition candidates (% of turnout)

Источник: Избирательная комиссия Свердловской области, результаты выборов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sverdlovsk.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 18.03.2023).

На рисунке 2 показаны муниципалитеты с высокой долей поддержки кандидатов от оппозиции. Отметим, что ни в одном из муниципалитетов области результат действующего главы региона не опустился ниже 53%. Наиболее конкурентный результат, который сумели противопоставить соперники Е. Куйвашеву, зафиксирован в Пышминском ГО, где А. Ивачёв набрал 28,95%. Полагаем, это может быть связано с эффективной полевой работой, проведённой КППФ на данной территории [6, с. 3]. Примечательно, что в Екатеринбурге, который традиционно считается оппозиционным, электорат повёл себя лояльно к действующему главе, чей средний результат составил 56,8%.

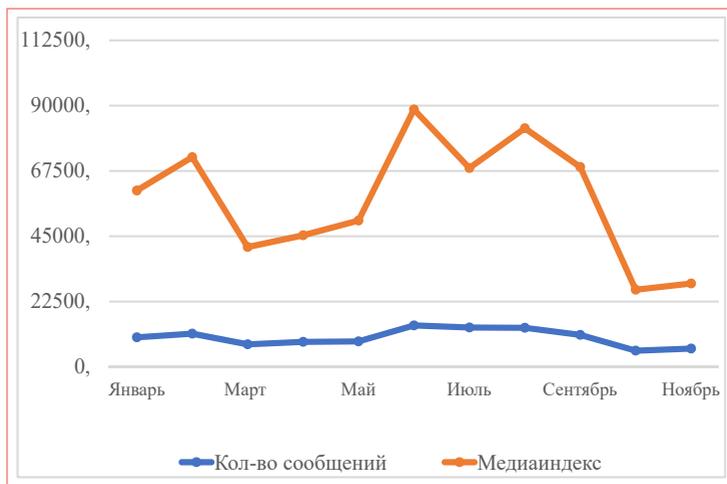

Рис. 3 / Fig. 3. Медиарейтинг Е. Куйвашева по количеству сообщений и медиаиндексу в 2022 г. / E. Kuyvashev's media rating by the number of messages and media index in 2022

Источник: Медиалогия, главы регионов в соцмедиа 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/11791> (дата обращения: 13.03.2023).

На основании проведённого анализа медиарейтинга Е. Куйвашева (рис. 3) мы можем утверждать, что пик его медиаактивности в 2022 г. пришёлся именно на активную часть избирательной кампании, с июня по август: увеличился показатель количества сообщений и медиарейтинг. Кроме этого, Е. Куйвашев занял первое место в медиарейтинге среди губернаторов УрФО и одиннадцатое место – среди губернаторов РФ в общем рейтинге за 2022 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, считаем важным отметить основные выводы о специфике электорального процесса в Свердловской области в 2022 г.:

1) Е. Куйвашев являлся единственным реальным кандидатом на победу, которая, очевидно, была обеспечена ещё до начала кампании. При этом избирательному штабу главы региона удалось эффективно использовать набор электоральных инструментов и мобилизовать лояльный электорат. Низкая явка в регионе не отразилась на результате действующего главы в процентном соотношении и не препятствовала его переизбранию на должность губернатора Свердловской области;

2) снижение избирательной явки может быть обусловлено рядом причин: с одной стороны, переориентацией внимания электората на внешне-

политическую повестку, с другой стороны, отсутствием конфликтных точек между властью и обществом в регионе;

3) итоговые низкие результаты кандидатов от оппозиционных партий прежде всего объясняются отсутствием перспектив проведения конкурентной кампании. Следовательно, каждый из оппонентов главы региона выполнял собственную задачу участия в электоральном процессе: повышение узнаваемости среди избирателей; продвижение партийных политических инициатив; укрепление партийного аппаратного веса в качестве значимых политических фигур в Свердловской области;

4) вышеупомянутый тезис подтверждают слабые финансовые вложения в избирательные фонды кандидатов. Суммарно они не превысили бюджета кампании Е. Куйвашева. Однако А. Ивачёву удалось эффективнее других распорядиться финансовыми средствами. Результат А. Ивачёва также подчёркивает тот факт, что КПРФ ассоциируется с наиболее оппозиционной партией в регионе;

5) результаты голосования в отмеченных муниципалитетах свидетельствуют о лояльном отношении избирателей к курсу управления Е. Куйвашева, а также о непопулярности кандидатов от системной оппозиции;

Таким образом, специфика электорального процесса в Свердловской области в 2022 г. обусловлена доминированием партии власти в региональной политической конъюнктуре, неконкурентной избирательной кампанией для системной оппозиции и значительным снижением избирательной явки.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.04.2023

Статья размещена на сайте: 04.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. В. Электоральные процессы в России на федеральном и региональном уровнях: эффекты избирательной системы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2. С. 239–243.
2. Близняк Р. З. «Электоральный процесс» vs «избирательный процесс»: к вопросу об оптимизации понятий // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 2. С. 70–76.
3. Керимов А. А., Луговцов М. М. Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 2. С. 202–206.
4. Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.

5. Морозова Е. Г. Электоральный менеджмент: учебное пособие. М.: РЦО-ИТ, 2002. 232 с.
6. Мухаметов Р. С. Особенности электорального поведения жителей Свердловской области // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 182–187.
7. Мухаметов Р. С. Политические процессы в Свердловской области при губернаторе Е. Куйвашеве // *Studia Humanitatis*: [сайт]. 2016. № 4. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 18.03.2023).
8. Разинская А. И. Электоральный процесс в России: его особенности и возможности влияния на развитие демократии в стране // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С. 122–134.
9. Рогач Н. Н. Депутат Государственной Думы в восприятии российских граждан: идеальные представления и существующие реалии // Полилог: [сайт]. 2021. Т. 5. № 3. URL: www.polylogos-journal.ru (дата обращения: 18.03.2023).
10. Fiorina M. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 288 p.
11. Hobolt S. B. Brexit and the 2017 UK General Election // *Journal of Common Market Studies*. 2018. № 56. P. 39–50.
12. Lazarsfeld P. An episode in the history of social research // Fleming D., Bailyn B., eds. *Perspectives in American history*. Cambridge, MA: Harvard University, 1968. P. 270–337.
13. Lipset S. *Party Systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press, 1967. 554 p.
14. Maurer A. D. New technologies in the electoral cycle. Guidance from the Council of Europe: a reworked version of the report dated September 2019 submitted to CDDG [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b> (дата обращения: 29.03.2023).

REFERENCES

1. Baranov A. V. [Federal and local electoral processes in Russia: effects of electoral system]. In: *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2013, no. 4-2, pp. 239–243.
2. Bliznyak R. Z. ["Electoral process" vs "selective process": the issue of concepts optimization]. In: *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2010, no. 2, pp. 70–76.
3. Kerimov A. A., Lugovtsov M. M. [Political protest: theoretical and methodological approaches and interpretations]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 202–206.

4. Kynev A. V. *Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniymi* [Governors in Russia: between elections and appointments]. Moscow, Fond «Liberal'naya missiya» Publ., 2020. 1030 p.
5. Morozova E. G. *Elektoral'nyi menedzhment* [Electoral management]. Moscow, RTSOIT Publ., 2002. 232 p.
6. Mukhametov R. S. [Features of electoral preferences of residents of the Sverdlovsk region]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2014, vol. 129, no. 3, pp. 182–187.
7. Mukhametov R. S. [Political processes in the Sverdlovsk region under the governor E. Kuivashhev]. In: *Studia Humanitatis*, 2016, no. 4. Available at: www.st-hum.ru (accessed: 18.03.2023).
8. Razinskaia A. I. [The election process in Russia: its features and possibilities to influence the democracy development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 4, pp. 122–134.
9. Rogach N. N. [The deputy of the State Duma in perception of Russian citizens: ideal representations and reality]. In: *Polilog* [Polylogos], 2021, vol. 5, no. 3. Available at: www.polylogos-journal.ru (accessed: 18.03.2023).
10. Fiorina M. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven, Yale University Press, 1981. 288 p.
11. Hobolt S. B. Brexit and the 2017 UK General Election. In: *Journal of Common Market Studies*, 2018, no. 56, pp. 39–50.
12. Lazarsfeld P. An episode in the history of social research. In: Fleming D., Bailyn B., eds. *Perspectives in American history*. Cambridge, MA, Harvard University, 1968, pp. 270–337.
13. Lipset S. *Party Systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York, Free Press, 1967. 554 p.
14. Maurer A. D. *New technologies in the electoral cycle. Guidance from the Council of Europe: a reworked version of the report dated September 2019 submitted to CDDG*. Available at: <https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b> (accessed: 29.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щербаков Илья Эдуардович – аспирант кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина; e-mail: ilya.shcherbakov@urfu.ru

Ilya E. Shcherbakov – Postgraduate student, Political Science and Sociology Department, Ural Federal University; e-mail: ilya.shcherbakov@urfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Щербаков И. Э. Специфика электорального процесса на примере выборов губернатора Свердловской области // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shcherbakov I. E. The electoral process specifics on the example of the Sverdlovsk region governor's election. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 37.015.31

Казанцева О. А., Гурьянова Т. А.*Алтайский государственный педагогический университет
656031, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодёжная, д. 55, Российская Федерация*

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ роли воспринимаемой социальной поддержки и произвольной регуляции в психологическом благополучии подростков-правонарушителей и подростков, проживающих в семьях в социально опасном положении.

Процедура и методы. В ходе эмпирического исследования на выборке из 82 подростков мужского пола от 11 до 17 лет проведена диагностика с помощью шкалы воспринимаемой социальной поддержки MSPSP Д. Зимета, шкалы для изучения произвольной регуляции в подростковом возрасте Т. О. Риппинен, шкалы воспринимаемого стресса (ШВС-Д) Б. П. Уайт и многомерной шкалы удовлетворённости жизнью школьников (ШУДЖИ). В ходе обработки результатов использовались корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты. Установлено, что школьное благополучие зависит лишь от произвольной регуляции, а удовлетворённость собой, отношениями в семье и с друзьями зависит от воспринимаемой социальной поддержки и произвольной регуляции. При контроле воспринимаемой поддержки и произвольной регуляции вклад воспринимаемого стресса в благополучие становится незначимым, что указывает на вероятную важность этих ресурсов для совладания со стрессом и снижения его влияния на благополучие.

Теоретическая и практическая значимость. Уточнены теоретические представления о роли социальной поддержки и произвольной регуляции на особой выборке подростков; подтверждён важный для практической деятельности вывод о решающем значении произвольной регуляции в школьном благополучии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

воспринимаемая социальная поддержка, воспринимаемый стресс, подростки в трудной жизненной ситуации, произвольная регуляция, психологическое благополучие, удовлетворённость жизнью

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят за оказанную помощь и поддержку начальника центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей Главного управления МВД РФ по Алтайскому краю Л. Д. Лисафину, директора КГБОУ «Алтайская краевая специальная общеобразовательная школа закрытого типа» В. В. Филиппова, заместителя начальника управления по социальной политике Министерства социальной защиты Алтайского края, начальника отдела по вопросам семьи, материнства и детства С. В. Колмыкову.

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Выборка и методы исследования](#)[Результаты](#)[Обсуждение результатов](#)[Заключение](#)**O. Kazantseva, T. Guryanova***Moscow Region State University**ul. Very Volashinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

THE ROLE OF SOCIAL SUPPORT AND EFFORTFUL CONTROL IN THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

ABSTRACT

Aim. To analyze the role of perceived social support and effortful control in the psychological well-being of juvenile delinquents and adolescents in difficult life situations.

Methodology. In the course of empirical research based on a sample of 82 male adolescents from 11 to 17 years old, diagnostics were carried out using the scale of perceived social support MSPSS by D. Zimet, the scale for studying effortful control in adolescence by T.O. Rippinen, Perceived Stress Scale (PSS) by B.P. White, and the multidimensional students' life satisfaction scale (MSLSS). In the course of processing the results, correlation and regression analysis were used.

Results. It is demonstrated that school well-being depends only on effortful control, while self-satisfaction, satisfaction with relationships in the family and with friends depends on perceived social support and effortful control. In the course of controlling perceived support and effortful control the contribution of perceived stress to well-being becomes insignificant, which indicates the likely importance of these resources for coping with stress and reducing its impact on well-being.

Research implications. The study clarifies theoretical ideas about the role of perceived social support and effortful control based on a special sample of adolescents, as well as confirms the conclusion that is important for practice about the decisive role of voluntary regulation in school well-being.

KEYWORDS

teenagers in a difficult life situation, psychological well-being, life satisfaction, effortful control, perceived social support, perceived stress

ACKNOWLEDGMENTS

The research was supported by L.D. Lisafina, the head of the temporary detention center for juvenile offenders of the Head Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Altai Territory; V.V. Filippov, the headmaster of the Regional State Budgetary General Educational Institution "Altai regional special general education school of a closed type"; S.V. Kolmykova, the Deputy Head of the Department for Social Policy of the Ministry of Social Protection of the Altai Territory, Head of the Department for Family Affairs, Motherhood and Childhood.

ВВЕДЕНИЕ

Счастье и благополучие ребёнка не только являются главной заботой добросовестных родителей, но и могут рассматриваться как важный фактор здорового развития личности, приобретающий в этой связи как научное, так и практическое значение. Низкий уровень благополучия подростков может быть, с одной стороны, следствием накопленного негативного жизненного опыта, а с другой стороны, условием совершения девиантных поступков. Дети в трудной жизненной ситуации находятся в центре внимания социальных служб и специалистов в области защиты детства, педагогики, психологии, медицины. Целью данной работы является анализ роли воспринимаемой социальной поддержки и произвольной регуляции в психологическом благополучии подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации: подростков, проживающих в семьях в социально опасном положении, и подростков, совершивших антиобщественные действия до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Хотя субъективное и психологическое благополучие подростков привлекает к себе значительный интерес со стороны психологов [1–3; 8], очень редкими остаются исследования этих явлений на выборках подростков с антиобщественным поведением [13] и подростков, проживающих в семьях, в которых родители не исполняют своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей [10].

Понятия «счастье», «субъективное благополучие», «психологическое благополучие» широко используются в современной психологии для обозначения ряда близких явлений. Обобщая результаты теоретического анализа подходов к психологическому анализу счастья и благополучия, Д. А. Лентьев делает вывод, что субъективное благополучие – это «субъективная шкала, обобщённо оценивающая суммарный баланс положительных и отрицательных эмоций и когнитивных оценок жизни в целом, как она ощущается на данный момент жизни. Счастье выступает как верхнее предельное значение этой шкалы» [4, с. 26]. Он указывает, что ещё в 1976 г. Ф. Эндриус и С. Уизи в составе субъективного благополучия выделили три компонента: удовлетворённость жизнью, позитивные эмоции и негативные эмоции [16]. В дальнейшем благодаря работам Э. Динера и его коллег получила широкую известность концепция, в которой удовлетворённость жизнью выступает в качестве когнитивного компонента субъективного благополучия, а позитивная и негативная эффективность составляют эмоциональный компонент [8]. Удовлетворённость жизнью рассматривается при этом как «глобальная оценка человеком своей жизни» [18].

Понятие «психологическое благополучие», получившее распространение благодаря работам К. Рифф, отличается от понятия субъективного благополучия, указывая, скорее, на те факторы, которые дают возможность достигнуть процветания и счастья, несмотря на возникающие трудности и

сложные жизненные ситуации. По Д. А. Леонтьеву, психологическое благополучие – «это предиктор субъективного благополучия, характеризующий меру зрелости и оптимальности личностных механизмов саморегуляции жизнедеятельности» [4, с. 26]. Близкую к этому явлению реальность описывает предложенное Д. А. Леонтьевым понятие «личностный потенциал» [4].

В работах К. Рифф предложена модель психологического благополучия, описывающая его структуру и положенная в основу соответствующего опросника. Эта модель включает шесть компонентов: автономию, личностный рост, цели в жизни, позитивные отношения, самопринятие и управление средой [19]. Разделяя мнение К. Рифф о важности перечисленных факторов для благополучия и позитивного функционирования личности, хотелось бы вместе с тем подчеркнуть важность анализа позитивной роли других социально-психологических и личностных ресурсов в совладании с жизненными трудностями и достижении субъективного благополучия.

Говоря о психологическом благополучии подростков, можно предположить важнейшую роль одного из ресурсов, близкого к тому, что в модели К. Рифф обозначено как «позитивные отношения» – это социальная поддержка со стороны окружающих людей: семьи, друзей, значимых других. Социальная поддержка имеет значение в любом возрастном периоде, однако её роль особенно велика для детей и подростков [5]. Ребёнок даже в подростковом возрасте является во многом несамостоятельным и зависимым от взрослого, так что наличие социальной поддержки со стороны родителей и значимых других является чрезвычайно важным фактором благополучного развития.

Ещё один важный ресурс благополучия подростков – произвольная регуляция как способность сознательно контролировать поведение и внимание, лежащая в основе саморегуляции [15, с. 81]. Произвольная регуляция может иметь значение для субъективного благополучия подростков ввиду её существенного влияния на учебную деятельность: низкая произвольность зачастую приводит к слабой успеваемости и накоплению проблем в учёбе. В ходе лонгитюдного исследования ранее было показано, что при переходе из начальной школы в среднюю важными ресурсами повышения благополучия детей являются показатели саморегуляции, такие как планирование целей, программирование действий, оценивание их результата и гибкость регуляции [8].

Результаты недавнего систематического обзора более 300 исследований [17] показывают, что произвольная регуляция относится к числу важнейших факторов противоправного и антисоциального поведения. Поведенческие проблемы не только вызывают стресс у подростка, но и ухудшают его отношения со значимыми другими, ослабляя тем самым социальные ресурсы совладания с трудностями. Роль произвольной регуляции особенно важно учитывать в работе с детьми и подростками с трудностями в учебной деятельности и поведении, для которых типичными проблемами являются

вызванные различными причинами отклонения в развитии произвольной сферы [6; 12].

Роль этих ресурсов благополучия может быть связана с тем, что они помогают подросткам совладать с трудными жизненными ситуациями и вызванным ими стрессом. Такое предположение выглядит особенно уместно в отношении социальной поддержки: известно, что использование социальной поддержки рассматривается в качестве одной из конструктивных стратегий совладания [11]. Произвольная регуляция имеет большое значение для активного, деятельного совладания со стрессом, позволяя подростку заставить себя выполнять те необходимые действия, которые не приносят непосредственного улучшения эмоционального состояния, но помогают в преодолении трудностей и достижении долгосрочных целей.

Исследование этих факторов психологического благополучия важно изучить на примере подростков, проживающих в семьях в социально опасном положении, и подростков-правонарушителей. Они по определению находятся в непростых жизненных ситуациях и, по всей видимости, чаще обычных подростков сталкиваются с объективно сложными проблемами, которые невозможно решить самостоятельно, переживая в связи с этим высокий уровень стресса. При этом можно предполагать, что по крайней мере некоторые из подростков этих категорий испытывают дефицит социальной поддержки (ввиду неблагополучия семьи и отношений с родителями) и (или) произвольной регуляции поведения вследствие педагогической запущенности либо проблем органического характера.

На основе проделанного теоретического анализа была выдвинута гипотеза: удовлетворённость жизнью подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях или совершивших правонарушения, связана с воспринимаемой социальной поддержкой и произвольной регуляцией поведения. Одним из механизмов их возможного влияния на удовлетворённость жизнью является использование этих ресурсов для совладания со стрессом.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили 82 подростка в возрасте от 11 до 17 лет (средний возраст $M = 14,15$; стандартное отклонение $SD = 1,80$) мужского пола. Из их числа: 51 респондент являются подростками-правонарушителями, помещёнными по решению суда в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, в основном за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста уголовной ответственности; 31 респондент проживают в семьях, находящихся в социально опасном положении, в которых родители не исполняют своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей, могут злоупотреблять алкоголем, утратили связь с рынком труда, и,

как следствие, семья имеет низкий материальный достаток, родители часто проявляют гипоопеку в воспитании детей, имеют низкий образовательный уровень и низкую родительскую компетентность.

Для оценки удовлетворённости жизнью как показателя субъективного благополучия использовалась многомерная шкала удовлетворённости жизнью школьников (ШУДЖИ) [7]. Методика состоит из 30 утверждений, образующих пять шкал: удовлетворённость отношениями в семье, удовлетворённость школой, удовлетворённость отношениями с учителем, удовлетворённость собой и удовлетворённость отношениями с друзьями. Степень согласия с каждым из утверждений требуется оценить по шкале от 1 – «никогда» до 5 – «всегда». В данном исследовании шкалы показали высокую внутреннюю согласованность: величина коэффициента α Кронбаха лежит в пределах от 0,85 до 0,92.

Диагностика социальной поддержки проводилась с помощью русскоязычной версии многомерной шкалы восприятия социальной поддержки MSPSS Д. Зимета с соавторами в адаптации К. А. Чистопольской с соавторами [9]. Методика состоит из 12 утверждений, составляющих три шкалы: социальная поддержка семьи, социальная поддержка друзей, социальная поддержка от «значимых других». В данной версии используется семибалльная шкала ответов от 1 – «совершенно не согласен» до 7 – «полностью согласен».

Шкала для изучения произвольной регуляции в подростковом возрасте Т. О. Риппинен с соавторами использовалась для оценки произвольной регуляции [15]. Методика образована из 16 утверждений, которые объединяются в две субшкалы: регуляции активности и тормозного контроля и общую шкалу произвольной регуляции. В методике используется шкала ответов от 1 – «почти всегда неверно» до 5 – «почти всегда верно». В данном исследовании внутренняя согласованность субшкал оказалась не вполне удовлетворительной (α Кронбаха составила соответственно 0,42 и 0,65), поэтому использовалась только общая шкала произвольного контроля, для которой внутренняя согласованность оказалась достаточной (α Кронбаха = 0,72).

Оценка стресса проводилась с помощью детской шкалы воспринимаемого стресса (ШВС-Д) Б. П. Уайт в адаптации Н. Е. Харламенковой с соавторами [14]. Шкала образована из 13 утверждений, согласие с которыми оценивается с помощью четырёхбалльной шкалы от 1 – «никогда» до 4 – «часто». Коэффициент внутренней согласованности шкалы (α Кронбаха) составил 0,66, что является приемлемым показателем для использования шкалы в исследовательских целях.

Обработка полученных данных проводилась с помощью корреляционного и регрессионного анализа в программе Statistica 10.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнение групп подростков-правонарушителей и подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях, с помощью U-критерия Манна-Уитни указывает на отсутствие статистически значимых различий между ними по всем измеренным показателям. В этой связи дальнейший анализ результатов проводится по всей выборке подростков вместе.

По результатам корреляционного анализа (табл. 1) каждый показатель удовлетворённости жизнью подростков прямо и статистически значимо связан с каждым из показателей социальной поддержки. Аналогичным образом прямые связи с каждым из показателей удовлетворённости демонстрирует произвольная регуляция. Воспринимаемый стресс обратно статистически значимо связан с удовлетворённостью отношениями в семье, удовлетворённостью собой и удовлетворённостью друзьями и не показывает связей с удовлетворённостью школой и отношениями с учителем. Возраст не имеет статистически значимых связей с показателями удовлетворённости жизнью.

Таблица 1 / Table 1

Коэффициенты корреляции между показателями удовлетворённости жизнью, социальной поддержки, произвольной регуляции и воспринимаемого стресса (N = 82) / Correlations between indicators of life satisfaction, social support, effortful control and perceived stress (N = 82)

Показатели	Показатели удовлетворённости...				
	отношениями в семье	школой	отношениями с учителями	собой	друзьями
Поддержка семьи	0,55***	0,23*	0,23*	0,40***	0,37***
Поддержка друзей	0,36***	0,35**	0,35**	0,51***	0,61***
Поддержка других людей	0,48***	0,34**	0,36***	0,52***	0,52***
Произвольная регуляция	0,54***	0,47***	0,45***	0,46***	0,36***
Воспринимаемый стресс	-0,33**	-0,16	-0,15	-0,25*	-0,33**
Возраст	0,18	0,05	0,09	0,01	0,14

Примечание. Значимость: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Анализ корреляций воспринимаемого стресса с социальной поддержкой показывает наличие значимых обратных связей с каждой из шкал социальной поддержки (r от $-0,40$ до $-0,42$; все $p \leq 0,001$). Обнаруживается также обратная связь между воспринимаемым стрессом и произвольной регуля-

цией ($r = -0,28$; $p \leq 0,01$). Произвольная регуляция имеет довольно существенные прямые связи с каждой из шкал социальной поддержки (r от 0,38 до 0,48; все $p \leq 0,001$).

Чтобы оценить индивидуальный вклад каждого из показателей социальной поддержки, произвольности и стресса в удовлетворённость жизнью подростков, был проведён регрессионный анализ для каждой из шкал ШУДЖИ. Ввиду того, что выборка характеризуется достаточно широким возрастным диапазоном, в каждую из регрессионных моделей для контроля в качестве ещё одной независимой переменной был включён возраст. Были проанализированы пять регрессионных моделей (табл. 2), каждая из которых объясняла от 28% до 44% дисперсии шкал удовлетворённости жизнью. Величина фактора инфляции дисперсии (VIF), не превышающая 5, указывает на отсутствие мультиколлинеарности в наших данных, а распределение остатков приближенно соответствует нормальному.

Таблица 2 / Table 2

Результаты регрессионного анализа зависимости показателей удовлетворённости жизнью от социальной поддержки, произвольной регуляции и воспринимаемого стресса подростков ($N = 82$) / The results of regression analysis of the dependence of life satisfaction indicators on social support, effortful control and perceived stress of adolescents ($N = 82$)

Предикторы	Показатели удовлетворённости подростков...				
	Отношениями в семье	школой	отношениями с учителями	собой	друзьями
Стандартизованные регрессионные коэффициенты:					
Поддержка семьи	0,32*	-0,24	-0,24	-0,12	-0,25
Поддержка друзей	-0,16	0,25	0,21	0,30*	0,51***
Поддержка других людей	0,18	0,17	0,23	0,30*	0,25
Произвольная регуляция	0,34**	0,42***	0,40***	0,29**	0,16
Воспринимаемый стресс	-0,09	0,03	0,05	0,04	-0,07
Возраст	0,12	-0,02	0,02	-0,10	0,03
Характеристики модели:					
R2	0,44	0,28	0,28	0,39	0,43
F(5; 76)	9,69	4,92	4,81	7,97	9,58
Статистическая значимость p	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$

Примечание. Значимость: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Результаты регрессионного анализа указывают, что удовлетворённость отношениями в семье прямо связана с произвольной регуляцией и воспринимаемой поддержкой со стороны семьи. Удовлетворённость школой, как и удовлетворённость отношениями с учителями, статистически значимо связана только с произвольной регуляцией. Удовлетворённость собой показала прямые связи с произвольной регуляцией и двумя шкалами социальной поддержки: поддержкой со стороны друзей и других людей. Удовлетворённость отношениями с друзьями статистически значимо связана только с поддержкой со стороны друзей. Возраст не показывает статистически значимого вклада ни в одной из моделей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что социальная поддержка и произвольная регуляция являются важными факторами удовлетворённости жизнью у подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях или совершивших правонарушения. Эффект социальной поддержки распространяется на удовлетворённость отношениями в семье, отношениями с друзьями и удовлетворённость собой. При этом показатели школьного субъективного благополучия – удовлетворённость школой и отношениями с учителями – связаны только с произвольной регуляцией, но не с социальной поддержкой. Вывод о важности произвольной регуляции как ресурса психологического благополучия полностью согласуется с аналогичными выводами В. И. Моросановой о роли осознанной саморегуляции [8].

Воспринимаемый стресс не вносит вклада в удовлетворённость жизнью таких подростков при учёте произвольной регуляции и социальной поддержки в ходе регрессионного анализа, хотя на уровне парных корреляций воспринимаемый стресс показывает связи с удовлетворённостью внешкольными сферами отношений. Это может означать, что для удовлетворённости жизнью таких подростков важны не столько объективные трудности и связанный с ними воспринимаемый стресс, сколько личностные и социальные ресурсы совладания с ними, к числу которых относятся социальная поддержка и сформированная произвольная регуляция. Представление о том, что социальная поддержка и произвольная регуляция являются важными ресурсами совладания со стрессом, подтверждается выявленными обратными связями воспринимаемого стресса с этими показателями.

Полученные в нашем исследовании данные о роли социальной поддержки во многом аналогичны результатам исследования Л. А. Шайгеровой с соавторами [13]. Так же, как в её работе, нами было установлено, что существенное значение для благополучия подростков имеет воспринимаемая поддержка со стороны друзей и значимых других людей, она позитивным образом сказывается на удовлетворённости подростков собой. При этом

воспринимаемая поддержка со стороны семьи, не показавшая в исследовании Л. А. Шайгеровой вклада в благополучие, по нашим данным, вносит частный, но значимый вклад: она сказывается лишь на удовлетворённости отношениями в семье.

Исходя из полученных результатов, в прикладном плане мы видим значимым аспектом профилактики противоправного поведения подростков работу педагогов-психологов образовательных учреждений с родителями. Понимание родителями важности поддержки с их стороны, а главное, осуществление этой поддержки поможет повысить удовлетворённость жизнью подростков. При этом родителей следует обучать проявлению поддержки с помощью методов активного обучения. Психологам, работающим в образовательных учреждениях, особое внимание необходимо уделять тем подросткам, которые оказываются изолированными, а тем более отвергаемыми в школьных коллективах. Дети, не имеющие друзей, не поддерживаемые сверстниками, попадают в группу риска по девиантному поведению. Проведение тренингов по развитию коммуникативных навыков, обучающих детей устанавливать и развивать здоровые отношения, просить о помощи в случае необходимости, поддерживать друг друга в разных жизненных ситуациях, должно стать системной, регулярной, плановой работой психологической службы любого образовательного учреждения.

Считаем важной составляющей профилактики противоправного поведения подростков также развитие у них произвольной регуляции. Дети с трудностями контроля поведения хорошо заметны ещё в первых классах школы. Именно произвольная регуляция играет большое значение в том, как ученик приспосабливается к новым правилам и требованиям. Способность ребёнка выполнять правила школьной жизни будет определять его возможности осваивать образовательную программу и его адаптацию в школьную среду. Безусловно, для освоения образовательной программы будут иметь значение и интеллектуальные возможности ребёнка. Однако даже при хорошем интеллектуальном потенциале без развитой произвольной регуляции ребёнок будет испытывать затруднения в использовании своих интеллектуальных ресурсов. В связи с этим мы считаем, что в коррекционно-развивающих программах педагогов-психологов, по которым работают с детьми, имеющими трудности в обучении, первой задачей должно стоять развитие произвольной регуляции.

Ограничения нашего исследования связаны с относительно небольшим объёмом выборки и её составом, включающим лишь подростков мужского пола. Обнаруженные эффекты социальной поддержки, произвольности и стресса невозможно перенести на популяцию девочек-подростков, в их выборках требуются отдельные исследования. К ограничениям исследования также относится корреляционный дизайн исследования, не позволяющий с уверенностью делать вывод о причинно-следственном характере связей.

Дальнейший анализ личностных и социальных ресурсов субъективного благополучия подростков при контроле воспринимаемого стресса в других подростковых группах (в частности, девочек-подростков, подростков, оставшихся без попечения родителей) составляет перспективу данного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, у подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, выявлены связи удовлетворённости жизнью с воспринимаемой социальной поддержкой и произвольной регуляцией, что позволяет сделать вывод о важной роли этих ресурсов для психологического благополучия. Наличие социальной поддержки помогает успешнее преодолевать трудности и справляться со стрессом, что выражается в более высокой удовлетворённости собой, семьёй и отношениями с друзьями. Профилактика неблагополучия в этих сферах может включать психологическое просвещение взрослых членов семьи подростка, а также формирование у него коммуникативных навыков, облегчающих поддержание позитивных отношений, важных для получения социальной поддержки.

Для удовлетворённости школьной жизнью решающее и исключительное значение имеет уровень развития произвольной регуляции. Этот ресурс школьного благополучия, по всей видимости, сложно компенсировать другими. Следовательно, для профилактики школьного неблагополучия важно совершенствовать работу по раннему выявлению и коррекции нарушений в развитии произвольной регуляции детей.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.06.2023

Статья размещена на сайте: 09.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Головей Л. А., Данилова М. В. Структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 1. С. 38–45.
2. Гордеева Т. О., Лункина М. В., Сычев О. А. Источники оптимистического мышления и благополучия подростков // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 13–32.

3. Ермолаева М. В., Смирнова О. В. Особенности родительского общения как фактор психологического благополучия подростков // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 1. С. 51–62.
4. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
5. Лифинцев Д. В., Серых А. Б., Лифинцева А. А. Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2016. № 4. С. 71–78.
6. Мачинская Р. И., Захарова М. Н., Ломакин Д. И. Регуляторные системы мозга у подростков с признаками девиантного поведения. Междисциплинарный анализ // Физиология Человека. 2020. Т. 46. № 3. С. 37–55.
7. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников / О. А. Сычев, Т. О. Гордеева, М. В. Лункина, Е. Н. Осин, А. Н. Сиднева // Психологическая наука и образование. 2018. № 6. С. 5–15.
8. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н., Фомина Т. Г. Осознанная саморегуляция и личностно-мотивационные особенности младших подростков с различной динамикой психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 5–21.
9. Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки / К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов, Е. Л. Николаев, Г. А. Мысина, С. Э. Дровосеков // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Международной учебно-методической онлайн-конференции, Чебоксары, 29 октября 2020 г. / под ред. А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2020. С. 323–326.
10. Овчарова Е. В., Полина А. П. Совладающее поведение как фактор поддержания психологического благополучия подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 61-4. С. 37–40.
11. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
12. Рахманина И. Н., Овсянникова Т. Ю., Тайсаева С. Б. Особенности нейрopsихологического пространства подростков с отклоняющимся поведением // Вестник Психотерапии. 2019. № 72. С. 46–57.
13. Роль различных источников социально-психологической поддержки в субъективном благополучии несовершеннолетних, ожидающих решения суда в следственном изоляторе / Л. А. Шайгерова, А. Г. Долгих, Ф. И. Ушков, О. В. Алмазова // Прикладная юридическая психология. 2019. № 4. С. 39–49.
14. Самооценка и косвенная оценка стресса и стрессовой ситуации детьми 8–12 лет / Н. Е. Харламенкова, Д. А. Никитина, Е. Н. Дымова, Н. Е. Ша-

- талова // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2023. Т. 20. № 1. С. 151–167.
15. Шкала для изучения произвольной регуляции у подростков / Т. О. Риппинен, Е. Р. Слободская, Н. Б. Семенова, Л. В. Лаптева, О. С. Корниенко, Н. А. Федорова // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 81–93.
 16. Andrews F. M., Withey S. B. Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality. New York: Plenum Press, 1976. 455 p.
 17. DeLisi M., Vaughn M. G. Foundation for a temperament-based theory of antisocial behavior and criminal justice system involvement // Journal of Criminal Justice. 2014. Vol. 42. № 1. P. 10–25.
 18. Further validation of the Satisfaction with Life Scale: Evidence for the cross-method convergence of well-being measures / W. Pavot, E. D. Diener, C. R. Colvin, E. Sandvik // Journal of personality assessment. 1991. Vol. 57. № 1. P. 149–161.
 19. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 4. № 4. P. 99–104.

REFERENCES

1. Golovey L. A., Danilova M. V. [The structure of subjective well-being and satisfaction with life in adolescence]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2019, vol. 8, no. 1, pp. 38–45.
2. Gordeeva T. O., Lunkina M. V., Sychev O. A. [External sources of optimistic thinking and well-being in adolescents]. In: *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 2018, no. 5, pp. 13–32.
3. Ermolaeva M. V., Smirnova O. V. [Characteristics of parental communication as a factor of adolescents' psychological well-being]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 51–62.
4. Leontiev D. A. [Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 1, pp. 14–37.
5. Lifintsev D. V., Serykh A. B., Lifintseva A. A. [Social support as a factor of well-being in childhood and adolescence]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 4, pp. 71–78.
6. Machinskaya R. I., Zakharova M. N., Lomakin D. I. [Brain regulatory functions in adolescents with signs of deviant behavior. An interdisciplinary analysis]. In: *Fiziologiya Cheloveka* [Human Physiology], 2020, vol. 46, no. 3, pp. 37–55.
7. Sychev O. A., Gordeeva T. O., Lunkina M. V., Osin E. N., Sidneva A. N. [Multi-dimensional students' life satisfaction scale]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018, no. 6, pp. 5–15.
8. Morosanova V. I., Bondarenko I. N., Fomina T. G. [Personality and motivational features and conscious self-regulation in early adolescents with different dynamics of psychological well-being]. In: *Psikhologicheskaya nauka*

- i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 5–21.
9. Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N., Nikolaev E. L., Mysina G. A., Drovozkov S. E. [An updated version of the MSPSS scale as a tool for studying the subjective assessment of perceived social support by an individual]. In: *Vysshee obrazovanie v usloviyakh globalizatsii: trendy i perspektivy razvitiya: materialy XII Mezhdunarodnoi uchebno-metodicheskoi onlain-konferentsii (Cheboksary, 29 oktyabrya 2020 g.)* [Higher education in the context of globalization: trends and development prospects: proceedings XII International academic online-conference (Cheboksary, October 29, 2020)]. Cheboksary, Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta Publ., 2020, pp. 323–326.
 10. Ovcharova E. V., Polina A. P. [Coping behavior as a factor in maintaining the psychological well-being of adolescents in difficult life situations]. In: *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [National Association of Scientists], 2020, no. 61-4, pp. 37–40.
 11. Rasskazova E. I., Gordeeva T. O., Osin E. N. [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric properties and applications of the COPE inventory]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2013, vol. 10, no. 1, pp. 82–118.
 12. Rachmanina I. N., Ovsyannikova T. Yu., Taysaeva S. B. [The features of neuropsychological space teenagers with deviant behavior]. In: *Vestnik Psikhoterapii* [Bulletin of Psychotherapy], 2019, no. 72, pp. 46–57.
 13. Shaygerova L. A., Dolgikh A. G., Ushkov F. I., Almazova O. V. [The role of various sources of socio-psychological support in the subjective well-being of minors awaiting a court decision in a pre-trial detention center]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2019, no. 4, pp. 39–49.
 14. Kharlamenkova N. E., Nikitina D. A., Dymova E. N., Shatalova N. E. [Self-assessment and indirect assessment of stress and stressful situation by children aged 8–12 (in Russian)]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2023, vol. 20, no. 1, pp. 151–167.
 15. Rippinen T. O., Slobodskaya E. R., Semenova N. B., Lapteva L. V., Kornienko O. S., Fedorova N. A. [Effortful control scale in adolescents]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2018, vol. 39, no. 1, pp. 81–93.
 16. Andrews F. M., Withey S. B. Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality. New York, Plenum Press, 1976. 455 p.
 17. DeLisi M., Vaughn M. G. Foundation for a temperament-based theory of antisocial behavior and criminal justice system involvement. In: *Journal of Criminal Justice*, 2014, vol. 42, no. 1, pp. 10–25.
 18. Further validation of the Satisfaction with Life Scale: Evidence for the cross-method convergence of well-being measures / W. Pavot, E. D. Diener, C. R. Colvin, E. Sandvik. In: *Journal of personality assessment*, 1991, vol. 57, no. 1, pp. 149–161.

19. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life. In: *Current directions in psychological science*, 1995, vol. 4, no. 4, pp. 99–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казанцева Ольга Александровна – кандидат психологических наук, Уполномоченный по правам ребёнка в Алтайском крае; e-mail: helgakaz@mail.ru

Гурьянова Татьяна Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института психологии и педагогики Алтайского государственного педагогического университета; e-mail: guryanova09@mail.ru

Olga A. Kazantseva – Cand. Sci. (Psychology), Commissioner for Children’s Rights in the Altai Territory; e-mail: helgakaz@mail.ru

Tatiana A. Guryanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Altai State Pedagogical University; e-mail: guryanova09@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Казанцева О. А., Гурьянова Т. А. Роль социальной поддержки и произвольной регуляции в психологическом благополучии подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kazantseva O. A., Guryanova T. A. The role of social support and effortful control in the psychological well-being of adolescents in difficult life situations. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'272

Валуйцева И. И., Траоре Яя

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

СЕМЬЯ КАК СРЕДА СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНОГО ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ

Цель. Показать, как сохраняется миноритарный язык догон в традиционной африканской семье в условиях мультилингвальной среды столицы Мали Бамако.

Процедура и методы. В исследовании использовались методы анкетирования респондентов – членов одной семьи догонов, состоящей из 13 человек; включённое интервью с письменной фиксацией процесса интервьюирования. Далее проводился опрос жителей Бамако – 94 человека этнической принадлежности догон в возрасте от 18 до 45 лет.

Результаты. Члены семьи находятся в постоянном контакте с тремя языками: догон – языком культурной самобытности, который они защищают, бамана – лингва франка столицы, доминирующим в их окружении и служащим социальной интеграции; французским языком как официальным, который играет роль посредника. Информанты своеобразно выбирают тот или иной язык в зависимости от ситуации общения.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование имеет практическую значимость для выработки грамотной языковой политики Мали по отношению к языкам этнических меньшинств. Оно вносит определённый вклад в типологию языковых ситуаций в многоязычном государстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

защита языковой самобытности, коммуникативная ситуация, переключение кодов, социолингвистическая характеристика языка, французский язык, язык бамана, язык догон

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Языковая ситуация в Мали](#)

[Методология проведения исследования](#)

[Результаты исследования \(выбор и использование языков\)](#)

[Заключение](#)

I. Valuytseva, Yaya Traore

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

THE FAMILY AS AN ENVIRONMENT FOR PRESERVING A MINORITY LANGUAGE

ABSTRACT

Purpose. To show how the Dogon minority language is preserved in a traditional African family in the multilingual environment of the capital of Mali, Bamako.

Methodology. The study used sociolinguistic methods of conducting a survey questioning the respondents, who were members of the same Dogon family, consisting of 13 people, as well as an included interview with a written record of the interviewing process. Further, a survey of residents of Bamako was conducted, involving 94 people of the Dogon ethnicity aged from 18 to 45 years.

Results. The family members are in a constant contact with the three languages: Dogon, the language of cultural identity which they defend; Bamana, the lingua franca of the capital which dominates in their environment and serves for social integration; French, as the official language with the role of an intermediary. Thus, informants specifically choose one or another language depending on the communication situation.

Research implications. The study is of practical importance for the development of a competent language policy of Mali in relation to the languages of ethnic minorities. It makes a certain contribution to the typology of language situations in a multilingual state.

KEYWORDS

protection of linguistic identity, a communicative situation, code switching, sociolinguistic characteristics of the language, French, the Bamana language, the Dogon language

ВВЕДЕНИЕ

Мали – страна, расположенная в Западной Африке, площадь которой составляет 1 240 190 км², с предполагаемой численностью населения¹ 21 904 983 человека в 2023 г. В Мали насчитывается около 30 языков, которые относятся к трём языковым семьям: нигеро-конголезской, нило-сахарской и афро-азиатской (рис. 1).

Изучение распределения языков по разным коммуникативным сферам является актуальным и важным как для выработки конструктивной языковой политики, так и для совершенствования системы образования в этой части африканского континента. При помощи традиционных методов социолингвистики – опроса, включённого интервью, наблюдения – фиксировалось употребление языка догон, классифицируемого многими учёными как язык-изолят, в разных коммуникативных ситуациях. Перед нами стояла задача вы-

¹ Mali // Countryeconomy.com: [сайт]. URL: <https://countryeconomy.com/countries/mali> (дата обращения: 03.04.2023).

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛИ

Языковая ситуация определяется социальной обстановкой и представляет собой сложную систему, состоящую из нескольких подсистем. Её суть проявляется в функционировании языка в том или ином территориально-административном образовании и основывается на жизни языка в социуме [2; 4, с. 35]. Основными компонентами языковой ситуации являются социальные условия функционирования языка, сферы употребления и формы его существования.

К первой группе компонентов относятся социально-экономические формации, формы этнической общности и окружения, уровень суверенитета, уровень культурного развития и численность народа. Вторая группа, которая делится на сферы и среды использования языка, состоит из наиболее важных компонентов. В основе её определения лежат тематика коммуникации, время и место общения, область общественной деятельности. Выделяются сферы быта, общественно-политических взаимоотношений, художественной литературы, науки, массовой информации, устного народного творчества, религиозного культа и т. п. Под средой использования языка подразумевается общение внутри семьи, социальной группы, населённого пункта или региона, межнациональная коммуникация и т. п. Третья группа компонентов языковой ситуации касается форм существования языка. Данное понятие, введённое Л. Б. Никольским [3, с. 72], уточняет формулировку языковой ситуации. Группы языков делятся на объединяющие и обособляющие говорящих. Здесь имеется в виду то, что формы литературного, диалектного, наддиалектного языков и формы языков межнационального и мирового общения объединяют говорящих, в то же время гендерные, ритуальные, кастовые языки, жаргоны и аргос обособляют говорящих.

В «Словаре социолингвистических терминов» даётся следующее определение языковой ситуации: «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимодействии и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований»². Оно задаёт вектор нашего исследования и определяет методы сбора материала.

Главные положения языковой политики в Мали определены в Конституции 1992 г. (ст. 2³, в которой говорится о запрете любой дискриминации, основанной на языковой принадлежности [7, р. 52]). Таким образом, с самого начала после обретения независимости в 1960 г. государство поставило на

² Словарь социолингвистических терминов /отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языковедения РАН: Институт иностранных языков, 2006. С. 266.

³ La Constitution du 25 février 1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://koulouba.ml/la-presidence/histoire-symboles/les-textes-fondateurs/constitution-version-actuelle> (дата обращения: 15.04.2023).

первое место развитие языков всех этносов, не отдавая предпочтения одному из них. Однако для осуществления успешной коммуникации в мультилингвальном государстве в ст. 25 Конституции⁴ был объявлен официальный статус французского языка.

Правительство Мали признало 13 локальных языков официальными в 1996 г.: бамана, сонгай, фула, тамашек, бобо, бозо, догон, сенуфо, минианка, хасонке, сонинке, малинке, маврский. Каждый национальный язык имеет свою письменность на базе латиницы⁵, орфографические правила, словарь и грамматику [11, р. 165].

Языковая ситуация в Мали характеризуется двумя отличительными чертами, как и в большинстве стран Африки. Во-первых, существует локальный мультилингвизм, состоящий из языков местных народностей, изначально бесписьменных, которые служат средством коммуникации либо внутриэтнически, либо между представителями разных этнических групп, т. е. выступают в качестве языка-посредника. Во-вторых, существует экзоглоссия [10, р. 40], дающая французскому языку статус официального языка, который выступает в качестве языка письменности, государственного управления и образования. Таким образом, установлен мультилингвизм [6, р. 57] с миноритарным доминантным языком.

Этнические языки служат для общения в домашней среде [9, р. 161], в средствах массовой информации, в начальной школе. По Ж.-Л. Кальве, влияние окружающей среды на социальное поведение ребёнка является более значительным, чем влияние родителей. Он также подчёркивает, что язык является важным фактором интеграции и ассимиляции [5, р. 97].

Для проверки этих положений нами было предпринято изучение языка догон в различных коммуникативных ситуациях.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общие положения

Нами были применены методы сбора материала для социолингвистического исследования языковой ситуации в условиях «полевого» подхода: метод интервьюирования, метод включённого наблюдения, метод опроса. Посредством этих методов можно выявить роль языка как средства общения в самых разнообразных коммуникативных ситуациях (языковых сферах) [1, с. 140]: в быту, в общественной жизни или на работе. Для обработки по-

⁴ Там же.

⁵ Décret n°159 PG-RM (1982) fixant l'alphabet pour la transcription des langues nationales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/mali-decret1982.htm> (дата обращения: 15.04.2023).

лученных данных также использовался количественный анализ результатов социолингвистического исследования.

Время и место анкетирования

Для проведения полевых работ мы выбрали район Ниамакоро в городе Бамако, столице Республики Мали. Город представляет собой экономический и административный центр страны. Бамако является крупнейшим городом Мали с населением в 2,78 млн жителей в 2023 г., что составляет приблизительно 10% населения всей страны. Очевидно, что город населён говорящими практически на всех её языках.

Необходимо упомянуть об особенностях социального взаимодействия жителей столицы, которые определяются особенностями жизни в большом городе и влияют на контакты и использование языков общения. Из-за жаркой погоды несколько семей, снимающих квартиру в аренду, пользуются одним и тем же двором. Следовательно, существует ситуация языковой неоднородности, при которой языки меньшинств находятся под влиянием доминирующего языка. Семья наших респондентов, в отличие от большинства столичных семей, не делит двор с какой-нибудь другой семьёй. Это помогает нашим респондентам сохранить язык догон, что важно для решения задач нашего исследования.

Полевые работы длились около трёх месяцев. За это время проводилось наблюдение и интервьюирование в выбранной семье. Далее мы перешли к анкетированию, которое проводилось среди жителей столицы, принадлежащих к той же этнической группе, что и члены семьи, которую мы изучали. Информация, собранная в ходе уличного опроса, используется в дополнение к данным, полученным в результате интервью и наблюдений. Опросный лист содержал вопросы не только о языковых предпочтениях в зависимости от коммуникативной ситуации, но и о языковой компетенции участников опроса.

Респонденты

В нашем исследовании приняли участие две группы респондентов:

I группа – семья народности догон из 13 человек, которая проживает в Бамако.

II группа – жители столицы, которые владеют языком догон. 102 человека приняли участие в анкетировании, 8 опросных листов оказались недействительными. Всего получено 2 820 ответов.

Семья, изученная нами, представлена следующим образом. Онгоиба – патронимическое название. Фамилия семьи определяет её историю, этнос, язык и сословие с давних поколений. Семью можно отнести к среднему клас-

⁶ Mali portail de données [Электронный ресурс]. URL: <https://mali.opendataforafrica.org> (дата обращения: 15.04.2023).

су. Она состоит из отца и матери, девяти сыновей и дочерей, одной невестки и сына брата отца. Жена первого сына приехала из деревни родителей лишь восемь месяцев назад. Подобные случаи нередки в столице Мали, особенно в результате внутриэтнических браков, которые являются индикатором языковой и культурной защиты у миноритарных народов.

В таблице 1 представлен состав семьи по социологическим параметрам: полу, возрасту, уровню образования, пребывания в столице страны или вне её, степени родства в семье. При обработке данных и их интерпретации мы использовали параметр, который разделяет членов семьи на четыре подгруппы: родители, дети, родственники и место их рождения.

Таблица 1 / Table 1
Сведения о членах семьи / Information about family members

	Место в семье	Филиация	Пол	Возраст	Уровень образования	Срок проживания в Бамако	До пребывания в Бамако
1	Родители	Отец	М	59	Высшее	С 1983 г. (35 лет)	1960–1983 гг. (23 года)
2		Мать	Ж	51	Нет	С 1987 г. (31 год)	1967–1987 гг. (20 лет)
3	Д Е Т И	Сын	М	31	Высшее	С рождения	-
4		Дочь	Ж	28	Среднее	С рождения	-
5		Дочь	Ж	26	Среднее	С рождения	-
6		Сын	М	23	Высшее	С рождения	-
7		Сын	М	20	Высшее	С рождения	-
8		Дочь	Ж	18	Высшее	С рождения	-
9		Сын	М	15	Школа	С рождения	-
10		Сын	М	12	Школа	С рождения	-
11		Сын	М	9	Школа	С рождения	-
12	Близкие родственники	Невестка	Ж	22	Нет	8 месяцев	1996–2017 гг. (21 год)
13		Двоюродный брат	М	23	Нет	С 2013 г.	1995–2013 гг. (18 лет)

Что касается анкетирования, опросные листы раздавались случайным информантам, у которых язык догон входит в репертуар, а также в зависимости от готовности каждого уделить время для нашего исследования. Возраст участников этого опроса – от девятнадцати до шестидесяти лет. Поскольку

вопросы формулировались на французском, владение этим языком было необходимо. Однако нам пришлось заполнить анкеты нескольких информантов, не получивших образования, т. е. не умеющих читать и писать по-французски (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2
Социологические параметры участников опроса /
Sociological parameters of the survey participants

Рождённые в столице					Рождённые вне столицы				
Образование			Пол		Образование			Пол	
Неграмотные	Нач. школа Средн.	Вышш.	М	Ж	Неграмотные	Школа	Вышш.	М	Ж
1	7	19	20	7	3	11	53	45	22
Всего: 27			Всего: 27		Всего: 67			Всего: 67	

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ВЫБОР И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ)

Социолингвистическая характеристика языка матери и отца семьи

Отец семьи родился и вырос в Мондоро, в стране догонов. Он жил в городе Севаре, самом большом из ближайших к стране догонов городе. Город считается самым многоязычным населённым пунктом в Мали. Он приехал в Бамако в начале 1980-х гг., когда ему был 21 год. Его языковой репертуар представляется следующим образом: L1 – язык догон, L2 – язык бамана и L3 – язык фула, т. к. им часто владеют представители народности догон [8, р. 67]. Он также владеет французским языком, который является языком образования.

Что касается матери, она приехала в Бамако после свадьбы в середине 80-х гг. Не получила образования, в её языковом репертуаре язык догон выступает как L1 и бамана как L2.

Важно отметить, что у обоих уровень владения бамана не очень высокий. Дома родители говорят в основном на догон, и для них культура и язык догон постоянно доминируют. Мать (с её слов) дома говорит на бамана только тогда, когда приходят соседи, которые не понимают языка догон.

Это соответствует нашим наблюдениям за языковым репертуаром семьи: постоянное использование догон в домашних условиях, если только говорить об обращении отца к матери и наоборот, а также родителей к остальным членам семьи.

Отец против использования бамана дома. По его словам, он редко говорит на бамана. Однако, когда он отсутствует дома в связи с поездками по стра-

не по работе, дети больше говорят на бамана, что подтверждается нашими наблюдениями. Большинство собеседников отца в семье или вне её владеют или французским, или догон, или знают оба языка, а собеседников только с языком бамана меньше. Отец подчёркивает, что он говорит на бамана «очень плохо», в редких случаях, когда необходимо, и предпочитает говорить по-французски в межэтническом общении. Наши наблюдения подтверждают его утверждения. Интервью с ним проведено не на бамана, а на французском. Догон – единственный язык, используемый между родителями и их детьми.

Мы понимаем, что запрет на использование бамана является сознательным выбором отца (хотя это также связано с его слабым владением этим языком): он не хочет говорить на бамана сам и не хочет, чтобы другие члены семьи на нём говорили.

Внутри семьи родители могут устанавливать определённые правила, касающиеся использования разных языков. Когда дети выходят из дома, этот контроль теряется: по соседству, на рынке, в городе доминирует бамана. Отец справляется с этой ситуацией, выбирая французский в качестве языка межэтнического общения, но иногда использование бамана является неизбежным. А матери необходимо использовать бамана, т. к. нет другого варианта для тех ситуаций общения, в которые она вступает. Из-за этого она большую часть времени сидит дома. Муж утверждает, что говорит на работе только по-французски, однако это не может быть подтверждено нашими наблюдениями.

Социолингвистическая характеристика языка детей семьи

Языки, используемые детьми семьи, неоднородны. В качестве L1 были указаны три варианта: бамана, догон или бамана / догон. Никто из детей не заявил французского как L1. Это подтверждается нашими наблюдениями: дети редко говорят на бамана в семье, даже те, которые его заявили как L1. Распределение языков по частотности использования приведено в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

L1 (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / L1 (Bamako-born interviewees)

Всего чел.	Догон	Бамана	Французский	Другой
27	11	14	2	0

L1 не связан с полом, но имеет более или менее связь с возрастом. Два языка (догон и бамана) представляют две разные идентичности: догон связан с истоками и традициями, бамана – с окружающей средой.

Рассмотрим выбор языка в стандартных языковых ситуациях, которые обычно выделяются в социолингвистических исследованиях.

- Коммуникативная ситуация: общение в семье.

Четыре младших ребёнка между собой говорят чаще на бамана, особенно когда отсутствует отец, роль которого по соблюдению установки «не говорить на бамана» играет старший сын. Неоднородность L1 детей объясняется тем, что у родителей хватает сил для сохранения догон больше у старших детей, чем ещё и у младших.

Неоднородность L1 в рассматриваемой семье отражает сложную социолингвистическую ситуацию, в которой находятся наши респонденты: все идиомы выполняют важные функции в повседневной жизни.

Эта тенденция в определении L1 также обнаруживается в данных опроса, проведённого нами в Бамако (табл. 3).

Все дети утверждают, что говорят в семье на догон со своими родителями. Это согласуется с нашими наблюдениями и тем, что говорят родители. При общении друг с другом братья и сестры заявляют, что говорят на догон, кроме самого младшего сына, который сказал, что пользуется бамана. Две дочери добавляют, что они также используют французский в данной ситуации.

Эти замечания подтверждаются нашими наблюдениями: догон доминирует в общении между братьями и сёстрами в семье. Таким образом, семейная коммуникация играет важную роль в дальнейшем сохранении родного языка [1, с. 145]. Четыре последних ребёнка – младше 18 лет – между собой чаще говорят на бамана. Французский используется только в исключительных случаях, но французские слова очень часто встречаются в сочетании со словами на догон и бамана. Мы заметили, что бамана больше пользуются, когда присутствуют гости, понимающие только этот язык. Л.-Ж. Кальве изучал традицию передачи языка в семье в столице Мали. Он установил, что, хотя семья играет важную роль в передаче языков детям, влияние окружающей среды на использование и владение языком / языками является более важным [5, р. 98].

В нашем исследовании старшие дети семьи говорят на догон по правилам, установленным отцом, а младшие – больше на бамана. Эти факты указывают на то, что окружающая среда оказывает первостепенное влияние на их лингвистическое поведение, поэтому неудивительно, что бамана доминирует в узусе у всех детей за пределами дома.

- Коммуникативная ситуация: общение с соседями

По поводу общения с соседями все дети в семье заявляют, что говорят только на бамана. Доминирование бамана в этой коммуникативной ситуации подтверждается и результатами опроса (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Язык, используемый при разговоре с соседями (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / Language used with the neighbours (Bamako-born interviewees)

Всего (чел.)	Догон	Бамана	Французский	Другие
27	2	11	1	Бамана / догон 10 Бамана / франц. 3

- Коммуникативная ситуация: общение с незнакомыми людьми

В ходе интервьюирования членов семьи выявилась следующая тенденция: все дети в семье утверждают, что говорят на бамана, но трое из них говорят, что также пользуются французским. Один из них указывает на выбор языка в зависимости от социального статуса собеседника, т. е. он старается определить язык незнакомца по его внешности (одежде, поведению).

В ходе опроса были получены сходные ответы (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Язык, на котором говорят с незнакомым человеком (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / The language spoken to a stranger (Bamako-born interviewees)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
27	0	11	0	Бамана / французский 15 Бамана / догон 1

- Коммуникативная ситуация: общение в общественных местах

На рынке или в магазине доминирующим языком является бамана. Семеро детей сообщают, что используют только бамана. Две дочери добавляют, что пользуются и бамана, и французским.

Преобладание бамана на рынке подтверждается информацией, полученной в ходе опроса (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Язык, на котором говорят на рынке, в магазине (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / The language spoken in the market, in the store (Bamako-born interviewees)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
27	0	20	1	Бамана/догон 4 Бамана/догон 2

- Коммуникативная ситуация: общение в официальной обстановке

В университете, в школе или на работе, которые представляют формальную сферу деятельности говорящих, французский язык доминирует в общении, по словам детей. Все они утверждают, что говорят по-французски чаще всего. В общении с учителями французский язык – почти единственный используемый язык. Никто из детей не говорит, что пользуется догон в указанной сфере.

Другим важным моментом общения в формальной сфере является наличие английского языка у старшего сына, который преподаёт этот язык в школе.

Мы наблюдаем такие же тенденции по результатам опроса, за исключением использования языка догон наряду с французским и бамана у некоторых информантов (табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

Язык, на котором говорят в университете или на работе (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / Language spoken at university or at work (Bamako-born interviewees)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
27	0	3	4	Франц. / бамана 15 Франц. / бамана / догон 3 Франц. / английский 2

- Коммуникативная ситуация: общение с друзьями

Что касается дружеского общения детей семьи, бамана также является доминирующим языком. Никто из детей не утверждает, что разговаривает только на догон с друзьями, некоторые заявили, что говорят только на бамана. Чередование бамана и французского языка, тем не менее, часто встречается как в межэтническом дружеском общении, так и между друзьями народности догон.

Язык догон также чередуется с бамана и французским у всех наших информантов, рождённых в Бамако, при общении с друзьями народности догон (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Языки общения с друзьями (информанты-участники опроса, рождённые в Бамако) / Languages of communication with friends (Bamako-born interviewees)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
27	0	0	0	Бамана / догон / франц. 20 Бамана / догон 7

Согласно Л.-Ж. Кальве, влияние окружающей среды на социальное поведение ребёнка является более значительным, чем влияние родителей. Он также подчёркивает, что язык является важным фактором интеграции и ассимиляции [5, р. 97]. Это положение подтверждается и на примере детей изучаемой семьи: дружеское общение чаще всего происходит на доминирующем языке окружающей среды – бамана, затем на других языках.

Мы видим, что использование языков родителями в значительной степени определяется их этнической принадлежностью и их желанием сохранить свою традиционную культуру, которые препятствуют их языковой ассимиляции доминирующей средой. Эта тенденция не касается детей. Идентичность родителей тесно связана с этнической группой догон. Этническая принадлежность детей в незначительной степени влияет на выбор языка. В ситуациях вне семьи выбор языка часто зависит от языка, которым владеет собеседник, и это касается как родителей, так и детей, у которых переключение кода происходит более свободно, чем у родителей.

Социолингвистические характеристики языка родственников

Два родственника – двоюродный брат и невестка, родившиеся и выросшие в Мондоро, – входят в состав семьи. Первый приехал в Бамако, чтобы зарабатывать деньги, и живёт там уже пять лет, а невестка приехала после замужества примерно год назад. Оба не получили образования в связи с тем, что бросили учёбу в третьем-четвёртом классе школы, следовательно, не владеют французским языком. В стране догон, где выросла жена старшего сына, использование бамана незначительно, тем более что она жила в удалённой от города деревне.

Оба объявляют язык догон как L1, на котором свободно говорят. В доме в Бамако родственники говорят на догон со своими тётёй (мать) и дядей (отец), которые высоко ценят присутствие молодых людей, говорящих на «чистом догон» (по словам отца).

Выросшие в Мондоро, они по-прежнему находятся в тесном контакте с языком и культурой догон, и их присутствие способствует тому, что в доме больше говорят на этом языке. Согласно словам невестки, которая всегда говорит на догон с детьми, это культурное присутствие также влияет и на них.

Теперь обратимся к результатам опроса респондентов, которые родились в Мондоро, но в настоящее время проживают в столице Мали. В опросе приняли участие 67 человек (из 94 участников опроса). Это более репрезентативная выборка по сравнению с двумя членами семьи, в которой проводилось интервьюирование.

L1 информантов, выросших в стране догон, по результатам опроса разнообразны, и три главных интересующих нас языка наличествует в их репертуаре, что отражено в таблице 9.

Таблица 9 / Table 9

L1 (информанты-участники опроса, рождённые вне столицы) / L1 (interviewees born outside the capital)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
67	60	5	2	0

Рассмотрим выбор языка участниками нашего исследования в аналогичных коммуникативных ситуациях.

- Коммуникативная ситуация: общение с детьми изучаемой семьи

Мы заметили, что дети семьи, особенно маленькие, делают всё возможное, чтобы удовлетворить языковые желания родственников, говоря с ними на догон. Двоюродный брат и невестка проявляют очень мало желания говорить на бамана.

В ходе посещений дома изучаемой семьи мы отметили, что бамана используется в особых случаях при общении между невесткой и детьми, например, при обучении её языку бамана, т. к. у неё очень низкий уровень владения этим языком.

- Коммуникативная ситуация: общение с соседями

За пределами дома чередование догон и бамана также важно. Бамана является доминирующим в общении изучаемых нами родственников с соседями в Бамако. Двоюродный брат говорит только на бамана с соседями. Невестка старается говорить на бамана с соседями только по необходимости, испытывая при этом большие затруднения. Она использует догон с соседями, так как среди них есть люди, владеющие этим языком.

В ходе опроса установлено, что только бамана доминирует вне домашнего общения информантов, рождённых в стране догонов. Многие к бамана добавляют язык догон или используют три языка: бамана / догон / французский (табл. 10).

Таблица 10 / Table 10

Язык, используемый с соседями (информанты-участники опроса, рождённые вне столицы) / Language used with neighbors (interviewees born outside the capital)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
67	5	20	2	Догон / бамана 29 Догон / бамана / франц. 11

Единственное, что не совпадает с данными, полученными в семье, – одностороннее использование языка догон, заявленное пятью из шестидесяти

семи информантов. Это объясняется нежеланием говорить на бамана, языке чужой культуры. Несмотря на то, что бамана является самым распространённым языком, мы обнаружили, что среди участников анкетирования есть сопротивление языковому давлению: когда необходимо, они прилагают усилия, чтобы говорить на бамана, потому что они так «обязаны», но предпочитают по возможности не пользоваться им.

- Коммуникативная ситуация: общение с незнакомцами

Оба родственника заявляют, что с незнакомыми людьми они говорят на бамана.

- Коммуникативная ситуация: общение в общественных местах

На рынке именно бамана доминирует в языковом употреблении родственников. Доминирование на рынке бамана указывает на его важность как языка межэтнического общения в Бамако. Рынок является той сферой, где спрос на общий язык наблюдается больше всего. Таким образом, важно наличие лингва франка, функции которого выполняет бамана. В Бамако бамана, являясь лингва франка на рынке, отражает доминирование этнической группы бамана в столице и, как мы знаем, на национальном уровне. Язык бамана имеет важное значение в этой сфере: говорящие не на бамана, как говорит невестка, «вынуждены говорить на нём на рынке», о чём она сожалеет.

Преобладание бамана подтверждается информацией, полученной по данным анкетирования (табл. 11).

Таблица 11 / Table 11

Язык, на котором говорят на рынке, в магазине (информанты-участники опроса, рождённые вне столицы / The language spoken in the market, in the store (interviewees born outside the capital)

Всего	Догон	Бамана	Французский	Другие
67	0	33	0	Бамана / франц. 34

- Коммуникативная ситуация: общение с друзьями

Что касается дружеского общения, двоюродный брат в первую очередь использует бамана, поскольку на нём говорит большинство его друзей. У друзей, относящихся к народности догон, чередование бамана и догон отмечается постоянно, но наиболее часто используемым языком является догон.

Невестка заявляет, что у неё нет друзей бамана. Из-за слабого владения этим языком она больше времени проводит дома и выходит только в редких случаях. С друзьями догон она, естественно, говорит на догон.

По данным анкетирования получились следующие результаты (табл. 12).

Таблица 12 / Table 12

Язык, на котором говорят с друзьями (информанты-участники опроса, рождённые вне столицы) / The language spoken with friends (interviewees born outside the capital)

Друзья	Догон	Бамана	Француз.	Другие	Всего
Этнос догон	43	0	0	Догон / бамана 4 Догон / франц. 20	67
Другие этносы	0	14	0	Бамана / франц. 50 Бамана / франц. / фула 3	67

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами были проведены два параллельных исследования: методом включённого интервью в семье, в которой говорят как минимум на трёх языках, и полевое анкетирование информантов – жителей столицы Мали, города Бамако, владеющих теми же языками, что и члены семьи. В семье 13 человек – родители, дети, близкие родственники. В социолингвистическом опросе приняли участие 94 человека.

Отмечается постоянное использование членами семьи трёх языков: догон, бамана и французского, – которые в повседневной жизни выполняют разные функции. Догон, язык происхождения и традиций, связан с этнической культурной самобытностью наших информантов. Бамана является лингва франка столицы, доминирующим в окружающей среде. Зачастую выбор язык тесно связан с конкретной ситуацией, и в этих случаях недостаточно говорить о личных языковых предпочтениях. Французский, официальный язык, может быть назван «нейтральным». Общение в формальных сферах, особенно в университете, характеризуется широким использованием французского языка. Французский язык также начинает использоваться в неформальной сфере, являясь для догонов альтернативой бамана.

Арабский язык не указан ни членами семьи, ни респондентами. Это связано с его эксклюзивным использованием в религиозном обиходе. На арабском ссылаются на Коран, что всегда сопровождается переводом на один из трёх языков: бамана, догон или французский.

Полученные результаты представляют картину распределения языков, обладающих разным статусом. В целом они соответствуют языковой картине в Мали, где насчитываются более 30 языков.

Считаем, что установленные нами характеристики языкового переключения в рассматриваемой семье и в целом подтверждённые результатами опроса 94 жителей г. Бамако можно экстраполировать и на языковую ситуацию с другими этническими языками страны. Лонгитюдный характер исследования, применение традиционных для социолингвистики методов

интервьюирования, включённого наблюдения и анкетирования позволяют утверждать, что его результаты достоверны и верифицируемы для других языков, представленных на территории Мали. Изучение языковой ситуации и переключения языковых кодов значимо для выработки конструктивной языковой политики государства.

Основы языковой политики в Мали обозначены в Конституции. В настоящее время нет официального документа, определяющего языковую политику государства. Однако в проекте новой Конституции этническим языкам, в том числе языку догон, придаётся статус официальных языков, а французский язык будет служить языком «работы».

Представляется, что функциональное распределение и взаимодействие языков в Мали следует исследовать и дальше.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 24.06.2023

Статья размещена на сайте: 18.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачук Н. В. Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1. С. 138–149.
2. Франко Е. П., Франко М. В. Экология языка в современном обществе // Политическая лингвистика. 2019. № 5. С. 26–33.
3. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы. М.: Высшая школа, 1976. 168 с.
4. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 141 с.
5. Calvet L.-J. La guerre des langues et les politiques linguistiques. Paris: Payot, 1987. 294 p.
6. Canut C. Dynamique plurilingue et imaginaire linguistique au Mali entre adhésion et résistance au bambara // Langage et société. 1996. № 78. P. 55–76.
7. Diarra A. Le Curriculum Bilingue dans l'enseignement fondamental au Mali: Etat des lieux de sa mise en œuvre: Thèse de doctorat en science du langage. Grenoble, 2020. 293 p.
8. Guindo A. S. Multilinguisme et enseignement/apprentissage des langues en Pays dogon (Mali): Thèse de doctorat en science du langage. Montpellier, 2021. 365 p.
9. Maiga H. La situation sociolinguistique au Mali // Dumont P., Santodomingo C. La coexistence des langues dans l'espace francophone, approche macrosociolinguistique. Montréal: AUPELF-UREF, 2000. P. 159–163.

10. Perrin G. La langue française au Mali. Paris: Institut de recherche sur la langue française, 1984. 94 p.
11. Skattum I. La francophonie subsaharienne: Afrique de l'Ouest, Afrique centrale, Djibouti // La francophonie – une introduction critique. Oslo, 2006. P. 161–247.

REFERENCES

1. Tkachuk N. V. [The role of the family in the preservation of native languages: sociological survey of students of the Khanty-Mansi Autonomous okrug – Ugra]. In: *Sotsial'naya kompetentnost'* [Social competence], 2020, vol. 5, no. 1, pp. 138–149.
2. Franko E. P., Franko M. V. [Ecology of language in modern society]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, no. 5, pp. 26–33.
3. Nikolskij L. B. *Sinhronnaya sociolingvistika: teoriya i problemy* [Synchronous sociolinguistics: theory and problems]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 168 p.
4. Stepanov G. V. *Tipologiya yazykovykh sostoyanij i situacij v stranah romanskoj rechi* [Typology of linguistic states and situations in the countries of Romance speech]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 141 p.
5. Calvet L.-J. La guerre des langues et les politiques linguistiques. Paris, Payot, 1987. 294 p.
6. Canut C. Dynamique plurilingue et imaginaire linguistique au Mali entre adhésion et résistance au bambara. In: *Langage et société*, 1996, no. 78, pp. 55–76.
7. Diarra A. Le Curriculum Bilingue dans l'enseignement fondamental au Mali: Etat des lieux de sa mise en œuvre: Thèse de doctorat en science du langage. Grenoble, 2020. 293 p.
8. Guindo A. S. Multilinguisme et enseignement/apprentissage des langues en Pays dogon (Mali): Thèse de doctorat en science du langage. Montpellier, 2021. 365 p.
9. Maiga H. La situation sociolinguistique au Mali. In: Dumont P., Santodomingo C. *La coexistence des langues dans l'espace francophone, approche macro-sociolinguistique*. Montréal, AUPELF-UREF, 2000, pp. 159–163.
10. Perrin G. La langue française au Mali. Paris, Institut de recherche sur la langue française, 1984. 94 p.
11. Skattum I. La francophonie subsaharienne: Afrique de l'Ouest, Afrique centrale, Djibouti. In: *La francophonie – une introduction critique*. Oslo, 2006, pp. 161–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Траоре Яя – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: ya2.tra@gmail.com

Irina I. Valuytseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Yaya Traore – Postgraduate student, Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education; e-mail: ya2.tra@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Валуйцева И. И., Траоре Яя. Семья как среда сохранения миноритарного языка // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Valuytseva I. I., Traore Yaya. The family as an environment for preserving a minority language. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.23

Мазирка И. О.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Стативка Л. А.

Независимый исследователь, г. Одинцово, Российская Федерация

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ ЖАНРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЖ. ДОС ПАССОСА КАК ПИСАТЕЛЯ ГРУППЫ «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

АННОТАЦИЯ

Цель. Доказать с позиций социолингвистики, а именно плана выражения жанра произведений Дж. Дос Пассоса на лексическом уровне принадлежность художественных текстов писателя 20-х–30-х гг. XX в. к текстам группы американских авторов «потерянного поколения» этого же периода.

Процедура и методы. Применяя метод контекстологического анализа художественного текста и базируясь на отобранной нами ранее методом сплошной выборки лексике, произведён её анализ с использованием описательного и сравнительно-сопоставительного методов. Подсчёт выделенных лексем происходил посредством использования количественного метода, после чего результаты исследования интерпретировались.

Результаты. Лексический уровень плана выражения жанра в четырёх произведениях Дж. Дос Пассоса и анализ лексем, находящихся в поле основных социальных контекстов – «война» и «праздность», – позволил доказать, что план выражения на этом уровне в произведениях Дж. Дос Пассоса в целом совпадает с планом выражения текстов группы «потерянных», поэтому можно говорить о принадлежности не только художественных текстов Дос Пассоса, но и самого писателя к упомянутой группе писателей и с позиций социальной лингвистики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты показывают важность применения методов социолингвистического анализа жанра художественных текстов для вычленения в них социально маркированной лексики, что даёт возможность выявлять и содержательно толковать новое социальное знание в других текстах и у других авторов. Применение данного метода в объяснении социальной действительности, действий участников коммуникативных контекстов в общем социальном контексте поможет лучше понять историю и культуру страны, её приоритеты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социолингвистика, жанр, план выражения, потерянное поколение, социальный контекст, коммуникативная ситуация

СТРУКТУРА

Введение

Социальный контекст в произведениях Дж. Дос Пассоса (лексический уровень)

Заключение

I. Mazirka

State University of Education
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

L. Stativka

An Independent researcher, Odintsovo, Russian Federation

THE SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF THE CONSIDERATION OF THE LEXICAL LEVEL OF THE PLAN OF EXPRESSION OF THE GENRE OF LITERARY TEXTS BY J. D. PASSOS AS A WRITER OF THE GROUP “LOST GENERATION”

ABSTRACT

Aim. To prove from the standpoint of sociolinguistics, namely, from the plan of genre expression of the works of J. D. Passos at the lexical level, the affiliation of the writer's literary texts of the 20s–30s of the twentieth century to the texts of the group of American authors of the “lost generation” of the same period of time.

Methodology. Applying the method of contextual analysis of a literary text and based on the vocabulary selected by us earlier by the method of continuous sampling, we analyze the text using descriptive and comparative methods. The counting of the selected tokens is carried out through the use of a quantitative method, after which the results of the study are interpreted.

Results. Having considered, within the framework of sociolinguistics, the lexical level of the genre expression plan in the four works of J.D. Passos and having analyzed the lexemes “war” and “idleness” that are in the field of the main social contexts, we proved that the plan of expression at this level in the works of J. D. Passos, in general, coincides with the plan of expression of the texts of the group of “the lost generation”, so in this aspect we can suppose the affiliation of not only the literary texts of J.D. Passos (lexical level), but also the writer himself with the mentioned group of writers from the standpoint of social linguistics as well.

Research implications. The results obtained show the importance of applying the methods of sociolinguistic analysis of the literary texts genre to isolate socially marked vocabulary in them, which makes it possible to identify and meaningfully interpret new social knowledge in other texts and by other authors. The application of this method lies in explaining social reality, actions of participants in communicative contexts in the general social context will help better understand the history and culture of the country and its priorities.

KEYWORDS

sociolinguistics, genre, plan of expression, lost generation, social context, communicative situation

ВВЕДЕНИЕ

Социолингвистический анализ текста / дискурса помогает исследователю вскрывать более тонкие причинные связи между языком / языковыми явлениями и фактами общественной жизни.

Жанр, с позиций современной социолингвистики, является коннотативной семиотической системой со своим собственным планом содержания и планом выражения [8, с. 61]. Ю. А. Лобина объединяет в понятии «жанр» социокультурные, лингвистические и когнитивные аспекты текста [3]. Л. А. Стативка в своей диссертации «Социолингвистический анализ творчества американских писателей «потерянного поколения»» с позиций перспективного социокогнитивного направления проводит анализ творчества американских писателей «потерянного поколения», работавших в рамках одного и того же социального ситуативного контекста, и изучает в произведениях упомянутой группы авторов экстралингвистические и экстратекстуальные факторы, которые влияют на план выражения жанра (лингвистические факторы) их произведений, что также может быть доказательством принадлежности этих авторов к группе «потерянное поколение» с позиций социолингвистики [7].

Согласно имеющимся типологическим языковым отличиям текстов (см. работу И. П. Лысаковой [4]) мы можем отнести творчество авторов «потерянного поколения» к социолингвистически значимому, принимая во внимание речевую структуру их художественных текстов, лексические и синтаксические особенности последних, влияющие на создание авторами многократно повторяющихся коммуникативных ситуаций и вербальное поведение их участников.

Теоретической базой нашего исследования стала точка зрения Т. Н. Хомутовой, а точнее, положения её структурно-семантико-функциональной классификации жанров, которые, в свою очередь, базируются на утверждениях отечественных и зарубежных учёных Г. И. Богина [1], И. Р. Гальперина [2], Т. Д. Бибера (Biber D.) [10], К. Р. Миллера (Miller C. R.) [11]; данная точка зрения также уже была использована в работах Л. А. Стативки [7].

В художественных текстах любого жанра позиция писателя (в том числе общественная и политическая) в основном чётко им обозначена, например, через использование автором разного рода лексики (в том числе и оценочной) для характеристики явлений окружающего мира, включая социум и все происходящие в нём события.

Анализируемые нами ранее (см. диссертацию Л. А. Стативки [7]) художественные тексты / дискурсы «потерянных» (Ф. Фицджеральда, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя) изобилуют лексическими единицами разного ассоциативного ряда, тем не менее, в произведениях этих авторов в большом количестве используется лексика, связанная именно с двумя условно обозначенными нами социальными контекстами – «война» и «праздность» (см. работы Л. А. Стативки и И. О. Мазирки [5; 6; 7]). Оба контекста содержат большое количество лексем, обозначающих, например, пагубные привычки участников данных контекстов (курение, наркотики, алкоголь), что выступает индикатором чувств разочарования, обречённости, ненужности и безысходности существования

большого числа представителей молодого поколения в американском обществе в период между двумя мировыми войнами (табл. 1, 4).

Социальный контекст «праздность», с нашей точки зрения, представлен в текстах «потерянных», например, лексикой, связанной с понятиями «обогащение», «деньги», «гламурность» и т. д. [7].

Анализируемые нами лексические единицы плана выражения жанра в текстах упомянутых писателей чётко характеризуют также сложные и отрицательные для развития культуры и духовности общества внутренние социальные перемены в США в рассматриваемый нами период между двумя мировыми войнами [7].

Отражение национально-культурной специфики и социального статуса в вербальном поведении участников коммуникативных ситуаций и в тексте-речи самих авторов «потерянного поколения» в художественных произведениях последних является важным ориентиром для проведения социолингвистического анализа художественного текста. Заметим, что «потерянные» не всегда и не всеми считаются чётко обозначенной группой, поскольку, несмотря на наличие в их художественных текстах ряда очевидных общих черт, в них также чётко прослеживается и разнообразие индивидуальных художественных почерков (плана выражения) каждого отдельного писателя.

Принимая во внимание многомерную теорию жанров Т. Н. Хомутовой [9, с. 61] и научные исследования Л. А. Стативки, выполненные на основе данной теории [7], мы предпринимаем попытку доказать принадлежность художественных текстов Дж. Дос Пассоса 20-х–30-х гг. XX в. к текстам группы американских авторов «потерянного поколения» этого же периода с позиций социолингвистики, а именно мы приводим ряд доводов в пользу того, что план выражения на лексическом уровне при социолингвистическом аспекте рассмотрения жанра произведений Дж. Дос Пассоса в целом совпадает с планом выражения текстов группы «потерянных» относительно количества используемых этими авторами сходных лингвистических средств на обозначенном уровне.

Базируясь на отобранной нами ранее методом сплошной выборки с использованием ассоциативного словаря *Word Associations Network*¹ лексике [7], мы проанализировали художественные тексты (романы) Дж. Дос Пассоса английском языке: «Манхэттен» (*Manhattan transfer* 1925, рус. пер. 1931)²; «42-я параллель» (*The 42nd parallel* 1930, рус. пер. 1931)³; «Большие деньги» (*The big money* 1936, на русский не переведён)⁴; «Три солдата» (*Three soldiers* 1921,

¹ World Associations Network: ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://wordassociations.net/en/> (дата обращения: 03.05.2023).

² Passos J. D. *Manhattan transfer*. NY: Dover Publications, 2022. 384 p.

³ Passos J. D. U.S.A. London: Pinguin, 2001. 1184 p.

⁴ Passos J. D. U.S.A. London: Pinguin, 2001.1184 p.

рус. пер. 1924)⁵, с целью определения в них количества тех же лексических единиц как части лингвистических средств плана выражения жанра произведений, помогающих автору, как и другим писателям группы «потерянных», структурировать в своих произведениях «социальные действия во времени и пространстве», совершаемые участниками создаваемых авторами этих произведений коммуникативных ситуаций в рамках социальных контекстов «война» и «праздность». Учитывая исследования Т. Н. Хомутовой [8, с. 26–29] и наши более ранние работы [6; 7], мы также продолжаем утверждать, что особенностями языковой модели текстов рассмотренных нами произведений следует считать социолингвистические переменные жанра этих произведений.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ДОС ПАССОСА (ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ)

Приведём количественные данные из произведений Дж. Дос Пассоса по употреблению автором лексем, напрямую связанных с социальными контекстами «война» и «праздность», а именно с понятием «bad habits» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятию «bad habits» («вредные привычки») / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concept of “bad habits”

Work / Total words	Alcohol	Items	Drugs	Items
Manhattan transfer (129622)	Drink	96+111+64+168=439	Smoke	64+65+32+53=214
The 42 nd parallel (133560)	Alcohol	5+2+4+5=16	Cigarette	21+30+53+45=149
The big money (179612)	Whiskey	19+3+1+34=57	Cigar	28
Three soldiers (133086)	Brandy	6+6=12	Pipe	18+15+4+3=40
	Wine	14+21+51+30=116	Drug	2+3+4+4=13
	Champagne	18+6+12+23=59	Opium	2
	Rum	4+2+1+2=9	Crack	4+812
	Glass	94+60+67+81=302	Cocaine	0
	Bottle	26+20+57+42=145		
Dos Passos J. Итого слов: 575880		«bad habits» («вредные привычки») Итого: 1613 = 0,28% от всех слов		

У проанализированных нами ранее авторов данные лексемы представлены следующим образом: Э. Хемингуэй – 0,37% от всех слов, Ф. С. Фитцджеральд – 0,18%, У. Фолкнер – 0,16% [7].

⁵ Passos J. D. Three soldiers. NY: Must have books, 2021. 226 p.

Вывод. Напряжённая ситуация в американском социуме и способы её преодоления так же широко, как и у ранее проанализированных нами «потерянных», представлены и в изучаемых романах Дж. Дос Пассоса, где автор, в частности, использует большое количество лексем, ассоциируемых с вредными привычками участников социального контекста, что, скорее всего, связано с планом содержания жанра произведений этих авторов (экстралингвистическими факторами и т. д.). Кроме того, Дж. Дос Пассос в ряде произведений выступает и сам как участник социального контекста, созданного им же для своих героев – коммуникантов, злоупотреблявших алкоголем и т. п.

Слово «смерть» у Дж. Дос Пассоса (табл. 2), как и у других «потерянных», синонимично слову «война». Количество лексических единиц, ассоциируемых с этими понятиями у других «потерянных», выглядит следующим образом: Э. Хемингуэй – 0,7%, Ф. С. Фитцджеральд – 0,2% и У. Фолкнер – 0,28% [7], – что свидетельствует о предпочтении Дж. Дос Пассоса, как и Э. Хемингуэя, затрагивать в своих произведениях больше социальный контекст «война», нежели «праздность» (ср.: Э. Хемингуэй – 0,70% vs 0,37%, У. Фолкнер – 0,28% vs 0,16%, Ф. С. Фитцджеральд – 0,20% vs 0,18%) [7]. И связано это, скорее всего, с тем, что Дос Пассос также был активным участником военных действий, как и многие «потерянные».

Таблица 2 / Table 2

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям «death» и «war» («смерть» и «война») / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of “death” and “war”

Work / Total words	Death	Items	War	Items
Manhattan transfer (129622) The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	Die/death/	45+78+29+156=308	War	37+85+64+61=247
	Dead	37+43+28+46=154	Soldier	4+19+81+9=113
	Kill	30+4+27+49=138	Officer	11+15+98+17=141
	Pain	5+4+29+14=52	Lieutenant	97+10=107
	Blood	3+33+51+30=117	Captain	17+10+23+8=58
			Colonel	16+19+28+14=77
			General	5+27+19+18=69
			Shoot	19+28+26+13=86
			Fight	29+44+20+28=121
Dos Passos J. Итого слов: 575880	«death» и «war» («смерть» и «война») Итого: 1788 = 0,31% от общего количества слов			

Тема любви и присутствие «положительных эмоций» в произведениях Дж. Дос Пассоса, как и у других писателей «потерянного поколения», тесно пересекаются с эпизодами войны и с ситуациями, вызывающими «отрицательные эмоции». Дж. Дос Пассос, как «практически и все “потерянные”, пытается создать заметный параллельный социальный контекст для тех же участников коммуникативных ситуаций, чтобы последние смогли найти отдушину в чём-то положительном» [7].

В таблице 3 представлены количество использованных автором лексических единиц, ассоциируемых с понятиями «положительные эмоции», «любовь», «дружба» и т. п., и их соотношение с лексикой социального контекста «война» и понятием «отрицательные эмоции». У Дж. Дос Пассоса это выглядит так: 0,72% vs 0,52%, – а у ранее анализируемых нами авторов представлено следующим образом: у Ф. С. Фицджеральда – 0,66% vs 0,35%, у Э. Хемингуэя – 0,88% vs 0,8%, у У. Фолкнера – 0,5% vs 0,4% [7] от всех слов в их произведениях.

Таблица 3 / Table 3

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям «positive & negative emotions» («положительные и негативные эмоции») / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of “positive & negative emotions”

Work / Total words	Positive emotions	Items	Negative emotions	Items
Manhattan transfer (129622) The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	Love	107+119+13+163=402	Hate Bad habits	41+33+24+64=162 1613 (см. Таблицу №1)
	Like	613+452+475+628=2168		Die/death Dead Kill Pain Blood War Shoot Fight
	Kiss	52+62+28+83=225		
	Hug	17+7+16=40		
	Embrace	1+1+1+1=4		
	Sex Happy laugh Smile Friend/ Friendship/ friendly	6+1+5=12 34+34+26+42=133 128+94+223+146=591 43+43+60+67=213 66+96+64+145=371		
Dos Passos J. Итого слов: 575880		«positive emotions» («положительные эмоции») Итого: 4159 = 0,72%		«negative emotions» («негативные эмоции») Итого: 2998 = 0,52%

Вывод. Участники коммуникативных ситуаций в созданных Дж. Дос Пассосом социальных контекстах его произведений так же, как и практически у всех «потерянных», искали утешение больше в любви и любовных отношениях, нежели во вредных привычках, т. е. подтверждается тезис о счастье целого поколения «потерянных» «вопреки».

В ходе исследования нами также были отобраны и изучены лексемы, ассоциируемые сначала с «благополучным», а затем с «неблагополучным» существованием участников коммуникации в рассматриваемых нами социальных контекстах. У Дж. Дос Пассоса соотношение выглядит как 0,49% vs 0,18% (табл. 4). У ранее анализируемых нами авторов ситуация сложилась следующим образом: Э. Хемингуэй – 0,3% vs. 0,22%, Ф. С. Фицджеральд – 0,87% vs. 0,22%, У. Фолкнер – 0,22% vs. 0,14% [7].

Таблица 4 / Table 4

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям “prosperity / richness” и “non-prosperity / loneliness” / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of “prosperity / richness” and “non-prosperity / loneliness”

Work / Total words	Prosperity / richness	Items	Non-prosperity / loneliness	Items
Manhattan transfer (129622)	money	99+189+120+42=450	loneliness	0+0+0+3=3
	rich	21+52+24+19=116	Isolation	0+1+1+0=2
	wealth	1+13+17+1=32	care	90+32+73+87=282
The 42 nd parallel (133560)	dollar	90+106+103+5=304	Poor/poverty	56+37+94+18=205
The big money (179612)	Jewelry	2+1+9+1=13	(In)different	13+17+29+14=73
Three soldiers (133086)	coin	3+0+2+4=9	Cynical	1+0+0+1=2
	bill	24+51+64+2=141	Conscious	7+8+3+20=38
Dos Passos J. Итого слов: 575880	count	2+6+53+19=80	War	37+85+64+61=247
	purse	10+1+11+4=26	Pain	5+4+29+14=52
	pocket	43+38+49+53=183	fight	29+44+20+28=121
	wallet	0+1+8+0=9		
	colours	1212(см. табл. 8)		
	luxury + gems	66 + 154 = 220 (см. табл. 5 и 6)		
		«prosperity/richness» («благополучие/богатство») Итого: 2795 = 0,49%		“non-prosperity/loneliness” (неблагополучие/одиночество») Итого: 1025 = 0,18%

Вывод. У Дос Пассоса лексика, связанная с «благополучным» существованием участников коммуникации, превалирует над той, что связана с «неблагополучным» существованием этих участников в общем для них социальном контексте, что может говорить о стремлении целого поколения американцев к обогащению, несмотря на сложности, вызванные войной.

Согласно типологическим языковым отличиям лексики, характерной для творчества Дж. Дос Пассоса, к разряду социолингвистически значимых можно отнести следующие: 1. многократное употребление одних и тех же слов в рамках заданного социального контекста⁶; 2. нацеленность на употребление разговорной и эмоциональной лексики⁷; 3. заметное присутствие в текстах паттернов мировоззренческих идей современного писателю общества «потерянных»⁸; 4. использование цветовой знаковой системы, например, прилагательных «golden», «yellow», «silver» и др., часто ассоциируемых у европейцев и американцев с цветами достатка (у нас – социальный контекст «праздность»; результаты представлены в таблице 6). В произведениях ранее анализируемых нами авторов ситуация с использованием цвета выглядит следующим образом: у Ф. Фиджеральда – 0,27%, у У. Фолкнера – 0,06%, у Э. Хемингуэя – 0,05% от всех слов [7].

Количество лексических единиц социального контекста «праздность» («гламурность», «деньги», «драгоценности» и т. д.) в произведениях Дж. Дос Пассоса представлено нами в таблице 5 и частично 6 («gems»).

Вывод. Большой процент лексем из социального контекста «праздность» («роскошь», «деньги», «гламурность» и т. д.) у анализируемых авторов также отражает наличие у целого поколения «потерянных» американцев в 20-х–30-х гг. прошлого века желания обогащаться, повседневно и повсеместно наслаждаться жизнью с присутствием безграничной любви к деньгам⁹.

На лексическом уровне Дж. Дос Пассос, как и другие писатели из группы «потерянных», также демонстрирует присутствие у своих коммуникантов признаков индифферентности ко всему окружающему, одиночества и/или, наоборот, наличие у них сострадания ко всем в едином создаваемом автором социальном контексте (табл. 7). У Дж. Д. Пассоса соотношение этих единиц выглядит как 0,36% vs. 0,70%, а у ранее изученных нами писателей так: у Ф. Фиджеральда – 0,28% vs 0,66%, у Э. Хемингуэя – 0,36% vs. 0,63%, у У. Фолкнера – 0,18% vs. 0,5% [7].

Вывод. С помощью данных лексем авторы хотя и транслируют «отгороженность» (намеренную или бессознательную) участников коммуникативных ситуаций от окружающей их действительности, тем не менее утверждают, что абсолютно «потерянным» их поколение назвать нельзя.

⁶ Passos J. D. Manhattan transfer. NY: Dover Publications, 2022. 384 p.

⁷ Passos J. D. U.S.A. London: Pinguin, 2001. 1184 p.

⁸ Passos J. D. Manhattan transfer. New York: Dover Publications, 2022. 384 p.; Passos J. D. Three soldiers. NY: Must have books, 2021. 226 p.; Passos J. D. U.S.A. London: Pinguin, 2001. 1184 p.

⁹ Passos J. D. U.S.A. London: Pinguin, 2001. 1184 p.

Таблица 5 / Table 5

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям социального контекста «праздность» («luxury», "glamour», etc.) / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of the social context of "idleness" ("luxury", "glamour", etc.)

Work / Total words	Luxury	Items	Precious metals, jewels	Items	Rich	Items	Greatness	Items
Manhattan transfer (12962)The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	lavish	1	precious	2+2+1+2=7	rich	21+24+19+52=116	great	96+139+101+155=491
	sumptuous	1+1=2	silver	39+32+36+40=147	wealth	1+13+17+1=32	Splendid/splendor	1+3+3+5=12
	stone	5+12+4+19=40	gold	39+49+59+53=147	money	99+189+120+42=450	gorgeous	5
	glam	1	jewelry	2+1+9+1=13	dollar	90+106+103+5=304	fortune	2+12+11=25
	luxury	3+1+2=6	yellow	64+43+67+106=280	coin	3+0+2+4=9	worth	13+18+24+9=64
	prosperous	2+3+10=15	ring	22+6+13+33=74	bill	24+51+64+2=141	dress	137+112+48+206=503
	abundance	1	decoration	1+2+1=4	count	2+6+53+19=80	Car	40+77+62+143=322
			necklace	1+1+1=3	purse	10+1+11+4=26		
			attire	1	pocket	43+38+49+53=183		
					wallet	0+1+8+0=9		
Dos Passos J. Итого слов: 575880	«luxury» («роскошь» как часть «prosperity» («благополучие») + 'gems' («драгоценные камни») Итого: 3648+154= 3802 = 0,66% от общего количества слов							

Таблица 6 / Table 6

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям «prosperity»: «colour» («цвет») и «gems» («драгоценные камни») / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of “prosperity”. “colour” and “gems”

Work / Total words	Colour	Items	Gems	Items
Manhattan transfer (129622) The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	yellow	64+43+67+106=280	metal	10+10+9+11=40
	violet	14+2+27+5=45	diamond	17+4+2+17=40
	red	134+101+191+134=560	emerald	1+1+6=8
	Ruby	1	Ruby+emerald+pearl+sapphire	14+16+10+10=50
	diamond	1+4+2+17=24	Bead	14+4+6+2=26
	emerald	1+6+1=8		
	Gold	39+49+59+53=147		
	Silver	39+32+36+40=147		
Итого:	1212 = 0,21%	Итого:	154 = 0,03%	
Dos Passos J. Итого слов: 575880	«prosperity»: «colour» и «gems» («цвет» и «драгоценные камни») Итого: 1366 = 0,24% от общего количества слов			

Таблица 7 / Table 7

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к понятиям «loneliness» и «care» («одиночество» и «сострадание») / The use of J. Dos Passos lexemes related to the concepts of “loneliness” and “care”

Work / Total words	Loneliness	Items	Care	Items
Manhattan transfer (129622) The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	loneliness	3	Love	107+119+13+163=402
	(In)different	13+17+14+29=73	Like	613+452+475+628=2168
	Cynical	1+1=2	Kiss	52+62+28+83=225
	alone	45+40+35+62=182	Friend/Friendship/friendly	66+96+64+145=371
	Hate	41+33+24+64=162	Hug	17+7+16=40
	Bad habits	1613/см.Таблицу1	laugh	128+94+223+146=591
	Don't care	2+6+8+2=18	Embrace	1+1+1+1=4
			Smile	43+43+60+67=213
Dos Passos J. Итого слов: 575880	«loneliness» («одиночество») Итого: 2053 = 0,36%		«care» («забота, равнодушие») Итого: 4014 = 0,7%	

Использование участниками коммуникативных ситуаций в произведениях Дж. Дос Пассоса грубой лексики, ругательств, проклятий – ещё одна черта поколения «потерянных», которая также отражается в плане выражения жанра их произведений на лексическом уровне (табл. 8). У ранее исследованных нами авторов ситуация выглядит следующим образом: у У. Фолкнера – 0,22% такой лексики от общего числа слов, у Э. Хемингуэя – 0,27%, у Ф. С. Фицджеральда – 0,17% [7].

Таблица 8 / Table 8

Употребление Дж. Дос Пассосом лексем, относящихся к инвективам /
The use of J. Dos Passos lexemes relating to invectives

Work/Total words	Инвективы	Items
Manhattan transfer (129622) The 42 nd parallel (133560) The big money (179612) Three soldiers (133086)	Scoundrel	2
	Blackguard	5+1=6
	Harlot (табу)	2+2=4
	Whore	1+8+4+5=18
	Blast (ругательство)	3+3+1+2=9
	Villain	1+1=2
	Bastard (табу)	5+10+15+14=44
	Bitch	10+24+22=56
	Heck	1+2=3
	Darn	10+3+3+7=23
	Devil	8+9+11+7=35
	Deuce	1
	Feature	2+4+3+6=15
	Damn	53+59+137+111=360
	Hell	115+91+85++227=518
	curse	4+8+6=18
devil	8+9+11+7=35	
demon	1+1+2+1=5	
	curse	12
Dos Passos J. Итого слов: 575880	«invectives» («инвективы»), включая проклятия Итого: 1166=0,2% от общего количества слов	

Вывод. Прямые инвективы, включая проклятия, также активно используются Дж. Дос Пассосом в своих произведениях при создании им речевого имиджа своих участников коммуникативных ситуаций, причём в обоих обсуждаемых нами социальных контекстах, поскольку персонажи «потерянных» постоянно находятся на грани жизни и смерти, и это обстоятельство провоцирует их на выброс негативных эмоций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье доказано, что творчество Дж. Дос Пассоса в социолингвистическом ракурсе рассмотрения плана выражения жанра его произведений на лексическом уровне, т. е. согласно выделенным нами лексемам, ассоциируемым с социальными контекстами «война» и «праздность», и ранее исследованные нами произведения трёх писателей из группы «потерянных» можно отнести к творчеству писателей одной группы – «потерянного поколения».

Присутствие анализируемой нами лексики помогает писателям этой группы формировать нужные им и схожие между собой коммуникативные ситуации в рамках схожих социальных контекстов с учётом общих для всех экстралингвистических факторов.

Результаты, полученные в ходе анализа текстов Дж. Дос Пассоса на лексическом уровне, подтверждают важность и ценность относительно нового направления в исследовании современных художественных текстов (их жанров в социолингвистическом аспекте) [8], которое помогает учёному получить более обширные сведения и глубокие знания об анализируемых текстах и творчестве писателей в целом.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 10.06.2023

Статья размещена на сайте: 27.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Техники понимания – общелингвистическая и общелингологическая проблема // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2000. Т. 1. № 3. С. 118–125.
2. Гальперин И. Р. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. 254 с.
3. Лобина Ю. А. Вариативность учебного межкультурного дискурса: жанр в метакоммуникативном аспекте // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 1. С. 134–140.

4. Лысакова И. П. Избранные труды по филологии и лингводидактике. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 446 с.
5. Мазирка И. О. Психологические и лингвистические аспекты исследования личности в научной и художественной литературе // Прикладная психология и психоанализ. 2004. №4. С. 50–55.
6. Мазирка И. О. Социолингвистический аспект особенностей жанра и стилистики художественных текстов Ф. С. Фицджеральда // Наука на благо человечества – 2020: материалы Международной научной онлайн-конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов), Москва, 20–24 апреля 2020 г. / отв. ред., сост. Е. А. Певцова. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 67–72.
7. Стативка Л. А. Социолингвистический анализ творчества американских писателей «потерянного поколения»: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 218 с.
8. Хомутова Т. Н. Жанр как объект лингвистического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2004. Вып. 1. № 7. С. 26–29.
9. Хомутова Т. Н. Типология жанра: от теории к практике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. Вып. 3. № 6. С. 60–64.
10. Biber D., Conrad S. *Register, Genre and Style*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 344 p.
11. Miller C. R. Genre as a social action // *Quarterly journal of speech*. 1984. № 70. P. 151–167.

REFERENCES

1. Bogin G. I. [Techniques of understanding – a general linguistic and general philological problem]. In: *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta* [Herald of Grodno State University], 2000, vol. 1, no. 3, pp. 118–125.
2. Galperin I. R. *Izbranniye trudi* [Selected works]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 254 p.
3. Lobina Yu. A. [Variability of educational cross-cultural discourse: the genre in metacommunication aspect]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2013, no. 1, pp. 134–140.
4. Lysakova I. P. *Izbranniye trudy po filologii i lingvodidaktike* [Selected works on philology and linguodidactics]. St. Petersburg, Izdatelstvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2021. 446 p.
5. Mazirka I. O. [Psychological and Linguistic Aspects of Personality Research in Scientific and Fiction Literature]. In: *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], 2004, no. 4, pp. 50–55.
6. Mazirka I. O. [Sociolinguistic aspect of the features of the genre and style of F. S. Fitzgerald's literary texts]. In: Pevtsova E. A., ed. *Nauka na blago chelovechestva – 2020: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii molodykh uchenykh (stat'i prepodavatelei i aspirantov)*, Moskva, 20–24 aprelya 2020 g. [Science for the Benefit of Humanity - 2020: Proceedings of the

- International Scientific Online Conference of Young Scientists (articles of teachers and graduate students), Moscow, April 20–24, 2020]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020, pp. 67–72.
7. Stativka L. A. *Sotsiolingvisticheskiy analiz tvorchestva amerikanskikh pisatelei «poteryannogo pokoleniya»: dis. ... kand. filol. nauk* [Sociolinguistic analysis of the works of American writers of the “lost generation”: Cand. Sci. thesis in Philology]. Mytishchi, 2021. 218 p.
 8. Khomutova T. N. [Genre as an object of linguistic research]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2004, iss. 1, no. 7, pp. 26–29.
 9. Khomutova T. N. [Genre typology: from theory to practice]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], iss. 3, no. 6, pp. 60–64.
 10. Biber D., Conrad S. *Register, Genre and Style*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 344 p.
 11. Miller C. R. Genre as a social action. In: *Quarterly journal of speech*, 1984, no. 70, pp. 151–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Стативка Людмила Александровна – кандидат филологических наук, независимый исследователь; e-mail: lusi1984@mail.ru

Irina O. Mazirka – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Lyudmila A. Stativka – Cand. Sci. (Philology), an independent researcher; e-mail: lusi1984@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мазирка И. О., Стативка Л. А. Социолингвистический аспект рассмотрения лексического уровня плана выражения жанра художественных текстов Дж. Дос Пассоса как писателя группы «потерянное поколение» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Mazirka I. O., Stativka L. A. The sociolinguistic aspect of the consideration of the lexical level of the plan of expression of the genre of literary texts by J. Dos Passos as a writer of the group “lost generation”. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 72:81

Овакимян А. Д.*Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, Бронницкий филиал
140170, Московская обл., г. Бронницы, ул. Ново-Бронницкая, д. 50, Российская Федерация*

АССИМИЛЯЦИЯ ТЕРМИНОВ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (СТРУКТУРНЫЙ МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Систематизировать, классифицировать религиозные термины архитектуры в соответствии с типом их ассимиляции в принимающих английском и русском языках.

Процедура и методы. В настоящей работе используются распространённые формально-структурный, морфемный, а также статистический анализ единиц специальной лексики. Термины рассматриваются как в синхронии, так и в диахронии.

Результаты. В работе были проанализированы 50 терминов русского языка и 50 терминов английского. Определены структурные изменения, происходившие с ними, или, в случае с терминами «нулевой» группы, их отсутствие. В терминологии двух языков наблюдается разнообразие ассимиляционных процессов, в соответствии с чем они были подразделены на группы: нулевую, полную, корневую, выпадения, смены, добавления флексии. Подробные результаты работы содержатся в конце статьи.

Теоретическая и практическая значимость исследования связана с использованием его результатов терминоведами для упорядочения и систематизации процесса ассимиляции заимствований, для облегчения передачи новых лексических единиц в более подходящем варианте языка-реципиента. Настоящие результаты могут применяться на занятиях по практике языка, лексикологии английского и русского языков, социолингвистике, терминоведению и, возможно, архитектуроведению. Результаты работы могут быть интересны при терминологическом переводе и редактировании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

термин, морфемный анализ, религиозная архитектурная терминология, классификация, ассимиляция, этимология

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Классификация морфемных ассимиляционных процессов](#)

[Обсуждения](#)

[Заключение](#)

A. Hovakimyan

*Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Bronnitsy's branch
ul. Novo-Bronnitskaya 50, Bronnitsy 140170, Moscow region, Russian Federation*

ASSIMILATION OF THE TERMS OF CHRISTIAN ARCHITECTURE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES (STRUCTURAL MORPHEME ANALYSIS)

ABSTRACT

Aim. To systematize and classify the religious terms of architecture in accordance with the type of their assimilation in the recipient English and Russian languages.

Methodology. This work uses the common formal-structural, morphemic, and statistical analyses of special vocabulary units. The terms are viewed both in synchrony and diachrony.

Results. The work analyzed 50 Russian terms and 50 English ones. The article states the structural changes that occurred to them, or, as in the case of the "zero" group, their absence. There is a variety of assimilation processes in the terminology of two languages, according to which they were divided into the following groups: zero, complete, root, dropout, change, addition of inflection. The detailed results of the work are given at the end of the article.

Research implications. The study results may be of use of the terminologists to organize and systematize the process of loan words assimilation, to facilitate the process of transferring new lexical units in a more appropriate version of the recipient language. These results can be applied in the classes of linguistics, terminology and, possibly, architecture studies. The results of the work may be of interest in terminological translation and editing.

KEYWORDS

term, morphemic analysis, religious architectural terminology, classification, assimilation, etymology

ВВЕДЕНИЕ

Входя в язык и усваиваясь в нём, каждый термин претерпевает фонемные, графические, грамматические и лексические изменения, чтобы стать полноправным элементом принимающего языка и в конечном итоге восприниматься носителями языка-реципиента как слово с исконным происхождением. Именно данный процесс и считается ассимиляционным в настоящей работе.

Словарь архитектурной лексики русского языка ежедневно пополняется новыми терминами из английского, о чём свидетельствует статья Н. А. Трофимовой и О. Г. Щитовой «Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в.». В ней отмечается, что 90% новых слов имеют английское происхождение [10, с. 53]. Но заимствованные термины христианских

сооружений имеют разнообразную этимологию, и, как ни странно, слов английского происхождения в русском языке не обнаружено.

Классификацией заимствованных терминов занимались и занимаются виднейшие отечественные лингвисты: С. В. Гринев-Гриневиц¹, Б. Н. Головин, Д. С. Лотте [6], В. М. Лейчик и др. Архитектурная терминология исследуется в следующих диссертационных работах: А. В. Минасян «Семантический анализ терминологии русского языка, заимствованной из французского языка (на материале литературоведческой, военной и архитектурной терминологий)» (2003) [7]; Э. Стаматиаду «Лексико-семантические, структурные и функциональные особенности архитектурной лексики (на материале английского, немецкого, греческого и русского языков)» (2010) [9]; А. Д. Овакимян «Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках» (2018) [8] и др.

Наличием вышеприведённых работ обосновываются актуальность темы и интерес к архитектурной терминологии. Кроме того, проведение подобных исследований необходимо для развития архитектуроведения, что подтверждает работа О. А. Шипицыной [12] «Взаимодействие информации в текстах об архитектуре». И сам «язык архитектуры – это язык проектирования, объективно слагающийся из письменности естественных языков и языка математики (геометрии)» [11, с. 71]. Ассимиляция, усвоение терминологии христианских сооружений в лингвистическом плане отдельно не рассматривалось. Данная тема исследуется впервые, что говорит о её новизне.

Заимствованиями, или иноязычными вкраплениями в языке считаются «лексические, фонетические и грамматические единицы “чужого” языка, которые функционируют в таковом статусе для определённых целей в языке-рецепторе» [13, с. 36].

Архитектурной терминологией христианского сооружения в данной работе считается терминологический словарь, необходимый «архитектору при строительстве сакрального сооружения» [8, с. 46], включая строительную терминологию. Но в данном случае мы будем рассматривать термины, распределённые у Л. Р. Сакаевой на 3 группы: «type of the building, part of the building, building element» [15, p. 6]. В исследование входят наиболее часто используемые термины сакральной архитектуры двух языков.

Поскольку эти группы достаточно обширны, обозначим границы нашего исследования: 50 терминов русского языка и 50 – английского. Все термины упоминаются в тексте статьи, обозримы. Количество исследуемых лексических единиц говорит о небольшой обширности исследования, но нам представляется, что такой объём достаточен для проведения подобной работы и выявления результатов.

¹ Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.

В области терминологии архитектуры и строительства английского языка подразделяют однокомпонентные, многокомпонентные структуры и аббревиатуры [14, р. 45]. В данной работе исследуются по большей части однокомпонентные термины (95% случаев), которые преобладают в обоих языках.

Список терминов взят из диссертационной работы автора «Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках» [8], основанной на поиске вокабуляра из множества источников.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМНЫХ АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Д. С. Лотте подчёркивает необходимость изучения «техники заимствования» (термин Д. С. Лотте) [6, с. 130], поскольку таким образом можно систематизировать и упорядочить терминологию. Перед тем, как приступить к рассмотрению заимствований из того или иного языка в формате морфемного анализа, немаловажным считаем отметить следующие пункты:

1. для получения более достоверных и полных данных, относящихся к лексике русского и английского языков, в работе использовались словари², как электронные, так и печатные;

2. в исследование входят преимущественно слова русского языка, заимствование которых относится не к древнерусскому периоду (до XIV–XV вв.), поскольку насчёт первого языка-источника в используемых источниках нет общего мнения. Возьмём, к примеру, слово *церковь*, которому П. Я. Черных приписывает «неясную этимологию»³, но, по мнению автора, бóльшим основанием обладает теория заимствования из греческого *kyriakos*, означающего *господний* (от формы *kyriakē* которого развились английское *church* и армянское *Կիրակի*⁴ [*kiraki*] в значении дня недели *воскресенье, божий день*).

² Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. 719 с.; Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. 432 с.; Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. 208 с.; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Рус. Яз., 1999. 624 с.; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Рус. Яз., 1999. 560 с.; Этимологический словарь русского языка. Вып. 10 / под общ. ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 2007. 400 с.; BD – The Barnhart concise dictionary of etymology. New York: Harper Collins Publishers, 1995. 916 p.; The concise English dictionary of English etymology. New York: Oxford University Press, 1996. 552 p.; Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 23.04.2023); Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 23.04.2023).

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Рус. Яз., 1999. С. 367.

⁴ Armenian dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.nayiri.com/search?dt=HY_HY&r=0&l=en&query=%D5%AF%D5%AB%D6%80%D5%A1%D5%AF%D5%AB (дата обращения: 02.07.2023).

Поскольку первоисточник заимствования в русском языке точно не определён, судить о морфемных изменениях не представляется возможным. Если допустить вариант из греческого, в морфологическом плане данный термин стоит отнести к полной группе и в русском, и в английском, и в армянском языках. Таким образом, в работе рассматриваются термины, преимущественно относящиеся к периоду заимствования позже XV в.

Немаловажно отметить также, что «исконно русская строительная терминология – уникальный памятник народной культуры. Терминологический словарь формировался в течение многих веков и постоянно пополнялся за счёт собственных ресурсов» [1, с. 89];

3. к исследуемому термину предъявляется требование – если мы имеем дело с вариантом английского языка, корнями он не должен уходить в прагерманский язык; если же рассматривается термин русского языка, корнями он не относится к древнерусскому или праславянскому языку.

Л. Р. Сакаева в статье «English and Russian architectural and construction terminology: approaches to classification and systematization of terms», группируя термины архитектуры, выделяет заимствованные, «which underwent significant overview during assimilation» [15, p. 6]. Далее в тексте рассмотрим изменения, или «значительный пересмотр», которым подвергаются термины христианской архитектуры при ассимиляции, разделив их на соответствующие группы.

В «**нулевою**» группу входят слова, которые не претерпели морфемных изменений: *ротонда* от итал. *rotonda*⁵, *абсида* от лат. *absida*, *окулус* от лат. *oculus*, *неф* от фр. *nef*⁶.

В английском языке к терминам данной группы можно отнести слова, не претерпевшие графических изменений, кроме последнего примера: *arc* от фр., *acanthus* от лат., *bas-relief* от фр., *balustrade* от фр., *chorus* от лат.⁷, *force* от фр. в двусоставном слове *counterforce*, *icon* от лат., *basilica* от лат., *fresco* от итал., *impost* от фр., *façade* от фр., *lustre* от фр., *portico* от итал., *rosette* от фр., *oculus* от лат., *martyrium* от лат., *triforium* от лат., *table* от фр., *capital* от фр., *monument* от фр., *mosaic* от фр. *mosaique*. Отметим, что слово *façade* не ассимилировалось в английском ни фонетически, ни графически.

К «**полной**» группе относятся термины, в которых при заимствовании изменения затронули как корень, так и окончание слова: *филенка* от нем.

⁵ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 533.

⁶ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М. Астрель: АСТ, 2008. С. 408.

⁷ Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 23.04.2023).

Füllung^{8,9}, *монастырь* от греч. *monasterion*. К этой же группе можно отнести слово *башня*, если допустить его происхождение от польск. *baszta* [башта].

В английском языке к терминам данной группы можно отнести: *belfry* из англ.-фр. *berefrei*, *berfrei*; *church*, ср.-англ. форма *chirice*, др.-англ. форма *cirice* от греч. *kyriakon*; *catacomb* от лат. *catacumbae*, *shrine* от лат. *scrinium*, *gallery* от ст.-фр. *galerie*, *mullion* (средник) ср.-англ. *Moyniel* от англ.-фр. *moinel*.

К «**корневой**» группе относятся случаи, при которых изменению подвергался корень слова: *херувим* от фр. *cherubin*, восходящего к др.-евр. *k'rub*¹⁰ или, как отмечается в этимологическом словаре Г. А. Крылова, заимствованного «старославянским языком из греческого, где *cheroubim* восходит к древнееврейскому *kerubim*»¹¹. К этой же группе можно отнести слово *башня*, если допустить его происхождение от польск. *baszta*¹² [башта] (ж. р.), а не от татарского¹³, *барабан* от тюрк. *daraban* (категория рода в тюркских языках, как и в армянском, отсутствует) или *balaban*¹⁴, *горельеф* от фр. *haut-relief*, *фуленка* от нем. *Füllung*¹⁵ (ж. р.). *Füllung* мы относим как к полной, так и к корневой группам.

По всей вероятности, изменения с иноязычными лексическими единицами происходили не сразу при заимствовании, а при их дальнейшем освоении в языке. Так рассуждает П. Я. Черных, говоря о том, как польское *baszta* [башта] стало использоваться в русском в форме *башня*: «м. б. сначала использовалось как прил. *баштьна(я) > *баштьня > башня и далее башня»¹⁶.

В английском языке к терминам данной группы можно отнести: корень *counter* от англ.-норманд. *comptoir*, промежуточная форма которых – *countour* среднеанглийского периода в сложносоставном слове *counterforce*; слово *pediment* (фронтон), происхождение которого не установлено, имело раннюю форму *periment*; *tower* от ст.-фр. *tur*, *font* (*купель*) от лат. *fons*, *gargoyle* также *garguile*, *gargule* от ст.-фр. *gargole*, *gargoule*, *pedestal* от фр. *pedestal*.

⁸ Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 189.

⁹ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 650.

¹⁰ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 663.

¹¹ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 403.

¹² Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 74.

¹³ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 30.

¹⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Рус. Яз., 1999. С. 71.

¹⁵ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 651.

¹⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Рус. Яз., 1999. С. 80.

К группе «**выпадение флексии**» относятся термины, в которых произошло выпадение 1–3 букв в конце заимствуемого слова для получения существительного мужского рода. Например, *алтарь* от лат. *altaria* или поздн.-греч. *altarion*, *туф* от итал. *tufo*¹⁷ (м. р.), *импост* от итал. *imposta* (ж. р.), *каркас* от итал. *carcassa* (ж. р.), *купол* от итал. *cupola* (ж. р.), *орнамент* от лат. *ornamentum*¹⁸ (ср. р.), *портук* от лат. *porticus* (м. р.), *рельеф* от лат. *relevo* (м. р.), *хор* от греч. *хорос* (ж. р.), *стилобат* от греч. *stylobates* (м. р.), *перустиль* от греч. *peristyles* (м. р.), *монастырь* от греч. *monasterion*¹⁹.

Здесь же относятся слова из французского языка: *акант* от *acanthé* (ж. р.), используемое в словосочетании *акантовый лист*; *консоль* от *console* (ж. р.); *контрфорс* от *contreforce* (ж. р.); *фасад* от *façade* (ж. р.); *фриз* от *frise* (ж. р.).

В английском языке к терминам данной группы можно отнести: *arch* от фр. *arche*, *crypt* от лат. *crypta*, *column* от лат. *columna*, *lantern* от лат. *lanterna* (*lanterne* – промежуточный вариант); *porch* от ст.-фр. *porche*; *ornament* от лат. *ornamentum*; *monument* от лат. *monumentum*; *pulpit* от лат. *pulpitum*, *conch* от лат. *concha*, *tomb* от фр. *tombe*. Заметим, что английское *cherub* было заимствовано в древнеанглийский период, изначально в написании не отличалось от латинского прототипа: *c(h)erubin*, *cerubim* от лат. *cherūbim*, – но впоследствии потеряло окончание *-in*. В английском можно заметить отсечение латинских окончаний *-in*, *-um*, *-a*.

В группе «**смена флексии**» русского языка присутствуют как термины из греческого, латинского, итальянского, так и слова из французского языков. К этой группе относятся термины, в которых выпадает одна или несколько букв в конце слова и добавляется:

– окончание *-а* или *-ия* для получения существительного женского рода: *арка* от лат. *arcus* (дуга)²⁰, *фреска* от итал. *fresco* (м. р.), *оратория* от итал. *oratorio* (м. р.), *пилястра* от итал. *pilastro* (м. р.), *лампада* от лат. *lampadion* (не установлено), *резиденция* от поздн.-лат. *residentio* (не установлено) или фр. *residence* (согласно словарю иностранных слов).

Здесь же стоит включить слова французского происхождения, в которых окончание *e* при заимствовании перешло в *а* для получения существительного женского рода русского языка: *люстра* от *lustre* (м. р.), *ниша* от *niche* (ж. р.), *балюстрада* от *balustrade* (ж. р.), *аркада* от французского или немец-

¹⁷ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 634.

¹⁸ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 436.

¹⁹ Этимологический словарь русского языка. Вып. 10 / под общ. ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 295.

²⁰ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/?ysclid=lk130реupn965121246> (дата обращения: 04.04.2023).

кого *arcade* (ж. р.)²¹, колонна от *colonne* (ж. р.), *лантерна* от *lanterne* (ж. р.), *нервюра* от *nervure* (ж. р.), *мозаика* от *mosaique* (ж. р.), *розетка* от *rosette* (ж. р.); – окончание *-ий* для получения существительного мужского рода: *трифорий* от лат. *triforium* (ср. р.), *пастофорий* от лат. *pastoforium* (ср. р.). В работе были обнаружено только два таких примера.

В английском языке к терминам данной группы можно отнести: *ambulatory* от лат. *ambulatorium*, *apse* от лат. *apsis*, *nave* от лат. *navis*, *pilaster* от фр. *pilastre*, *luster* в американском варианте от ст.-фр. *lustre*, *oratory* от лат. *oratoria*. В группе «выпадение флексии» мы отметили, что латинские окончания *-in*, *-um*, *-a* при ассимиляции выпадают. Здесь мы видим случай, когда окончание *-um* меняется на *-y*: *ambulatory*.

Группа «**добавление флексии**» включает заимствование *конха* из греч. *konch* (не установлено), *икона* от лат. *eikon* (ж. р.), *арка*, если допустить от фр. *arc* (м. р.) [5, с. 2864].

В английском языке обнаружен только один случай с использованием добавления флексии: *tachicolation* от лат. *tachecoll*.

ОБСУЖДЕНИЯ

Для установления морфемных ассимиляционных изменений необходимо определить начальную заимствуемую форму языка-источника. Здесь мы сталкиваемся с рядом проблем при анализе терминов русского языка.

– Этимологические данные у разных источников по некоторым словам не сходятся: широко распространённый термин *арка*, рассмотренный в словаре А. С. Партины, показывает, что термин русского языка восходит к итал. *arco*²², в то время как словари И. С. Ивянской-Гессен²³ и Н. М. Шанского²⁴ отмечают его происхождение из латинского *arcus*, а в статье Н. Г. Кузнецовой и др. [5, с. 2864] подчёркивается его заимствование в русский через фр. *arc* после рассмотрения происхождения данного слова в четырёх источниках. П. Я. Черных тоже не даёт ясного определения языка, с которого произошло заимствование слова *арка*²⁵. Другим примером может служить объяснение слова *пьедестал* в русском языке. В одном словаре²⁶ данный элемент трак-

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 30.04.2023).

²² Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 17.

²³ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 26.

²⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Издательство Московского университета, 1963. С. 143.

²⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Рус. Яз., 1999. С. 52.

²⁶ Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 154.

туется через фр. *pedestal*, а в другом²⁷ – итал. *pedistallo*. В этой связи в работе данные слова присутствуют в двух группах. Ещё один пример: И. С. Ивянская-Гессен даёт происхождение слова *импост* только через французское *imposte*, тогда как А. С. Партина предлагает к рассмотрению также вариант из итальянского *imposta*; *каркас* от итал. *carcassa* отмечено у Ивянской-Гессен, а Шанский объясняет происхождение этого слова через французское *carcasse* в значении *остов*²⁸. Несмотря на различия в этимологическом плане, мы можем констатировать, что в двух случаях наблюдаем тот же процесс ассимиляции – выпадение флексии.

– Есть случаи, когда происхождение слова из определённого языка во всех проверенных источниках сходится, но различается в форме или написании: *апсида* от лат. *absida* (не установлено)^{29,30} или «< лат. *absis* < греч. *hapsis* или *apsis*. Русский термин относят непосредственно к греческой форме» [5, с. 2868], в связи с чем невозможно установить точные изменения, происшедшие с данным термином при заимствовании. Или же слово *амвон* русского языка. В одном словаре³¹ данный элемент объясняется через греч. *ἀμφί* [амфи] (с обеих сторон), а в другом³² – греч. *ambon* (возвышение).

– Поскольку заимствуемый термин вначале переживает «вариативный период» (термин автора), возникает необходимость рассмотрения развития термина в диахронии с целью показать его временные видоизменения. *Амвон* – «возвышение в церкви, с которого читаются проповеди и т. д.», др.-русск. *амбонь, онбонь* (Ипатьевск.), *онболь* (Новгор. Кормч. 1280 г.); см. Срезн. II, 666, русск.-цслав. *амъвонь, амъбонь*. Заимств. из греч. *ἀμβων*³³. Греческий вариант можно транслитерировать как [амбон]. В русских вариантах мы наблюдаем переход букв *а* в *о*, *м* в *н*, конечной буквы *н* в *л*, наличие твёрдых знаков, которые в современном варианте отсутствуют.

Неоднозначное определение этимологической цепи терминов русского языка говорит о том, что, по всей вероятности, она стала исследоваться относительно недавно по сравнению с историей её существования в языке и/

²⁷ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 508.

²⁸ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/?ysclid=lk13oreupn965121246> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁹ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 24.

³⁰ Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 17.

³¹ Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 11.

³² Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 17.

³³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 30.04.2023).

или нет соответствующих записей, по которым можно было бы судить о её точном происхождении. Преображенский же ещё в предисловии к словарю 1910–15 гг. обосновал данное положение тем, что «история культурных и иных отношений русского народа к окружавшим и окружающим его обширную географическую область иным народам и племенам далеко ещё не выяснена»³⁴. Некоторые слова «ассимилированы в далёком прошлом, и установить их происхождение довольно сложно» [4, с. 178].

Проблемы при исследовании терминов английского языка возникают, когда мы имеем дело с вариативными терминами.

– Один и тот же термин может одновременно заимствоваться из двух языков. Заметьте: *monument* одновременно заимствовалось в английский язык как из старофранцузского *monument*, так и из лат. *monumentum*. *Column*, хотя и относится к заимствованию старофранцузского *colombe*, согласно OED³⁵, больше напоминает вариант латинского *columna*. В связи с этим можно предложить два сценария развития данных терминов в языке.

– Бывают случаи, когда в языке-источнике есть 2 варианта одного и того же термина и оба они заимствуются, образуя новые вариации в языке-реципиенте. В пример можно привести слово *гаргуль* английского языка: *gargoyle* также *garguile*, *gargule* от ст.-фр. *gargole*, *gargoule*. В современном французском данное слово пишется как *garguille*.

Данное явление может быть также следствием как заимствования в разные исторические периоды, что больше применимо к английскому языку, в котором графическая система претерпевала частые изменения, так и фонетических и графических особенностей принимающего языка.

С. В. Гринев-Гриневиц отмечает *вариативную группу терминов*, выделяя первый уровень усвоения лексики в принимающем языке, вхождение. При этом «дублетные формы иногда получают разные значения и становятся отдельными терминами»³⁶. *Rozemta* (1. архитектурно-декоративная деталь в виде цветка; 2. оконная круглая роза в готике) и *розетка* (выпуклый орнамент в виде шара³⁷), скорее всего, заимствованы из того же термина *rosette* немецкого или французского языка³⁸. Отметим, что в работе не ставится цель рассмотреть семантические преобразования специальных единиц.

³⁴ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1915. 716 с.

³⁵ OED – OnlineEtymologyDictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 23.04.2023).

³⁶ Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 158.

³⁷ Ивянская-Гессен И. С. Русско-английский архитектурный словарь: около 13 000 архитектурных терминов с ил. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 531.

³⁸ Партина А. С. Архитектурные термины: иллюстрированный словарь. М.: Стройиздат, 2001. С. 157.

В исследуемой области были обнаружены термины, в написании которых есть 2–3 варианта в меру неполного усвоения в принимающем языке. Сюда относятся следующие слова: *мартирий* и *мартирум* от греч. *martyros* (в род. п. *martyros*, мученик); *аналой* и *аналогий* (греч. *analogeion*, подставка для книг); *пилястр* и *пилястра*; *апсида* и *абсида*; *люнет* и *люнетта*; *плинт* и *плинфа*; *aedicule* и *edicule*; *ambo*, *ambon*; *exedra* ['eksidrə], *exhedra*, *aexedra*; *icon*, *ikon*; *oratorium*, *oratory*; *gargoyle* ['gɑ:ɡɔɪl], также *garguile*, *gargule* от ст.-фр. *gargole*, *gargoule*.

Так же усваивалось в русском языке слово *монастырь*, которое отмечается в Изборнике Святослава 1076 г. не двумя вариантами в написании, а четырьмя: *моностырь*, *манастырь*, *монастирь*, *монастырь*³⁹.

Примерно 90% исследованных терминов были заимствованы с использованием метода транслитерации и транскрипции, которые и сегодня обретают «нарастающую популярность» [3, с. 149].

Мы наблюдаем, что французский язык сыграл важнейшую роль в формировании заимствованного терминологического словаря сакральной архитектуры английского и русского языков. Известно, что период французских заимствований приходится на время «становления русской науки» [2, с. 244]. При ассимиляции в английском языке многие термины не изменились в структурном и графическом плане: *bas-relief*, *haut-relief*, *balustrade*, *façade*, *lustre*, *rosette*, *monument*, *table*, *force* в двусложном слове *counterforce*. Другие же потеряли непроизносимую конечную флексию *-e* в словах *tomb*, *lantern*. В русском языке в большинстве случаев конечное *-e* часто переходит в *-а*: *арка*, *аркада*, *балюстрада*, *колонна*, *лампада*, *лантерна*, *люстра*, *мозаика*, *нервюра*, *ниша*, *пилястра*, *розетта*. Другие же теряют данную флексию: *акант*, *импост*, *каркас*, *консоль*, *контрфорс*, *рельеф*, *фасад*, *фриз*. По всей видимости, причину здесь стоит искать в устной или письменной передаче заимствованного слова. При устном заимствовании в английском и русском языках конечное *-e* выпадает, а при письменном – в русском «для сохранения показателей женского рода присоединяли флексию *-а*» [7, с. 18], а в английском языке слово оставалось без изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе проведённого анализа фактического материала данные можно представить в виде круговой диаграммы, в которой указываются процессы ассимиляции с количеством относящихся к ним терминов. Диаграмма 1 – термины русского языка (52 случая). Диаграмма 2 – термины английского языка (51 случай).

³⁹ Этимологический словарь русского языка. Вып. 10 / под общ. ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 295.

Рис. 1 / Fig. 1. Ассимиляционные процессы морфологической структуры терминов христианских сооружений в русском языке / Assimilation processes of Christian architecture terms morphological structure in the Russian language

Рис. 2 / Fig. 2. Ассимиляционные процессы морфологической структуры терминов христианских сооружений в английском языке / Assimilation processes of Christian architecture terms morphological structure in the English language

На основе рассмотренной выше информации можно сделать следующие выводы:

1. в работе были проанализированы 50 терминов русского языка и 50 терминов английского. Определены структурные изменения, происшедшие с ними, или, в случае с терминами «нулевой» группы, их отсутствие. В терминологии русского и английского языков наблюдается разнообразие ассимиляционных видоизменений, в соответствии с чем они были подразделены на группы: нулевую, полную, корневую, выпадения, смены, добавления флексии;

2. этимологические данные английского языка во всех проверяемых источниках совпадают. Не определено происхождение только 4 слов: *belfry*, *filling*, *pediment* (фронтон), *spandrel* (пазуха свода). В русском языке происхождение расходитя при рассмотрении в различных источниках, что подтверждает текст выше;

3. самым популярным языком при заимствовании в области терминов храмостроительства в двух языках является французский. При ассимиляции в английском языке многие термины не изменились в структурном и графическом планах: *bas-relief*, *haut-relief*, *balustrade*, *façade*, *lustre*, *rosette*, *monument*, *table*, *force* в двусложном слове *counterforce*. Другие же потеряли непроизносимую конечную флексию -е в словах *tomb*, *lantern*. В русском языке в большинстве случаев конечное -е часто переходит в -а: *арка*, *аркада*, *балюстрада*, *колонна*, *лампада*, *лантерна*, *люстра*, *мозаика*, *нервюра*, *ниша*, *пилястра*, *розетта*. Другие же теряют данную флексию: *акант*, *импост*, *каркас*, *консоль*, *контрфорс*, *рельеф*, *фасад*, *фриз*. Причину здесь стоит искать в устной или письменной передаче заимствованного слова;

4. в русском и английском языках флективные изменения при заимствовании – наиболее распространённый процесс ассимиляции термина в архитектуре христианских построек, что также подтверждается в работе Э. Стаматиаду [9, с. 8]. К наименее распространённым процессам относятся корневые изменения и добавление флексии;

5. в случае с окончанием -um можно пронаблюдать разные ассимиляционные процессы. В некоторых случаях оно остаётся в языке: *martyrium*, *triforium*, *oratorium*; в других случаях выпадает: *monument(um)*, *ornament(um)*, *pulpit(um)*; а иногда переходит в -у: *ambulatory(ium)*, *oratory(ium)*;

6. большая часть терминов английского языка при рассмотрении морфемных изменений после заимствований из французского и латинского языков относится к нулевой группе. Данное обстоятельство свидетельствует о близости языков;

7. категория рода в русском языке никак не связана с категорией рода слова в языке-источнике, что доказывают многочисленные примеры с указанием рода заимствованных существительных в случае со всеми европейскими языками;

8. рассмотрев ряды вариативных терминов, наиболее приемлемыми считаем первый вариант, упоминаемый далее, не исключая второй или третий: *мартирий, мартириум; аналой, аналогий; пилястра, пилястр; апсида, абсида; люнетта, люнет; окулус, окулюс; плинт, плинфа; edicule, aedicule; ambo, ambon; exedra, exhedra, aexedra; icon, ikon; oratory, oratorium; gargoyle, garguile, gargule*. Мы исходим из критериев краткости и тональности;

9. теоретическая и практическая значимость исследования связана с использованием его результатов терминоведами для упорядочения и систематизации процесса ассимиляции заимствуемой лексики, для облегчения передачи новых лексических единиц в более подходящем варианте языка-реципиента. Настоящие результаты расширяют наши представления о структурных изменениях терминов в синхронии и диахронии. Полученные данные об ассимиляционных процессах могут применяться на занятиях по практике языка, лексикологии английского и русского языков, социолингвистике, терминоведению и, возможно, архитектуроведению. Результаты работы могут быть интересны при терминологическом переводе и редактировании.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.06.2023

Статья размещена на сайте: 12.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина И. М., Савинцева М. Е. Русская архитектурно-строительная терминология. Культурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. С. 87–92.
2. Канеева А. В. К вопросу о влиянии различных языков на формирование русской военной терминологии (на примерах английского и французского языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 240–246.
3. Карапетян Т. А. Особенности перевода англоязычных безэквивалентных архитектурных терминов // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 8. С. 148–149.
4. Краснокутская М. А. Заимствования в лингвистике и их причины на примере английского языка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-2. С. 177–179.
5. Кузнецова Н. Г., Степичева О. Н., Яновиц Ф. Интернационализмы в архитектурной терминологии европейских языков (романский архитектурный стиль) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 4. Вып. 9. С. 2861–2870.
6. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М.: Наука, 1982. 152 с.

7. Минасян А. В. Семантический анализ терминологии русского языка, заимствованной из французского языка (на материале литературоведческой, военной и архитектурной терминологий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 28 с.
8. Овакимян А. Д. Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 165 с.
9. Стаматиаду Э. Лексико-семантические, структурные и функциональные особенности архитектурной лексики (на материале английского, немецкого, греческого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
10. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 50–61.
11. Фигурный Г. Н. Происхождение архитектурного проектирования: наука и метафизика // Архитектура и современные информационные технологии. 2021. № 4. С. 70–83.
12. Шипицына О. А., Кондрашина С. В. Взаимодействие информации в текстах об архитектуре // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 3. С. 43–46.
13. Яхина Р. Р., Афонина Е. В. Функционирование иноязычных вкраплений в русских текстах (на материале современных СМИ) // Litera. 2021. № 5. С. 33–39.
14. Ivanchenko M. The characteristics of English terms structure in architecture and construction industry // *Periodyk naukowy akademii polonijnej*. 2020. № 1. P. 41–45.
15. Sakaeva L., Bazarova L., Kalinina A., et al. English and Russian architectural and construction terminology: approaches to classification and systematization of terms // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 890. Kazan: IOP Science, 2020. P. 1–8.

REFERENCES

1. Vereshchagina I. M., Savintseva M. E. [Russian architectural and building terminology. Culturological aspect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 11, pp. 87–92.
2. Kaneeva A. V. [On the question of the influence of various languages on the formation of Russian military terminology (on examples of English and French)]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and social sciences], 2019, no. 1, pp. 240–246.
3. Karapetyan T. A. [Features of translating of non-equivalent architectural terms from English into Russian]. In: *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success], 2021, no. 8, pp. 148–149.
4. Krasnokutskaya M. A. [Linguistic borrowing and its causes, based on the example of the English language]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, no. 10-2, pp. 177–179.

5. Kuznetsova N. G., Stepicheva O. N., Janowitz Ph. [International words in the architectural terminology of European languages (Romanesque architectural style)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 4, iss. 9, pp. 2861–2870.
6. Lotte D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and organizing foreign language terms and term elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 152 p.
7. Minasyan A. V. *Semanticheskii analiz terminologii russkogo yazyka, zaimstvovannoi iz frantsuzskogo yazyka (na materiale literaturovedcheskoi, voennoi i arkhitekturnoi terminologii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic analysis of the terminology of the Russian language borrowed from the French language (based on literary, military and architectural terminologies): abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Rostov-on-Don, 2003. 28 p.
8. Hovakimyan A. D. *Arkhitekturnaya terminologiya kul'tovykh sooruzhenii v russkom, angliiskom i armyanskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Architectural terminology of religious buildings in Russian, English and Armenian languages: Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 2018. 165 p.
9. Stamatiadu E. *Leksiko-semanticheskie, strukturnye i funktsional'nye osobennosti arkhitekturnoi leksiki (na materiale angliiskogo, nemetskogo, grecheskogo i russkogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic, structural and functional features of architectural vocabulary (based on the material of the English, German, Greek and Russian languages): abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Maikop, 2010. 23 p.
10. Trofimova N. A., Shchitova O. G. [Latest borrowings in Russian construction terminology of the 21st century]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 470, pp. 50–61.
11. Figurny G. N. [On the origin of Architectural Design: Science vs Metaphysics]. In: *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii* [Architecture and Modern Information Technologies], 2021, no. 4, pp. 70–83.
12. Shipitsyna O. A., Kondrashina S. V. [Interaction of information in texts on architectures]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2012, no. 3, pp. 43–46.
13. Yakhina R. R., Afonina E. V. [Functionality of foreign-language inclusions in Russian-language texts (on the material of modern media)]. In: *Litera*, 2021, no. 5, pp. 33–39.
14. Ivanchenko M. The characteristics of English terms structure in architecture and construction industry. In: *Periodyk naukowy akademii polonijnej*, 2020, no. 1, pp. 41–45.
15. Sakaeva L., Bazarova L., Kalinina A., et al. English and Russian architectural and construction terminology: approaches to classification and systematization of terms. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, vol. 890. Kazan, IOP Science, 2020, pp. 1–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Овакимян Аревик Дерениковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Бронницкого филиала Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ); e-mail: arevikhovakimyan@yandex.ru

Arevik D. Hovakimyan – Cand. Sci. (Philology). Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Bronnitsy's branch; e-mail: arevikhovakimyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Овакимян А. Д. Ассимиляция терминов христианской архитектуры в русском и английском языках (структурный морфемный анализ) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Hovakimyan A. D. Assimilation of the terms of Christian architecture in the Russian and English languages (structural morpheme analysis). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'255.4

Филиппова И. Н.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

АПРОПРИАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО «ПЕРЕВОДА»

АННОТАЦИЯ

Цель. Статья посвящена изучению апроприации как стратегии интерсемиотического перевода, оценке трансформаций и полимодальных средств передачи концептуальной картины мира, отражённой в оригинале – поэме-сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Центр исследовательской проблематики составляет анализ границ допустимых трансформаций интерсемиотического перевода.

Процедура и методы. Материалом служат вербальный текст поэмы-сказки А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и полимодальные реализации разных лет: фильмы «Руслан и Людмила» 1914, 1938 и 1972 гг., а также анимационный фильм «Руслан и Людмила: перезагрузка» 2018 г. Общий объём эмпирической базы составляет 4 ч. 50 мин. экранного времени. В работе использованы общенаучные методы наблюдения над фактическим материалом, анализ, синтез, обобщение и абстрагирование, а также количественный анализ, дескрипция и лингвистические методы дискурсивного, стилистического и сопоставительного анализа.

Результаты. Сопоставление мономодального вербального текста оригинала «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина с полимодальным аудио-видео-вербальным текстом «Руслан и Людмила: перезагрузка» 2018 г. выявляет искажение и отчуждение как главные стратегии «экранизации по мотивам». Обнаружены отличия персонажного состава, сюжетной линии, речевых и поведенческих стереотипов персонажей, замещение авторского текста, искажение прагматической задачи автора.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование раскрывает принципиальную невозможность идентификации апроприации как результата интерсемиотического «перевода», которая является опытом иной формы межкультурной коммуникации, приближающейся к лингвокультурной войне. Девальвация автора, деформация оригинала позволяют формулировать тезис о недопустимости апроприации в интерсемиотическом переводе как разрушения оригинала и лингвокультурной идентификации, нарушении аутентичности и этики перевода, нацеленном на дискредитацию культурного наследия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

апроприация, А. С. Пушкин, деформация, интерсемиотический перевод, концептуальная картина мира, полимодальность, трансформация

СТРУКТУРА

Введение

Методология и эмпирическая база исследования

Обсуждение результатов

Заключение

I. Filippova*State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***APPROPRIATION AS A STRATEGY OF INTERSEMIOTIC
“TRANSLATION”****ABSTRACT**

Aim. To study approbation as a strategy of intersemiotic translation, evaluation of transformations and polymodal means of transmitting a conceptual picture of the world reflected in the original text – Pushkin’s fairy tale poem “Ruslan and Lyudmila”. The center of research issues is an analysis of the boundaries of permissible transformations of intersemiotic translation.

Methodology. The material is the verbal text of A.S. Pushkin’s fairy tale poem “Ruslan and Lyudmila” and polymodal implementations of different years: the films “Ruslan and Lyudmila” of 1914, 1938 and 1972 and the animated film “Ruslan and Lyudmila: Reloading” of 2018. The total volume of the empirical base is 4 hours 50 minutes of screen time. The work applies general scientific methods of observation of factual material, analysis, synthesis, generalization and abstraction, as well as quantitative analysis, description and linguistic methods of discursive, stylistic and comparative analysis.

Results. Comparison of the monomodal verbal text of the original “Ruslan and Lyudmila” by A.S. Pushkin with the polymodal audio-video-verbal text “Ruslan and Lyudmila: Reloading” in 2018 reveals distortion and alienation as the main strategies of “adaptation based on...”. Differences in the character composition, storyline, speech and behavioral stereotypes of characters, substitution of the author’s text, distortion of the author’s pragmatic task were found.

Research implications. The conducted research reveals the fundamental impossibility of identifying appropriation as a result of intersemiotic “translation”, being an experience of another form of intercultural communication approaching a linguistic and cultural war. The devaluation of the author and the deformation of the original text allow us to formulate the thesis about the unacceptability of appropriation in intersemiotic translation as the destruction of the original text and linguistic and cultural identification, violation of authenticity and ethics of translation aimed at discrediting cultural heritage.

KEYWORDS

appropriation, A. S. Pushkin, deformation, intersemiotic translation, conceptual picture of the world, polymodality, transformation

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература составляет одно из главных культурных сокровищ нации, особенно если авторское произведение содержит фольклорные мотивы. Именно так видел свою творческую задачу А. С. Пушкин, работая над текстом поэмы-сказки «Руслан и Людмила». Этот яркий сплав былинного эпоса, волшебной сказки, баллады, лёгкой иронии и эротизма получил восторженные отклики широкой публики, несмотря на критические комментарии А. Ф. Воейкова и И. И. Дмитриева. Стоит подчеркнуть, что поэму молодой Пушкин (недавний выпускник Царскосельского лицея) сочи-

нял под влиянием «Неистового Роланда» Л. Ариосто, «Орлеанской девственницы» Вольтера, сказок «О Еруслане Лазаревиче» М. М. Хераскова и «Альоши Поповича» Н. А. Радищева, а также находясь под сильным впечатлением от «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Весьма примечательно также, что из этого исторического труда поэт почерпнул многочисленные подробности и имена соперников Руслана, имевших исторических прототипов (Рагдай упоминается в Никоновской летописи, Ратмир – герой Невской битвы, дружинник Александра Ярославовича Рюриковича (Невского)). Не будет поэтому преувеличением считать поэму в значительной степени насыщенной историческими деталями и аутентичными традициями, но также изобилующей фантастическими персонажами и сказочными сценами. Отмеченные черты косвенно указывают на адресность поэмы-сказки, обращённой отнюдь не к детской аудитории. Несомненно, поэма-сказка обладает большой ценностью как шедевр национальной русской литературы и как отражение языковой и концептуальной картины русского мира.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом служат вербальный текст поэмы-сказки А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (6,2 п. л.)¹ и её полимодальные реализации с временной амплитудой почти в 200 лет. Анализу подвергаются иллюстрация на фронтисписе прижизненного издания поэмы и работа И. Я. Билибина «Руслан и голова» (1908 г.) как первые опыты полимодальной передачи. Обращение к отечественному фильму «Руслан и Людмила» 1914 г.² невозможно в связи с утратой киноплёнки, использованы архивные фото со съёмок (статичные изображения). Одноимённые фильмы СССР 1938 г.³ и 1972 г.⁴, анимационный фильм «Руслан и Людмила: перезагрузка» 2018 г.⁵ производства Украины анализируются в полных версиях полимодальных кинотекстов. Общий объём эмпирической базы составляет 4 ч. 50 мин. экранного времени.

В работе использованы общенаучные методы наблюдения над фактическим материалом (языковыми знаками, визуальными и аудиальными знаками полимодальных реализаций оригинала), анализ, синтез, обобщение и абстрагирование, а также количественный анализ, дескрипция и графическая

¹ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. С. 653–718.

² Руслан и Людмила (1914) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/empire/10743/annot> (дата обращения: 20.10.2022).

³ Руслан и Людмила (1938) [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/997164454252> (дата обращения: 20.10.2022).

⁴ Руслан и Людмила (1972) [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/286869162693> (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1012427> (дата обращения: 20.10.2022).

интерпретация данных. Лингвистические методы дискурсивного, стилистического и сопоставительного анализа служат интерпретации интерсемиотических трансформаций и идентификации стратегии экранизации оригинала.

На рубеже XX–XXI вв. в переводоведение проник и получил в последние годы широкое распространение термин *апроприация*. Пришедшая из латыни единица (*appropriatio* от *proprius* – собственный) трактуется в толковых словарях как ‘присвоение, завладение; приспособление чего-л.’⁶. Это достаточно широкое понятие скрадывает многие негативные аспекты отчуждения произведения от его автора [10; 12]. Популярный в общем языкознании термин (сопряжённый с традиционными терминами *словообразовательные процессы, заимствование, ассимиляция, деривация* и проч. [9]) переосмыслен в теории перевода (на стыке прикладного и сопоставительного языкознания) и смыкается с такими понятиями, как *адаптация, интертекстуальность, интердискурсивность, мультикультурализм* и проч. [1; 5], имеющими положительный отклик у многих исследователей. Отношение к этому термину за последние 20 лет XXI в. сложилось разное у представителей научных школ перевода как в России, так и за рубежом. В приложении к конкретным фактам языка, отражающим достижение культуры, литературы, национальной картины мира, его можно рассматривать только как отрицательное явление [4; 6; 8]. Хитрая (в русской речевой традиции «ловкая») формулировка «*по мотивам*» уничтожает авторское достижение, достижение культуры, эксплотирует имя автора в коммерческих интересах и несёт угрозу подрыва национальной идентичности у детской – самой впечатлительной и внушаемой – аудитории.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Первое полнотекстовое, иллюстрированное (рис. 1) прижизненное издание поэмы было выпущено в 1820 г. в Санкт-Петербурге в типографии Н. Греча. Внимательный анализ этой визуализации выявляет много маркеров русской культуры: внешнюю атрибутику (повседневную одежду, доспехи, причёски, бороды), визуальную аллюзию (сходство Руслана – в нижнем левом углу иллюстрации – с традиционным образом Георгия Победоносца) – и отражает черты *историзма* и *фольклорности* самого вербального текста иконическими знаками. *Сказочные мотивы* переданы изображением головы и воздушного поединка Руслана с Черномором созвучно стилистической манере и *интенции* А. С. Пушкина.

⁶ Новый словарь иностранных слов: [более 4500 слов] / авт.-сост. М. Ситникова. 4е изд., стер. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 17.

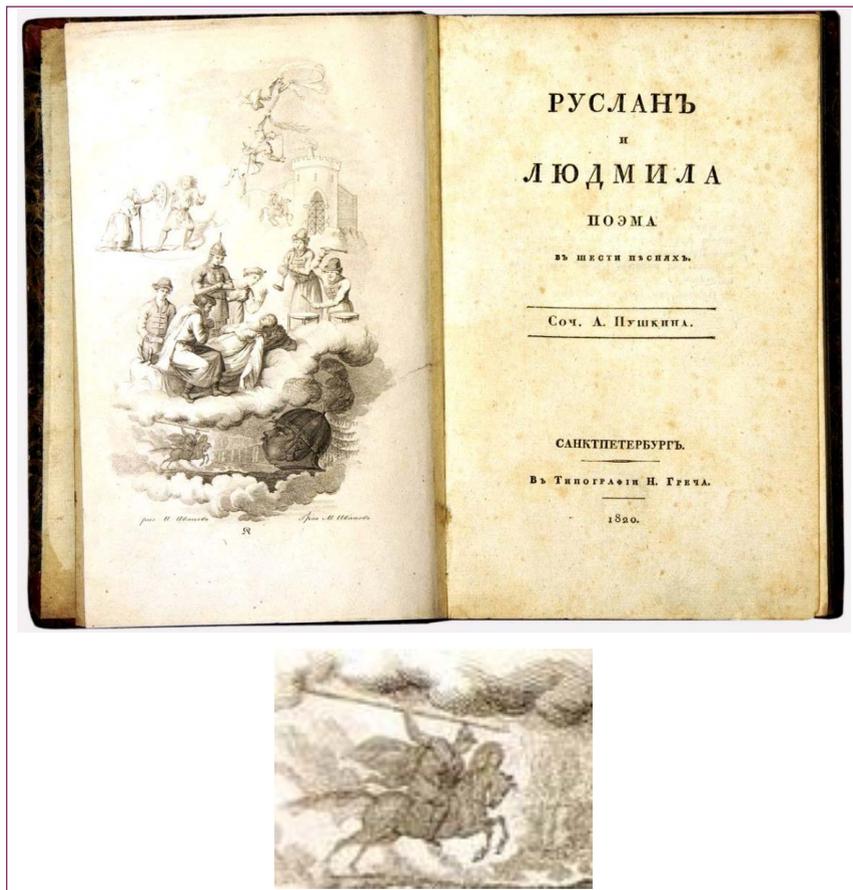

Рис. 1 / Fig. 1. Иллюстрация в прижизненном издании поэмы /
Illustration in the lifetime edition of the poem

Источник: Электронные публикации Пушкинского дома РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8648&ysclid=llgum1ydrj443066839> (дата обращения: 12.04.2023).

Примечательно, что признанный мастер иллюстрации пушкинского наследия и фольклора И. Я. Билибин в своём известном изображении «Руслан и голова» (1908 г.) визуальными средствами подчеркнул эти же стилистические особенности поэмы: единство *русского эпоса, фантастики, исторической верности и народных мотивов*. Для этого он использовал излюбленные им в книжной графике лубочные традиции (нарочитую округлость линий, обилие орнамента, утрированную типизацию в изображении лица), былинную стилистику (историческую подробность доспехов и вооружения, патетичность

позы воина и стилизацию изображения коня, эпичность битвы в многочисленных останках и военных атрибутах, натуралистичность рельефа), поэтику сказки (визуальную аллюзию на жар-птицу, гротеск природных сил – множественность и масштабность звёзд, гипертрофию черт лица – бровей, ресниц, бороды) (рис. 2), представленные на иллюстрации к былине «Вольга» (1903 г.) и сказке «Марья Моревна» (1900–1901 гг.). Авторское видение И. Я. Билибина, его живописная манера согласованы с идиостилистикой пушкинского оригинала.

Рис. 2 / Fig. 2. Иллюстрации И. Я. Билибина к поэме и русскому фольклору / Illustrations by I. Ya. Bilbin to the poem and Russian folklore

Источник: Иван Яковлевич Билибин. Рисунки и иллюстрации [Электронный ресурс]. URL: https://artchive.ru/ivanbilbin/works/type:drawings_and_illustrations-p:4 (дата обращения: 12.04.2023).

Последовавшие за публикацией «Руслана и Людмилы» интерсемиотические переносы многочисленны, разнообразны, разножанровы, их временная амплитуда охватывает почти 200 лет (табл. 1) и вбирает различные технические средства решения полимодальной передачи оригинала в их взаимодействии (визуальные – статичные и подвижные изображения, анимацию и графику, иконические знаки; аудиальные – музыку, фоновые шумы, звучащую речь, голос как музыкальный инструмент; полимодальные знаки – танец, песню).

Таблица 1 / Table 1
 «Руслан и Людмила» в интерсемиотических переводах / “
 Ruslan and Lyudmila” in intersemiotic translations

Интерсемиотический продукт	Название	Создатели	Год, место
балет	Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника	А. П. Глушковский, Ф. Е. Шольц	1821, Москва, Россия
комедия	Финн	А. А. Шаховской	1825, Москва, Россия
опера	Руслан и Людмила	М. И. Глинка, В. Ф. Ширков, К. А. Бахтурин	1842, Санкт-Петербург, Россия
игровой художественный фильм	Руслан и Людмила	В. А. Старевич	1914, Москва, Россия
		И. С. Никитченко, В. П. Невежин и С. Б. Болотин	1938, Москва, СССР
		А. Л. Птушко, С. Б. Болотин	1972, Москва, СССР
анимационный фильм	Руслан и Людмила: перезагрузка	О. Маламуж, Е. Олесов, Я. Войцешек	2018, Украина

Первым опытом собственно экранизации поэмы стал одноимённый немой чёрно-белый фильм, снятый в 1914 г. В. А. Старевичем, но он не сохранился, остались лишь несколько кадров. Они достаточно отчётливо эксплицируют основную идею экранизации (рис. 3) – точность (реализованную как эквивалентное воспроизведение вербального текста невербальными средствами) и верность (как близость прагматической установки экранизации литературному оригиналу).

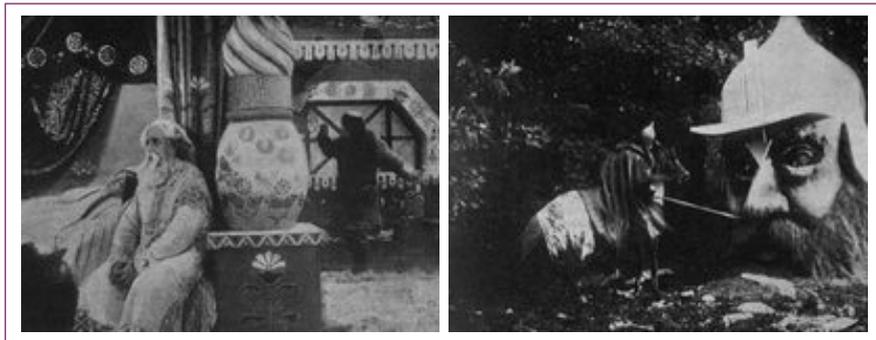

Рис. 3 / Fig. 3. Стилистика экранизации 1914 г. / Stylistics of the 1914 film adaptation
 Источник: Руслан и Людмила (1914) // Кино-театр.ру: [сайт].
 URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/empires/10743/annot> (дата обращения: 12.04.2023).

Затем в 1938 г. на «Мосфильме» по сценарию И. С. Никитченко, В. П. Неvejeина и С. Б. Болотина был снят игровой художественный фильм в стилистике немого кино с закадровым озвучиванием (продолжительностью 50 мин.). Трансформации, неизбежные в любом переводе (как в межъязыковом, так и в интерсемиотическом), в данной киноверсии сводимы к изъятиям нескольких сцен и непринципиальным перестановкам (незначительно изменён порядок сцен относительно их представления в тексте поэмы). В этой новой полимодальной системе представлены те же черты, что наблюдаются в тексте поэмы-сказки и отмечены в иллюстрациях к печатным изданиям (рис. 4): *историзм* (отражённый в деталях внешности, одежды, быта), *эпичность* (показанная массовой батальной сценой и детальными крупными планами поединков), *сказочность* (выраженная в деталях архитектуры и сада во дворце Черномора, волшебных появлениях и исчезновениях Людмилы, чудесах и мифических персонажах), балладные *лиричность* и *романтизм* (реализованные актёрской игрой Л. С. Глазовой и С. Д. Стоярова, а также постановочной отдельными сценами).

В 1972 г. творческим объединением «Юность» концерна «Мосфильм» под руководством А. Л. Птушко и С. Б. Болотина выпущен двухсерийный художественный игровой фильм (длительностью 149 мин.). Этот кинопроект отличается яркой колористикой, детализацией костюмов, множеством новых второстепенных героев, некоторыми сюжетными изменениями (как опущениями, так и дополнениями – почерпнутыми из либретто оперы). Он во многом апеллирует к опере М. И. Глинки, но сохраняет основные стилистические мотивы пушкинского оригинала (рис. 5). Отличает этот музыкальный фильм широкое использование технически усовершенствованных средств киноязыка и естественной кинесики актёров (без гротеска немого кино, как в экранизации 1938 г.).

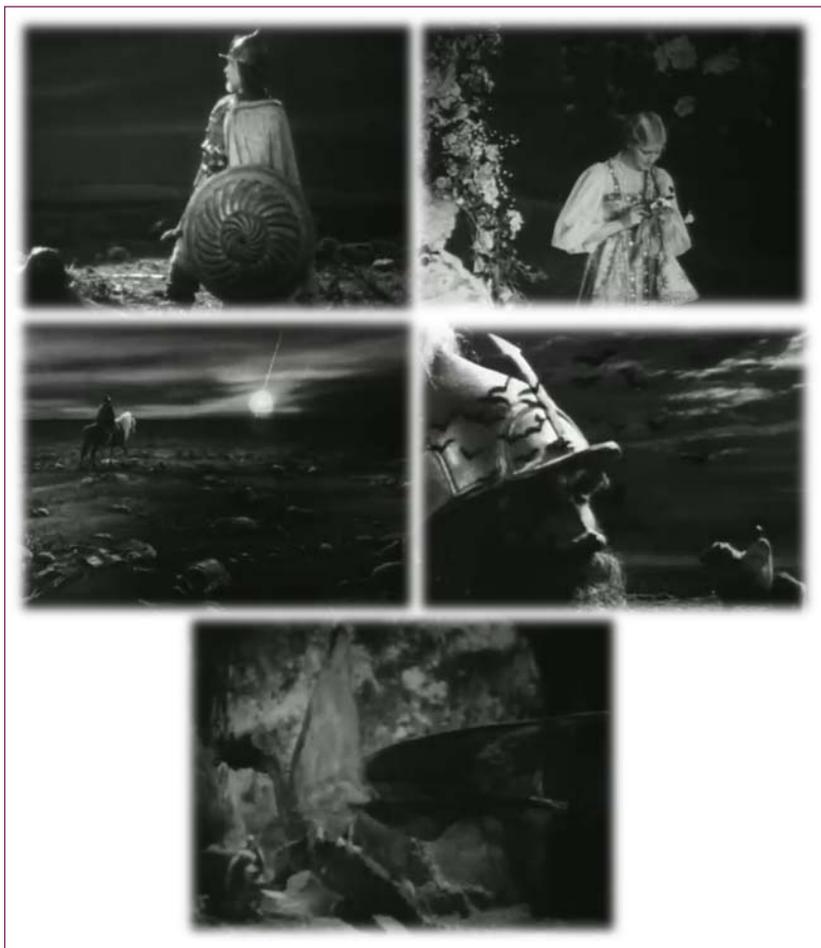

Рис. 4 / Fig. 4. Стилистика экранизации 1938 г. / Stylistics of the 1938 film adaptation
 Источник: Х/ф «Руслан и Людмила». СССР, 1938 г.

Рис. 5 / Fig. 5. Стилистика экранизации 1972 г. / Stylistics of the 1972 film adaptation
 Источник: Х/ф «Руслан и Людмила». СССР, 1972 г.

Есть все основания считать представленные экранизации 1938 и 1972 гг. адекватными результатами интерсемиотического перевода, содержащими факты трансформаций, раскрывающими ту или иную интерпретационную манеру, но сохраняющими явную связь с оригиналом – литературным произведением (в отношении вербальной составляющей, т. е. собственно пушкинского текста, и его стилистики – в новых визуальных и аудиальных средствах реализации авторской интенции).

Иные характеристики демонстрирует новая (хронологически последняя) полимодальная версия – анимационная. Проект «Руслан и Людмила: перезагрузка» (в другой версии «Руслан и Людмила: реальная магия») 2018 г., выпущенный студией Animagrad Украины под руководством О. Маламужа и Е. Олесова по сценарию Я. Войцешка. Принципиально важно, что изна-

чально мультипликационный фильм был задуман как экспорт идеи, поэтому текст (в коммерческих целях – для проката в максимально широкой аудитории) был создан на английском языке и вышел на экраны под названием «The Stolen Princess», а затем был переведён (и мультфильм дублирован) на украинский и русский языки. Технически данный продукт анимации представляет собой полнометражный трёхмерный мультипликационный фильм (длительностью 1 ч. 31 мин.). На сервисах «Кинопоиск» и «Кино-театр.ру» этот проект атрибутирован как комедия, приключения, фэнтези, сказка, экранизация «по мотивам одноимённой поэмы сказки Александра Пушкина»^{7,8}. Этот тезис вызывает решительный протест и эмоциональную бурю у читателей – наследников русской культуры. Источником послужила сказка А. С. Пушкина, однако от неё почти ничего не осталось. Вербальные характеристики не связаны ни с аутентичным русским текстом, ни с литературным переводом на английский язык. Самой лояльной оценкой было бы обозначение этой версии как перевода по мотивам (в терминологии Р. Р. Чайковского [11, с. 70–75]), но для пользования политкорректностью в идентификации этой версии нет ни субъективных, ни тем более объективных причин.

Сказка (сюжет, персонажный состав, мотивация героев, национальный колорит, вербальная составляющая текста) подверглась столь существенным изменениям, что их не представляется возможным оценить иначе, чем прагматическое искажение. В этой анимации обнаруживаются лишь некоторые сюжетные ходы, близкие оригиналу. Персонажные характеристики при этом существенно отличаются от характеристик героев пушкинского произведения, а стилистика образов и изобразительной манеры копирует голливудские образцы анимации (рис. 6).

Зрители видят Руслана странствующим актёром, инфантильным и страдающим от нереализованности, но принимающим героическую миссию; княжна Людмила трансформирована в принцессу Милу, взбалмошную и капризную, как Русалочка в одноимённой диснеевской анимации, владеющую боевыми искусствами, как Фиона в «Шреке». Черномор в визуальном ряду представлен как реинкарнация Джафара; Ратмир, Фарлаф, Рогдай – рыцари – показаны крайне ограниченными и примитивными. Не стоит забывать и персонажей второго плана, среди которых наибольшим деформациям подвергся образ кота учёного: он изображён, по прихоти кинопроизводителей, китайцем, применяющим против рыцарей навыки монаха Шаолиня под завораживающий «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского.

⁷ Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1012427> (дата обращения: 20.10.2022).

⁸ Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/mult/movie/post/132107/annot> (дата обращения: 20.10.2022).

Рис. 6 / Fig. 6. Визуальное заимствование в анимации 2018 г. /

Visual borrowing in the animation of 2018

Источник: М/ф «Аладдин». США, 1992 г.; м/ф «Шрек». США, 2001 г.;

м/ф «Руслан и Людмила: перезагрузка». Украина, 2018 г.

В анализируемом кинопродукте искажения оригинала охватывают все уровни содержания (фактологической и концептуальной информации предметного, сигнификативного, коннотативного, стилистического, прагматического аспекта) и задействуют вербальные и невербальные (визуальные и аудиальные) средства анимации.

Содержательные деформации масштабны, точнее, всеобъемлющи: вербальное сопровождение не имеет никакого отношения к тексту поэмы А. С. Пушкина, искажены сюжетная линия и образы персонажей, очевидна подмена их внешних портретов, их мотивов (= поведенческих стереотипов как слепка моральных норм, речевых стереотипов как языкового портрета и характеристики личности [7]), в замещении (или извращении?) пушкинского текста приобретают прискорбную частотность дисфемические шутки, вулгаризмы, сленгизмы, не оставляющие возможности признать в этом анимационном проекте модернизацию как временную адаптацию.

Авторская интенция и реализующая её стилистика утрачены полностью: от исторических аллюзий (на реальных лицах) не осталось и следа, стёрты народные мотивы (не русский эпос + русская сказка, а безликая универсальная история приключений, лишённая национальной идентичности), маркеры ау-

тентичной культуры намеренно удалены из визуального кода (нет фольклора, есть лишённый народного духа некий рассказ о приключениях).

Трансформации, выполненные продуцентами анимационного фильма, могут быть оценены только как деформации (с точки зрения терминологии лингвопереводоведения) и раскрывают осознанную стратегию авторов этого кинопроекта – тотальное искажение. При множественности дефиниций стратегий межъязыкового перевода и неразработанности типологии стратегий интерсемиотического перевода очевидным представляется заключение, что в теоретическом порядке можно ставить вопрос о переходе от перевода (собственно в его лингвистической парадигме) к иной форме лингвокультурного посредничества, хотя и о посредничестве (имеющем семантическую связь с *согласием, примирением, содействием*^{9,10}) в данном случае также трудно говорить. Более точной (и эмоциональной) оценкой послужила бы идентификация этого проекта как продукта лингвокультурной войны, т. к. такое «произведение» нацелено на размывание концептуальной картины мира [2] и дискредитацию (в широком смысле) культурного наследия. Следует подчеркнуть, что в анализируемом случае (и не единожды, в принципе) концепция мультикультурализма получает превратное толкование, выступая оправданием унификации и национально-этнической элиминации достижения определённой национальной культуры [3]. В каком-то смысле эксплуатация авторского произведения становится предлогом для того, чтобы подрывать национальную идентичность и глобализовывать мир, интересный и привлекательный своей многогранностью и разнообразием, слить в общий котёл самобытные и именно поэтому самоценные артефакты прошлого, лишив наследников культуры их корней и сделав их заложниками универсальности, унификации и скучного единообразия и взаимоподобия.

На фоне представленных злонамеренных искажений оригинала приятно отметить некоторые обнадёживающие тенденции. Отрадно, что продукт студии «Animagrad» запрещён к официальному прокату в России. Ещё более утешительны 3 ярко отрицательные рецензии из 12 представленных на сайте «Кинопоиск» (на сайте «Кино-театр.ру» отзывы отсутствуют – что, видимо, тоже неплохо). Испытывающие культурный шок зрители эксплицитно и эмоционально вербализуют отторжение этого «произведения»:

«Я не смогла посмотреть больше 10 минут ... плоские шутки. Скучно и уныло»¹¹. «От пушкинской сказки тут остались лишь Черномор, голова великана и несколько персонажей с знакомыми именами, причём сами эти

⁹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. С. 351.

¹⁰ Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54791> (дата обращения: 20.10.2022).

¹¹ Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1012427> (дата обращения: 20.10.2022).

персонажи выглядят настолько непохоже на литературных прототипов, что если сменить им имена, то будет совершенно другая история ... Какая-то недоработанная до конца типичная западная сказка ... Всё перечисленное при просмотре вызывает очень неприятные впечатления от осознания, что наследие Пушкина испортили, искромсали и просто погубили ... Вся сказочная атмосфера убивается моментально»¹². «Кривое зеркало – Руслан и Людмила: Перезагрузка... Персонажи вызывают только отвращение. Сюжет пересказывать не стоит, он похож на бредовый сон, очень сложно было досмотреть этот мультфильм до конца. Масса глупых жестоких шуток. Мультфильм, видимо, нацелен на подрастающее поколение и иностранную аудиторию, ибо после его просмотра читать поэму “Руслан и Людмила” едва ли кому-то захочется. Авторы взяли имена главных героев и общую сюжетную линию и извратили её по полной. Смелые и великодушные люди превратились в свою полную противоположность, а злодеи, наоборот, стали положительными персонажами ... В итоге те, кто смотрел, но не читал, будут справедливо полагать, что наследие великого русского поэта – это “вот это”. Задача авторов была максимально исказить смысл произведения, и у них это получилось. Чтобы так ненавидеть произведения Александра Сергеевича, нужно по-настоящему сильно ненавидеть всю русскую культуру. Идти с детьми явно не стоит, а вот взрослым сходить следует. Если сможете досмотреть до конца, получите ещё одну “прививку” против западных “культурных ценностей”»¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные факты деформации, выявленные в отношении различных аспектов оригинала (на фактологическом, семантическом, стилистическом, прагматическом уровнях), не являются объективно детерминированными, а носят исключительно субъективный характер, отражающий волюнтаривную стратегию искажения литературного произведения. В реализации этой стратегии задействованы все средства полимодальности: визуальные, аудиальные, вербальные, невербальные.

Идентификация стратегии авторов анимационного фильма «Руслан и Людмила: перезагрузка» затруднена ввиду отсутствия аналогичных интерсемиотических опытов апроприации. Дискуссионность стратегий перевода, неунифицированность её типологии в междзыковом посредничестве (различные дефиниции, различные классификации для устной и письменной форм коммуникации, для различных видов перевода) при выходе на интер-

¹² Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1012427> (дата обращения: 20.10.2022).

¹³ Руслан и Людмила: перезагрузка (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1012427> (дата обращения: 20.10.2022).

семиотические масштабы дают лишь размытые ориентиры (т. к. не могут быть прямо апплицированы к новой полимодальной системе коммуникации).

Оправдание искажений стратегией модернизации или возрастной адаптации (недетской поэмы для детской аудитории) не подтверждается объективным анализом. Абсолютная замена пушкинского текста (а не частичное изъятие эротической составляющей оригинала) однозначно указывает на подмену источника, которая в совокупности с деформациями персонажей и сюжета, утратой национального колорита, устранением исторических аллюзий и фольклорных мотивов волшебной сказки выдаёт стратегию тотального искажения. Апроприация превращается в эксплуатацию имени автора оригинала.

Целенаправленная дисперсия оригинала, поддерживаемая визуально (подменой изобразительной стереотипии) и аудиально (девальвацией музыкального наследия), даёт основания расценивать анализируемый продукт как проявление лингвокультурной войны, нацеленной на уничтожение русской языковой и концептуальной картины мира и – в целом – культурного достояния России.

В заключение представленного анализа «апроприации» как стратегии интерсемиотики необходимым видится продолжение дискуссии по нескольким фундаментальным вопросам. Насколько «растяжимы» границы адаптации в интерсемиотическом переводе (в отличие от его межъязыковых видов и форм в лингвистической и литературоведческой парадигмах)? Каковы юридические аспекты в области авторского права, допускающие тотальное искажение под маркой «экранизации *по мотивам*»? Могут ли быть выработаны этические нормы интерсемиотического перевода, если даже в межъязыковом переводе они до нынешнего момента не получили однозначного толкования и не могут в связи с этим служить ориентиром в межкультурной коммуникации?

Эти риторические вопросы очерчивают круг проблематики самого переводоведения и отражают дискуссионный характер его статуса в межъязыковом и (особенно) интерсемиотическом пространствах.

Защита литературного, изобразительного и музыкального богатства, подвергшегося насильственной апроприации в акте вандализма, возможна при консолидации усилий российских мультипликаторов (имеющих прекрасные образцы анимации сказок А. С. Пушкина И. П. Ивановым-Вано), детских психологов, культурологов, имеющих целью создание национальной программы защиты культуры и принятие этических норм временной трансляции литературы в интерсемиотическом пространстве.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023

Статья размещена на сайте: 04.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрощук Г. Авторское право в апроприативном искусстве: доктрина и практика // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 2. С. 58–68.
2. Блох М. Я. Концепт и картина мира в философии языка // Пространство и время. 2010. № 1. С. 37–40.
3. Вековищева С. Н., Иванова Н. А., Улиткин И. А. Соотношение понятий «дух народа» и «язык» в работах В. фон Гумбольдта // Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность: сборник статей по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Москва, 20 февраля 2017 г. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 42–46.
4. Вольф М. Н., Берестов И. В. Сверхинтерпретация или апроприация? // *Respublica Literaria*. 2020. Т. 1. № 1. С. 58–68.
5. Зельдович Г. М. Взаимоподобие смыслов и структура художественного текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. С. 87–100.
6. Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 11–29.
7. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 35–49.
8. Московчук Л. С. Культурная апроприация как этическая проблема в контексте сохранения культурного наследия // Наследие веков. 2022. № 1. С. 54–62.
9. Радбиль Т. Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 107–115.
10. Себрюк А. Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 134–148.
11. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
12. Щетинина Н. В. Истоки апроприации в современном искусстве: проблема репродуцирования и тиражирования в теории В. Беньямина // Университетский научный журнал. 2015. № 14. С. 229–236.

REFERENCES

1. Androshchuk G. [Copyright in Appropriative Art: Doctrine and Practice]. In: *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property Journal], 2016, no. 2, pp. 58–68.
2. Blokh M. Ya. [Concept and picture of the world in philosophy of language]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 2010, no. 1, pp. 37–40.
3. Vekovischeva S. N., Ivanova N. A., Ulitkin I. A. [Notions 'national spirit' and 'language' in works of Wilhelm von Humboldt]. In: *Vil'gel'm fon Gumboldt i ego nasledie: klassika i sovremennost': sbornik statei po materialam Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 20 fevralya 2017 g.* [Wilhelm von Humboldt and his legacy: classics and modernity: a collection of articles based on the materials of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference, Moscow, February 20, 2017]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, pp. 42–46.
4. Wolf M. N., Berestov I. V. [Overinterpretation or Appropriation?]. In: *Respublika Literaria*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 58–68.
5. Zeldovich G. M. [The mutual similarity of meanings and structures in a literary text]. In: *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic accent], 2020, vol. 11, no. 1, pp. 87–100.
6. Zykova I. V. [Interdiscursive Parameters of Linguistic Creativity (The Case Study of Cinematic Discourse)]. In: *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], 2021, no. 2, pp. 11–29.
7. Karasik V. I. [Norms of behavior in linguistic worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 35–49.
8. Moskovchuk L. S. [Cultural Appropriation as an Ethical Problem in the Context of Cultural Heritage Preservation]. In: *Nasledie vekov* [Heritage of Centuries], 2022, no. 1, pp. 54–62.
9. Radbil T. B. [Cultural appropriation of borrowed words in the light of the theory of language conceptualization of the world]. In: *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2017, no. 13, pp. 107–115.
10. Sebyruk A. N. [Linguistic discrimination and linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the U.S.]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2019, vol. 17, no. 1, pp. 134–148.
11. Chaikovskii R. R. *Real'nosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sotsiologicheskie aspekty)* [Realities of poetic translation (typological and sociological aspects)]. Magadan, Kordis Publ., 1997. 197 p.
12. Scshetinina N. V. [The origin of appropriation in contemporary art: the problem of reproduction and serial production in the theory of W. Benjamin]. In: *Universitetskii nauchnyi zhurnal* [Humanities and Science University Journal], 2015, no. 14, pp. 229–236.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения; e-mail: little_lion06@mail.ru

Irina N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of the Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education; e-mail: little_lion06@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Филиппова И. Н. Апроприация как стратегия интерсемиотического «перевода» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Filippova I. N. Appropriation as a strategy of intersemiotic “translation”. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательно независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Туркова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».